

© Евгений КЛЮЕВ, 2007 — полная авторская редакция текста и иллюстраций.
Настоящая публикация — единственная в интернете свободная от ошибок и сокращений.
Автор предоставил Библиотеке ImWerden эксклюзивное право
на электронную публикацию своих произведений.
© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. 2007
<http://imwerden.de>

Текст романа и иллюстрации печатаются по изданию © „Гятри“, 2006
Текст «Автобиографии» и автопортрет в вышеназванное издание не вошли

Евгений КЛЮЕВ

МЕЖДУ ДВУХ СТУЛЬЕВ

КНИГА С ТМИНОМ

ImWerdenVerlag
München 2007

«...нет...»

Фр. Бэкон. «Новый органон»

... начнем, *например*, с пирога — пусть это будет пирог с тмином, потому что совершенно все равно как то, с чего начать, так и то, с чем пирог. Правда, пирог с тмином теперь большая редкость: мало кто умеет приготовить настоящий пирог с тмином, хоть, в общем-то, это не так уж трудно. Берется *любой* пирог и тмин — желательно в зернышках. Зернышки втыкаются в пирог, и получается пирог с тмином. Все дело в том, что обычно люди ленятся втыкать зернышки, поскольку процедура эта утомительна. Так пирог с тмином постепенно исчезает из обихода, а вместе с ним и выражение «пирог с тмином»: сначала оно перестает соотноситься с уже упоминавшимся (шесть раз) кулинарным произведением, а потом и вовсе превращается в какую-то абракадабру — «пирокстминам».

И вот этот молодой человек, очень симпатичный, но, может быть, чрезмерно серьезный (зовут его не то Петр, не то Павел — я точно не знаю и предлагаю, во избежание недоразумений, называть его Петропавел), не случайно переспрашивает:

— Простите, пирог — с миной?

Глава 1

Пирог с миной

Выражение «*Пирог с миной*» — не совсем понятное выражение. Оно может означать пирог с недовольным лицом — этаким капризной миной — и пирог, начиненный взрывным снарядом. Первое неприятно, второе просто опасно. Пока Петропавел размышлял об этом, внесли пирог. С лицом у пирога все было нормально: открытое румяное лицо, хоть и не слишком запоминающееся. Зато вот середина пирога подозрительно выпячивалась — и, когда над ней занесли довольно большой нож, Петропавел счел своим долгом напомнить:

— Осторожно, там мина!

Однако, несмотря на предупреждение, нож был безрассудно вонзен в самую середину. Стоит ли удивляться, если тут же раздался очень впечатляющий взрыв, и комната, где все это происходило, наполнилась сизым дымом? Дым рассеивался долго, но рассеялся весь — и Петропавел успел увидеть, как через комнату пронесся на коне всадник, причем Петропавлу показалось, что у всадника этого больше чем одна голова. Сколько именно голов у него, определить было трудно, здесь Петропавел мог и ошибиться, но готов был подтвердить под присягой, по крайней мере, то, что какое-то недоразумение в верхней части тела у всадника имелось. Это производило нехорошее сильное впечатление. Петропавел ринулся было вслед, но поймал себя на мысли, что это глупо — кидаться вдогонку за всадником, не имея коня, и вернулся на прежнее место, которое оказалось занятым. На этом месте ярко одетая девушка обнимала и целовала человека, годившегося ей в отцы, деды и прадеды одновременно, рассказывая ему о том, как она его любит, и о том, что это у нее впервые в жизни. Петропавел очень смутился, застав такой нежный и ответственный момент отношений двух незнакомых людей. Он сделал шаг назад и попытался даже произнести какие-нибудь извинения, но не успел, потому что ярко одетая девушка внезапно перестала обнимать и целовать возлюбленного и, прыжком переместившись к Петропавлу, принялась обнимать и целовать его. Объятия и поцелуи перемежались со словами:

— О любовь моя, я так долго ждала тебя! Я полюбила тебя сразу сильно и страстно: это у меня впервые в жизни!

Все произошло так быстро, что Петропавел даже не смог опознать секунду назад уже слышанный им текст: перед его глазами моталась красная роза — голова пошла кругом и, кажется, начала побаливать. В мгновение ока зацелованный весь, он почувствовал страшную слабость и с трудом выдохнул:

— Разве мы знакомы?

— Мы созданы друг для друга! — горячо воскликнула девушка и сопровождала восклицание объятием, похожим на членовредительство. Петропавел ойкнул, а мучительница продолжала: — Хочешь взять мою жизнь — так на же, бери ее, она твоя! Для чего она мне теперь, когда я встретила тебя, о моя жизнь!

Петропавлу не требовалась предложенная ему жизнь, тем более что его собственная, кажется, была в опасности, но он ничего не ответил, сомлев от очередного объятия и окончательно утратив способность соображать.

Когда на время угасшее сознание вернулось, тем, о ком сразу вспомнил Петропавел, стал человек, годившийся девушке в отцы, деда и прадеды. Все еще осыпaeмый поцелуями, Петропавел уцепился за первую попавшуюся мысль о нем — мысль случилась такая: «Сейчас он меня зарежет». Но сосредоточиться даже на этой простой мысли оказалось невозможно: роза продолжала мотаться перед глазами и сбивала с толку. Впрочем, Петропавел исхитрился-таки искоса взглянуть на прежнего возлюбленного девушки, которого ожидал увидеть с ножом в руке: тот блаженно улыбался и с удовольствием крестился, глядя на них. Похоже, он был страшно рад избавлению. «Меня не зарежут, — с грустью понял Петропавел, — значит, рассчитывать на постороннюю помощь не приходится. Надо, значит, самому позаботиться о себе...» Но не тут-то было: руки и ноги отказывались служить. Единственное, что удалось, — это избавиться от розы: Петропавел изловчился и вырвал ее из замысловатой прически мучительницы. Отбросив цветок подальше, он покорился судьбе и беспокойно ожидал смерти. О пощаде, видимо, не могло быть и речи.

За короткое время Петропавла истрепали всего — и он почти не расслышал спасительных слов, внезапно произнесенных девушкой:

— Не люблю тебя больше! — воскликнула она, с воплем «О любовь моя!» устремляясь в сторону. Перед глазами Петропавла на мгновение мелькнули уже знакомый ему всадник и вспрыгнувшая в занятое седло красавица. «Я так долго ждала тебя! Я полюбила тебя сразу — сильно и стра...» — донеслось до него издалека.

Петропавел вздрогнул и забился в тревожном и кошмарном сне. Сон отличался от яви только невообразимым количеством роз, украшавших волосы незнакомки — и Петропавел все вырывал и вырывал их из замысловатой прически...

— Не спи, свихнешься, — услышал он сквозь ужас сна голос человека и почувствовал, как что-то упало на лицо. Петропавел усилием воли прекратил сновидение с розами.

— Это кто? — спросил он.

Перед ним сидел прежний возлюбленный девушки и ел рыбу.

— Это? — человек беспечно бросил в Петропавла еще одну рыбью кость. — Это Шармен. Испанка, знаете ли... У любви, как у пташки, крылья, и все такое прочее... Рыбы хотите?

Петропавел отрицательно помотал головой:

— А чего она такая... эта Шармен? Налетела, как буря...

— Полюбила, — развел руками человек, доедавший рыбу, — что ж тут поделаешь? Со всяким бывает. — Он вытер рот краем плаща и отчитался: — Рыбы больше нет. Осталось куста четыре в кусках.

— А Вы кто? — спросил Петропавел, не вполне понимая слова незнакомца и подозрительно его разглядывая. Тот был одет исключительно старомодно: широкополая шляпа, плащ до земли, под плащом — жабо со всеми делами, потом ботфорты, шпоры...

— Бон Жуан, — отрекомендовались в ответ.

— Дон Жуан? — переспросил Петропавел.

— Бон! Бон Жуан, я ведь ясно сказал. Дон Жуан — он противный очень, бабник и так далее. Я про него такое знаю: шестой, хоть пятый!

— Как это — шестой, хоть пятый?

— Хоть стой, хоть падай, говорю, — и Бон Жуан заметил: — У Вас со слухом что-то... А я, чтоб Вы знали, — хороший, отличный я просто.

— Очень приятно, — пришлось соврать Петропавлу.

— Теперь Вы о себе говорите, хороший Вы или нет! — приказал Бон Жуан.

— Да как сказать... — засмутился Петропавел.

— Скажите, как есть, — посоветовал Бон Жуан, — я все пойму и прощу. Я же Вас не знаю, поэтому Вас для меня пока нет. И, стало быть, можно предполагать о Вас что угодно. Например, что Вы дрянь.

— Благодарю Вас, — поклонился Петропавел.

— Не стоит благодарности: предполагать действительно очень легко. Попробуйте предположить, например, что нынешний король Франции лыс.

Петропавел попробовал и признался:

— Не могу... Во Франции сейчас вообще нету короля.

— Тем более! — горячо подхватил Бон Жуан. — Если его нет, как раз и допустимо предположить о нем все, что хочешь! Эта ситуация сильно напоминает хотя бы следующую: если у Вас нет денег, можно смело предполагать, что Ваши деньги сделаны из листьев лопуха, или из блинной муки, или из кафельных плиток. Денег все равно нет — так что любое предположение равноценно. Потому-то и несуществующего короля Франции одинаково правильно представлять себе лысым, заросшим волосами, стриженным под горшок: ни одна из версий не будет ошибочной. Это ведь самое милое дело — строить предположения о том, чего нет, или о том, чего не знаешь.

— То есть на пустом месте! — язвительно уточнил Петропавел.

— А на *каком* еще можно? — изумился Бон Жуан. — Если место чем-то занято, его сначала нужно расчистить, а потом уже строить предположения.

Петропавел начал раздражаться:

— Значит, ни короля Франции, ни денег нет, а мы с вами давайте рассуждать о том, какие они!

Бон Жуан несколько даже опешил от этого заявления:

— У Вас, что же, вообще отсутствуют какие бы то ни было представления о том, чего нет?

— Но если этого нет! — воскликнул Петропавел. — На нет и суда нет.

— Забавно, — скорее себе, чем Петропавлу, сказал Бон Жуан. — По-вашему, получается, строить предположения можно только по поводу того, что есть? Но если это *и так* уже есть — какой же смысл строить предположения?.. Мои ботфорты, — он наклонил голову и проверил, — украшены шпорами. Шпоры — есть. Я знаю, что они — есть, и потому лишен возможности строить предположения на сей счет. Чтобы строить предположения, я должен считать шпоры несуществующими.

— Но они существуют, — безжалостно напомнил Петропавел.

В ответ на это Бон Жуан с силой оторвал шпоры и, вышвырнув их в окно, уставился на собеседника долгим дидактическим взглядом.

— Теперь мои ботфорты *не* украшены шпорами... Из-за Вас, между прочим! — Бон Жуан вздохнул, с огорчением разглядывая изуродованные ботфорты. — Стало быть, шпор нет — именно с этого момента я и имею право начинать строить предположения о том, что *могло бы быть* на освободившемся месте. Скушали? — он победоносно улыбнулся.

Петропавел посмотрел на Бон Жуана, как на идиота.

— Впрочем, я прибегнул к крайней мере, — признался Бон Жуан. — В разговоре с нормальными — я подчеркиваю, нормальными! — людьми достаточно бывает предварительно договориться: *допустим*, нет того, что есть. И нормальные люди, как правило, соглашаются не принимать существующее положение вещей как окончательное и единственно возможное... Скажем, у Вас нет головы, которая есть. Вот тут-то и начинается: если нет головы, то — что есть? Значит, я мысленно отрываю Вам голову и ставлю на ее место... ну, чайник. Я ведь не мог бы поставить чайник на место головы,

не оторвав головы — в противном случае получится, что я просто поставил чайник Вам *на голову*, а это совсем другое. Понятно?

Петропавел пожал ничего не понявшими плечами.

— Голову Вам, что ли, оторвать для наглядности? — и Бон Жуан задумался. — Вам ведь вынь да положь — голову на блюде!..

Однако вместо этого он вынул из вазы на столике два цветка, украсил ими ботфорты и сказал:

— *Теперь* мои ботфорты украшены цветами. Цветы заняли то самое место, откуда исчезли шпоры, и я опять лишен возможности строить предположения. Я могу только констатировать: эти цветы — есть. Я констатирую — и мне скучно... Мне больше нравится «нет», чем «есть». Потому что всякое «нет» означает «уже нет» или «еще нет» — прошлое и будущее, у «нет» — история, а у «есть» истории не бывает... — Бон Жуан помолчал и резюмировал: — Самое интересное в мире — это то, чего нет. Но Вас, кажется, больше интересует то, что есть. Досадно.

— Вы просто играете словами, — равнодушно уличил его Петропавел.

Бон Жуан усмехнулся:

— Милый мой, *все* мы просто играем словами! Но всем нам кажется, будто словами своими мы способны придавить к земле то, что существует вокруг нас. Мы уверенно говорим о чем-то: «Это имеет место быть!» А откуда у нас такая уверенность?

Петропавел решил, что этот вопрос не к нему.

— На самом же деле, — вздохнул Бон Жуан, — никто не вправе делать подобные заявления: ведь заявлениями этими мы отделяем действительное от возможного, в то время как действительное и возможное существуют бок о бок. Вам известно что-нибудь про возможные миры?

На всякий случай Петропавел снова смолчал. Бон Жуан усмехнулся:

— А между тем мир реальный — не более чем один из возможных миров... Но даже если Вы *очень* постараетесь. Вам все-таки не удастся логическим путем вывести этот реальный мир из всех возможных.

— Чего ж его выводить, когда он есть? — наконец включился в диалог Петропавел.

— Пора уже разобраться с Вашим «есть» и моим «есть». По-моему, это далеко не одно и то же. Ваше «есть» — оно... оно незыблемое, как учебник всемирной истории.

— А Ваше? — дерзнул Петропавел.

— А мое... Видите ли, мое «есть» представляет собой только *вынужденную* передышку между двумя соседними «нет». Оно как бы извиняется за то, что в данный момент имеет место быть. Но охотно уступает это место по первому требованию. Потому что все, что «имеет место быть», существует лишь постольку, поскольку не существует другого. Существующее существует ценою несуществующего. А то, в свою очередь, всегда находится где-нибудь поблизости, рядышком. И граница между ними совсем узенькая — гораздо уже, чем Вы думаете! Если, конечно, Вы вообще думаете о таких вещах... Но вот что интересно: достаточно малейшего перекоса, малейшего перевеса одного из обстоятельств — и все сразу изменится, пойдет по-другому. Несуществующее займет место существующего и будет существовать. И с Вами никогда не произойдет того, что должно было бы произойти, не случись этого малейшего перекоса. Есть такой миг, когда все возможности равноправны и каждая из них начеку — и каждая только и ждет своего часа... Вот так... — тут Бон Жуан наклонился к ботфортам и вынул из них цветы. Подумал и приладил на ботфорты две рыбы кости.

Петропавел покачал головой.

— Кроме того, мое «есть» способно и потесниться, — продолжил Бон Жуан. — А это значит, что шпоры, цветы и рыбы кости могли бы *сосуществовать* на ботфортах

Вашего покорного слуги. Просто я не люблю, когда украшений слишком много. Но охотно допускаю, что кто-нибудь другой...

— Простите, — ни с того ни с сего спросил вдруг Петропавел. — А с кем ускакала Шармен?

Прерванный на полуслове Бон Жуан посмотрел на него с досадой:

— Это был Всадник-с-Двумя-Головами.

— Ах, вот что — с двумя головами... Странно.

— Нормально, — устало сказал Бон Жуан. — Если где-то есть и скачет Всадник без Головы, — надеюсь, Вы Майн Рида читали? — то совершенно естественно, что у одного из *оставшихся в мире всадников* будет две головы.

Тут Бон Жуан очень пристально посмотрел на Петропавла и сморозил:

— У меня такое впечатление, что Вы женщина.

— Приехали, — вздохнул Петропавел.

— Вы на что-то обиделись? — поинтересовался Бон Жуан. — Я не хотел Вас обидеть. Просто я не понимаю, почему с Вами разговариваю. Дело в том, что с мужчинами я вообще никогда не разговариваю. Так Вы не женщина? — Петропавел отрицательно и глупо покачал головой. — Тогда извините... Мне не о чем с Вами говорить, — пожал плечами Бон Жуан и отправился вон из комнаты.

— Чертовщина какая-то, — вслух подумал Петропавел. — Бон Жуан, Шармен, Всадник-с-Двумя-Головами... По-моему, тут все сумасшедшие.

Глава 2

Засекреченный старик

Когда Петропавлу наскучило одному, он двинулся в том же самом направлении, в котором исчез Бон Жуан, и сразу обнаружил, что комната плавно переходит в лес: сначала на полу появились отдельные травинки, потом — пучки, низкие кустики, деревья — и вот уже Петропавел забрел в чащу. Оттуда доносился развеселый какой-то голос: там пели песнь. Слова в ней были следующие:

«Двенадцать человек на сундук холодца —
йо-хо-хо! —
и ботинки гнома...»

Петропавел пошел на песнь и увидел сидевшего на суку небольшого бескрылого старичка, ее распевавшего. Петропавел сразу решил быть с ним строгим и спросил:

— Вы кто такой?

— Не твое дело! — Старичок оказался грубым. — Ты так спрашиваешь, словно это *ты* создал мир, а я, вроде бы, проник в него без твоего ведома! Но мир создал не ты, я точно знаю. Я даже знаю, *кто* создал, но тебе не скажу! Кто такой... Никто такой, вот тебе! — и он запустил в Петропавла шишкой. Тот поднял шишку и удивился ей: дерево, на котором сидел старичок, было березой.

— Откуда у Вас шишка?

— От сердца оторвал, — нашелся старичок в этой, казалось бы, безвыходной ситуации. — Любопытной Барбаре в походе нос оторвали!

— В комод, — поправил Петропавел.

— Барбара смущена, — диковато отреагировал старичок.

Петропавел не понял и остолбенел.

— Не надо столбенеть, как будто ты услышал чушь, — посоветовал старичок. — Ты ведь не можешь гарантировать, что в настоящий момент где-то, пусть даже далеко от нас, не находится какая-нибудь *незнакомая нам* Барбара. А если это так, то не исключено, что *именно сейчас* она чем-либо смущена. Впрочем, это тоже не твое дело.

Разговаривать с грубияном-старичком дальше не имело смысла — и Петропавел решительно двинулся вперед.

Лес густел медленно и незаметно, как кисель. Петропавел обернулся на треск сучьев: старичок, оказывается, крался за ним.

— Вы все еще тут? — холодно спросил Петропавел старичка.

— Что ты непрестанно лезешь в мою личную жизнь? — заорал тот, а Петропавел от возмущения такой постановкой вопроса в сердцах пнул ногой громадный дуб, который тут же повалился вбок, подминая под себя другие деревья. Одно из них задело грубого старичка, и тот почему-то страшно неуклюже — мешком — свалился в траву, не проронив ни звука. Петропавел подождал с минуту: может, звук запоздал? Но звук

так и не раздался. «Я убил его!» — ужаснулся Петропавел и бросился к пострадавшему. Тот лежал в траве и смеялся. Насмеявшись, он грамотно объяснил:

— Я не убился, а рассмеялся!

— Давайте все-таки познакомимся, — смягчился Петропавел при виде подобного добродушия.

— Обойдешься, не велика пицца! — без любезности откликнулся старичок и белкой взлетел на сук.

«Ну и шут с тобой!» — сказал Петропавел в сердце своем и снова зашагал один. Идти становилось все труднее: похоже, он забрел в самые дебри. Привязчивый спутник, следуя за ним, от скуки, должно быть, вдруг громко, но довольно вяло исполнил бессмысленный вокальный номер:

«Из-за мыса, мыса Горн
едет дедушка Леггорн...»

Не дождавшись поощрения, старичок попытался завязать беседу.

— Хорошо тут, в ЧАЩЕ ВСЕГО, правда?

— Предлог «в» — лишний, — подумав, сказал Петропавел. — Дурацкое словосочетание получается... «в чаще всего»!

— То есть, почему же дурацкое? Вокруг нас — чаща. Она называется ЧАЩА ВСЕГО, ибо здесь всего хватает. И если мы находимся внутри нее, то и выходит, что мы в ЧАЩЕ ВСЕГО.

— Ерунда какая! — восхитился Петропавел.

— Не тебе судить, — оборвал старичок.

Петропавел промолчал, ломаясь сквозь сучья. На нескольких следующих вопросов старичка он не ответил принципиально.

— Сколько волка ни кори... — снова завел было старичок, однако продолжать не стал, а объяснил ситуацию: — Ты идешь прямо в лапы к Муравью-разбойнику! — Ответа опять не последовало. — Чего ты надулся? — взвился старичок. — Ну, отказался я знакомиться — так это только потому, что не знаю я — понимаешь, не знаю! — кто я такой... Зовут меня Ой ли-Лукой ли — устраивает тебя? Меня, например, не устраивает! Я бы предпочел что-нибудь типа Зевеса, если уж *обязательно* как-то называться.

— Ой ли-Лукой ли... это, кажется, из Андерсена? — вспомнил Петропавел.

— Да Бог меня знает откуда... Может, конечно, и оттуда, но вообще-то я местный, из этой ЧАЩИ ВСЕГО. А вот кто я такой, убей — не знаю! Следовало бы, наверное, назвать какие-нибудь мои особенности, вытекающие из того обстоятельства, что я Ой ли-Лукой ли, но никакие такие особенности мне не известны. Или, скажем, перечислить события, которые в твоих представлениях были бы связаны со мной... У тебя что-нибудь со мной связано?

— Ничего, — честно сказал Петропавел.

— Значит, на вопрос о том, кто я такой, нет ответа! Я бы квалифицировал этот твой вопрос как праздный, а тебя — как болтуна, но мне до тебя нет никакого дела. Мне есть дело только до себя... Вот живу я, — доверительно сообщил преследователь, — и все время думаю: что я за старик такой, а?

— Нормальный старик... только грубый очень, — помог Петропавел.

— Ума я к себе не приложу, — не воспользовался помощью Ой ли-Лукой ли. — Знаю только, что таких, как я, нету больше.

— Каждый по-своему неповторим, — Петропавел беспардонно улыбнулся.

— Ну, это ты брось! Таких, например, как ты — навалом: имя им легион. А вот я... Никак не пойму, в чем мой секрет! всю жизнь бьюсь над собой, да без толку. Иной раз спросишь себя: «Старик! Чего ты хочешь?» — и сам себе ответишь: «Не знаю, старик».

Петропавлу не понравилось, что Ой ли-Лукой ли на ходу растоптал его индивидуальность, и он не без сарказма поинтересовался:

— Да что же в Вас такого необычного?

— В том-то и вопрос! — оживился старик. — Я вот каждого вижу насквозь, в мельчайшей букашке прозреваю ее сущность — и нет для меня никакой загадки в мире, кроме себя самого: тут я — пас! Ну, не удивительно ли, что за всю мою долгую жизнь я ни разу — обрати внимание: ни разу! — не встретил никого, кто был бы *точно* таким же, как я? Вот уж создала природа — так создала...

— Давайте о чем-нибудь другом поговорим, — предложил Петропавел. — Про Вас я уже, кажется, все понял. И если попробовать... ну, истолковать...

— Не смей меня истолковывать! — завизжал старик. — Понимаешь — и понимай себе, а истолковывать не смей! Понимать, хотя бы отчасти — дело всех и каждого; истолковывать — дело избранных. Но я *тебя* не избирал тебя истолковывать. Я для этого дела *себя* избрал. Есть такой принцип: *познай себя*. А такого принципа, как *познай меня* — нету. Между тем познать — это и значит истолковать. Так что отойди от меня в сторону... И там заткнись. А я себя без твоей помощи истолкую.

— Ну и пожалуйста, — сказал Петропавел. — Уж лучше я к Соловью-разбойнику пойду, чем с Вами тут...

— К *Муравью*! — перебил Ой ли-Лукой ли. — К Муравью-разбойнику, это существенно. А что касается *СолоВия*, то СолоВий... СолоВий, а не соловей! — он не тут живет. СолоВий — это птичка такая страшная, у которой веки до земли — во-о-он *там* живет, — и он махнул рукой влево, — возле ГИПЕРБОЛОТА ИНЖЕНЕРА ГАРИНА.

— Возле... чего? — обалдел Петропавел.

— Возле ГИПЕРБОЛОТА... ну, это такое *сверхболото* — жуткое, туда всех затягивает! Болото болот, в общем... А названо оно в честь инженера Гарина — я не знаю, кто это, но в его честь.

— Понятно, — ухмыльнулся Петропавел.

— Так вот, это я насчет СолоВия, что он не тут живет. А Муравей-разбойник — гроза лесов и полей. Его вообще никто никогда не видел, но все ужасно боятся.

Петропавел не выдержал и расхохотался:

— Как же это он — гроза лесов и полей, когда его никто не видел никогда?

— Ну, как-как... Плод народного суеверия, следствие неразвитости науки... мифологическое сознание и все такое. Познать не можем — и обожествляем, что ты, право, как маленький! Это и Ежу понятно. Эй, Еж! — крикнул он в пространство. — Тебе понятно?

— Мне все понятно, — отозвался из пространства некто Еж.

— Вы ведь каждого видите насквозь, — не оценив заявления Ежа, напомнил старику Петропавел. — Почему бы тогда Вам самому не познать вашего муравья?

— Насквозь вижу, ты прав. Но это — если видно. А Муравья-разбойника не видно. Впрочем, я бы, может быть, его все равно познал... Ан такого принципа, как *познай его* — тоже нету: я же тебе говорил, есть один принцип — *познай себя*. И потом... он злой как собака. Тут вот кто-то из наших гулял по ЧАЩЕ ВСЕГО — в самые дебри зашел, решил: была не была, и шасть — прямо к логову!.. Ну, понятно: чем дальше влез, тем ближе вылез! Слышит — богатырский пописк... Он возьми да и крикни: «Муравей-разбойник, разрешите, я Вас познаю!» Так тот — ни слова в ответ. Молчит и злится — представляешь?

Петропавел изо всех сил старался сохранить остатки серьезности:

— Да как он хоть выглядит, этот Муравей-разбойник?

Ой ли-Лукой ли принял церемонную позу и начал:

— Народное воображение рисует его могучим и громадным о трехстах двенадцати головах и восьми шеях, с тремя когтистыми лапами, покрытыми чешуей реч-

ных рыб. Его грудь спрятана под панцирем пятисот восьмидесяти семи черепах, левое брюхо обтянуто кожей бронтозавтра, а правое...

— Довольно-довольно, — остановил лавину ужасов Петропавел. — С народным воображением все понятно. А на самом-то деле он какой?

— Да ты что, муравьев никогда не видел? — удивился Ой ли-Лукой ли и, как показалось Петропавлу, поскучнел. — Ну, черненький, должно быть, невзрачный такой, мелкий... Букашка, одним словом. Но суть не в том, каков он на самом деле, — суть в том, каким мы его себе представляем. — Ой ли-Лукой ли набрал в легкие воздуха, чтобы продолжить повествование, но Петропавлу удалось встрять:

— Какой же смысл приписывать кому бы то ни было признаки, которыми он не обладает?

В ответ Ой ли-Лукой ли произнес вот что:

— Все-таки ты зануда. И ханжа. Можно подумать, сам ты никогда не приписывал никому признаков, которыми тот не обладает! В этом же вся прелесть — видеть нечто *не таким*, каково оно на самом деле!

— Что-то не нахожу тут особенной прелести, — сознался Петропавел. — Во всяком случае, сам я стараюсь этого не делать.

— Но ведь делаешь? — с надеждой спросил Ой ли-Лукой ли. — Или ты никогда не был влюблен? Каждый ведь в кого-нибудь влюблен. Я даже знаю одного, который влюблен в Спящую Уродину, так вот он...

— Боже мой, кто это? — Петропавла ужаснула подробность имени.

— Неважно! — отмахнулся Ой ли-Лукой ли. — Так вот, он утверждает, что красивой ее нет никого на свете — полный бред! Но, кроме того, он готов поклясться, что она — самая чистая и светлая душа в мире. Непонятно только, когда он успел это выяснить: на моей памяти — а я старше его лет на... несколько! — Спящая Уродина ни разу не проявляла вообще никаких качеств, ибо все время спала как убитая *где-то далеко отсюда*. Теперь подумай о той, в которую ты влюблен!..

Петропавел проницательно улыбнулся:

— Той, в которую я влюблен, я ничего не приписываю. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что внешность у нее не фонтан, и ума особенного нет, и вообще...

— Ты или не влюблен, или дурак.

Петропавел даже не успел оскорбиться — так быстро, с ветки на ветку, исчез Ой ли-Лукой ли в ЧАШЕ ВСЕГО, оставив после себя в воздухе обрывок странным образом видоизмененной «Песенки герцога»:

«Серьги красавицы —
словно пельмени...»

Глава 3

Сон с препятствиями

Петропавел долго тряс головой: дурацкая песенка про пельмени не вытряхивалась. Кажется, это она завела его сюда, откуда вообще уже не было выхода. Он сделал несколько проверочных бросков в разные стороны и обнаружил, что ветви деревьев со всех сторон сплелись намертво. Но хуже всего было другое: Петропавел давно уже не понимал, что такое «вперед» и что такое «назад». Чувство пространства исчезло полностью. Да и чувство времени — тоже.

Последние силы ушли на то, чтобы вскарабкаться на дерево. Оказалось, что слева — всего в каких-нибудь метрах десяти — ЧАЩА ВСЕГО кончалась поляной подозрительно синего цвета. Сразу за поляной был горный массив. Его цвет не вызывал подозрений. По примеру Ой ли-Лукой ли прыгая с ветки на ветку, весь исцарапанный, Петропавел благополучно приземлился на синюю поляну.

Посередине поляны на пне сидело человеческое существо женского или мужского пола — больше о существе этом по причине полной его неправдоподобности сказать было нечего. Лицо существа, выкрашенное белилами, смотрело в сторону Петропавла, но уловимого выражения не имело. Существо было завернуто в какую-то густую — скорее всего, рыболовную — сеть, спадавшую до земли.

— Здравствуйте, — осторожно произнес Петропавел и получил в ответ хрипкое: «Прикройтесь». Решив, что сейчас на него набросятся, он принял боксерскую, как ему показалось, стойку, но существо не двигалось. Тогда Петропавел, все поняв и смутясь, опустил глаза и увидел, что одежда его состояла теперь сплошь из прорех, сквозь которые светилось худое интеллигентное тело. Оставшиеся после скитаний по лесу лохмотья мало что прикрывали. Петропавел отвернулся и попробовал разложить лохмотья на теле так, чтобы было прилично. Прилично не получилось.

— Где Вы взяли сеть? — спросил он, не оборачиваясь.

— На побережье, — ответили ему странно.

— А побережье где?

— У моря, — ответили еще более странно.

Продолжая манипуляции с лохмотьями, Петропавел, чтобы выиграть время, придрался:

— Почему поляна такого дикого цвета?

— Нипочему. Это ЧАСТНАЯ ПОЛЯНА. В какой цвет хочу — в такой и крашу.

По голосу собеседник мог быть либо женщиной с басом, либо мужчиной с тенором. Решив, что во втором случае можно не церемониться, Петропавел спросил напрямик:

— Вы, простите за нескромный вопрос, какого пола?

— Скорее всего, женского, — с сомнением ответили сзади, окончательно сбив Петропавла с толку.

— Нельзя ли поточнее? — не очень вежливо переспросил Петропавел. — В нашем положении это все-таки важно.

— В *Вашем* положении — важно, а в *моем* нет, — заметили в ответ.

«Оно право», — подумал Петропавел и сказал:

— Может быть, если у Вас нет полной уверенности в том, что Вы женского пола, и остается пусть даже маленькая надежда, что Вы мужчина, я перестану смущаться, хотя бы на время, и повернусь к Вам лицом?

— Валяйте.

Петропавел осторожно, не полностью повернулся и стыдливо представился. То, как представились ему, потрясло Петропавла.

— Белое Безмозглое, — отрекомендовалось существо.

— Вы это серьезно? — спросил он.

— Не слишком деликатный вопрос, — заметило Белое Безмозглое.

— Извините... Мне просто стало интересно, почему Вас так назвали.

Белое Безмозглое пожало плечами:

— Можно подумать, что называют обязательно почему-то! Обычно называют ни-почему — просто так, от нечего делать.

— Белое Безмозглое... — с ужасом повторил Петропавел.

— Да, это имя собственное. То есть *мое* собственное. Но не подумайте, что у меня нет мозгов: у меня мозгов полон рот! А имя... что ж, имя — только имя: от него не требуется каким-то образом представлять своего носителя... Асимметричный дуализм языкового знака.

— Что-о-о? — Петропавел во все глаза уставился на Белое Безмозглое. Оно зевнуло.

— Фердинанд де Соссюр.

Это заявление сразило Петропавла намертво. Он подождал объяснений, но не дождался. Белое Безмозглое тупо глядело на него, все еще не имея никакого выражения лица.

— Что это значит? — пришлось наконец спросить Петропавлу.

— А зачем Вам знать? — опять зевнуло Белое Безмозглое. — Ведь имена узнают, чтобы употреблять их. Вы же не собираетесь употреблять *это* имя? Стало быть, и знать его незачем. Язык... — зевнув в очередной раз, Белое Безмозглое внезапно уснуло.

Петропавел выждал приличное время и, наконец, тихонько дотронулся до сети:

— Простите, Вы хотели что-то сказать?

— По поводу чего? — поинтересовалось Белое Безмозглое.

— По поводу... кажется, по поводу языка.

— А-а, язык... Язык страшно несовершенен! Как это говорят... — тут Белое Безмозглое опять погрузилось в сон.

— Как это говорят? — подтолкнул его Петропавел.

— Да по-разному говорят. Говорят, например, так: «Парадокс общения в том и состоит, что можно высказаться на языке и, тем не менее, быть понятным». Это очень смешно, — без тени улыбки закончило Белое Безмозглое, засыпая.

«Вот наказание! — с досадой подумал Петропавел. — Оно засыпает каждую минуту!» Размышляя о том, как бы разбудить Белое Безмозглое на более долгий срок, он заметил некоторую несообразность в ее (или его) облике: казалось, что сеть была просто скатана в какое-то подобие тюка и что при этом в тюке ничего нет. Лицо Белого Безмоззлого производило такое же странное впечатление: лица, собственно, не имелось, а все, что имелось вместо лица, было нарисовано — непонятно только, на чем... Петропавлу сделалось жутковато — и он довольно грубо толкнул Белое Безмозглое. Оно очнулось.

— Я что-то начало объяснять?.. Видите ли, я засыпаю исключительно тогда, когда приходится что-нибудь кому-нибудь объяснять или, наоборот, выслушивать чьи-нибудь объяснения. Мне сразу становится страшно скучно... По-моему, это самое бессмысленное занятие на свете — объяснять. Не говоря уж о том, чтобы выслушивать объяснения.

— А вот я, — заявил Петропавел, — благодарен *каждому*, кто готов объяснить мне хоть что-то — все равно что.

Белое Безмозглое поглядело на Петропавла с сожалением: это было первое из уловимых выражений его лица.

— Бедный! — сказала оно. — Наверное, Вы ничего-ничего не знаете, а стремитесь к тому, чтобы знать все. Я встречалось с такими — всегда хотелось надавать им каких-нибудь детских книжек... или по морде. Мокрой сетью. Книжек у меня при себе нет, а вот... Хотите по морде? Правда, сеть уже высохла — так что вряд ли будет убедительно.

— Зачем это — по морде? — решил сначала все-таки спросить Петропавел.

— Самый лучший способ объяснения. Интересно, что *потом уже* человек все понимает сам. И *никогда* больше не требует объяснений — ни по какому поводу!.. И не думает, будто словами можно что-нибудь объяснить. У Вас были учителя? — неожиданно спросило Белое Безмозглое.

— Конечно, — смешался Петропавел. — Были и... и есть. Как у всех.

— Да-да... — рассеянно подхватило Белое Безмозглое. — Терпеть не могу учителей. Они всегда прикидываются, будто что-то объясняют, а на самом деле ничегошеньки не объясняют.

— Ну, не скажите! — вступился Петропавел за всех учителей сразу.

— А вот скажу! — воскликнуло Белое Безмозглое. — Я еще и не такое скажу!.. — Даже переживая какую-нибудь эмоцию, оно оставалось почти неподвижным. — Для меня достаточно того, что при объяснении они пользуются словами: одно это гарантирует им полный провал.

— Чем же, по-вашему, надо пользоваться при объяснении?

Белое Безмозглое не задумываясь ответило:

— Мокрой сетью. Исключительно эффективно. А слова... — Белое Безмозглое подозрительно зевнуло, — все суета и асимметричный дуализм языкового знака.

Определенно надо было предпринимать какие-то действия, чтобы вывести у Белого Безмоззлого хотя бы минимальные сведения об этом асимметричном дуализме.

— М-м... — попробовал начать Петропавел, — но ведь асимметричный дуализм языкового знака, как Вы его называете... — этим, наверное, еще не исчерпывается наше знание о мире...

— Исчерпывается, — лаконично возразило Белое Безмозглое и уснуло, успев повторить только: — Фердинанд де Соссюр...

Тут Петропавел прямо-таки расшаркался.

— Проснитесь! — заорал он. — Сколько можно спать!

Белое Безмозглое проснулось и сказало:

— Не злитесь. Злоба — не воробей: выпустишь — не поймает.

— Тогда немедленно объясните мне про дуализм и про Фердинанда! — отчеканил Петропавел.

Белое Безмозглое вздрогнуло и испуганно залепетало что-то нечленораздельное, но мгновенно впало в такой глубокий сон, что — со страху, должно быть, — захрапело, как солдат.

— Ну, ладно! — зловеще произнес Петропавел. — Тогда держитесь!

Он ухватился за свободный конец сети и с некоторым трудом перевернул тяжелое Белое Безмозглое вверх ногами. Потом прицепил сеть к толстому суку дуба на

окраине поляны. Через непродолжительное время, — видимо, от ощущения неловкости в теле — Белое Безмозглое проснулось и поинтересовалось:

— Что это со мной?

— Вы висите на дереве и сейчас объясните мне то, о чем я Вас просил.

Белое Безмозглое тут же попыталось уснуть, но положение тела обязывало бодрствовать, и, не сумев опочить, оно тихо и безутешно заплакало.

— Объясните! — приказал неумолимый Петропавел. — Объясните — и я верну Вас на Ваш пень.

— Ну... — принялось ерзать зареванное уже Белое Безмозглое, — это понятие, асимметричный дуализм языкового знака, введено одним лингвистом швейцарским, которого звали Фердинанд де Соссюр... Он рассматривал языковой знак — допустим, слово — как единство означающего и означаемого... то есть формы... внешней оболочки знака... собственно звуков... и смысла... Хватит?

— Мало, — отрезал Петропавел.

— Между формой знака и его смыслом отношения асимметричные... — заныло Белое Безмозглое. — Название никогда не раскрывает сущности предмета, никогда не покрывает смысла...

На Белое Безмозглое невыносимо было смотреть: глаза на его сильно набеленном лице постоянно закрывались и открывались, голова то безжизненно повисала, то вновь поднималась. Борьба с подступавшим сном была, по-видимому, крайне мучительной. Петропавел отвернулся и принялся разглядывать куст.

— Подробнее! — офицерским голосом скомандовал он, сам удивляясь своей жестокости.

Заплетающимся языком Белое Безмозглое бормотало уже чуть слышно:

— Что ж тут подробнее... Если название не раскрывает сущности предмета... бессмысленно пытаться объяснить что бы то ни было с помощью названий... Имена условны... Они не воссоздают предметного мира... У них другой мир — мир имен... мир слов... Слова придумали, чтобы обмениваться ими, а не предметами... предметы бывают тяжелыми... они не всегда под рукой... ногой... головой... — Белое Безмозглое прикинулось уснувшим.

— Вы же не спите! — укорил наблюдательный Петропавел и вдруг почувствовал, как откуда-то сверху возник очень направленный ледяной ветер и почти тут же на уровне лица Петропавла завис некто величиной с годовалого младенца, но плотный и старый. В руке его была колотушка, которой он немедленно и со страшной силой ударил Петропавла в лоб. Когда Петропавел пришел в себя и почувствовал ужасную боль, старый младенец отрекомендовался:

— Гном Небесный. Прошу любить и жаловаться.

— Очень голова болит, — охотно пожаловался Петропавел.

— Рад слышать, — ответил Гном Небесный. — Сейчас же отцепите Белое Безмозглое от дерева. Феодал!

Петропавел, у которого все плыло перед глазами, беспрекословно повиновался. Все это время Гном Небесный висел на небольшой высоте очень строгий.

— Твое имя? — спросил он по окончании процедуры.

Белое Безмозглое отползало.

Петропавел не смог вспомнить своего имени точно:

— Меня зовут... не то Петр, не то Павел...

— Ясно. И чего ж это ты бесчинствуешь? Тут у нас все-таки ЧАСТНАЯ ПОЛЯНА — между прочим, гордость нашей ЧАЩИ ВСЕГО.

— Я только хотел, чтобы оно договорило то, что начало, — попытался оправдаться Петропавел.

Гном Небесный нахмурился:

— Зачем тебе это?

— Кто сказал «А», пусть скажет «Б», — объяснился Петропавел коротко по причине головной боли.

После некоторого размышления Гном Небесный заметил:

— Тут у нас *так* никто не делает. — Помолчав, он добавил: — И слава Богу.

— Но почему? — от боли глаза у Петропавла вылезли на лоб.

— Во-первых, глаза уברי со лба, — порекомендовал Гном Небесный и хватил своей колотушкой Петропавла по темени что было сил. Удовлетворившись результатом, он довольно хмыкнул и продолжал: — А во-вторых, если тебе сказали «А», то «Б» уже само собой разумеется. А все, что само собой разумеется, никому не интересно. — Гном Небесный подозрительно посмотрел на Петропавла. — Или, может быть, тебе интересно то, что само собой разумеется?

Петропавел потирал темя и не следил за разговором.

— За разговором следи, — посоветовал Гном Небесный. — Я начинаю излагать сведения, которые тебе, по-видимому, нужны. Значит, так. Русский алфавит состоит из тридцати трех букв. Первая буква в нем А, непосредственно за ней следует Б, после которой идет В. Дальше сразу же — это уже четвертая буква — Г. Пятая — Д, потом Е и рядом с ней Ё — такая же, как Е, только с двумя точками сверху, затем...

— Спасибо, достаточно, — как мог вежливо, остановил его Петропавел. — Дальше я знаю.

— Отрадно. Значит, голова у тебя не для кляпа. («Шляпы!» — хотел было возразить Петропавел, но из страха перед молниеносной колотушкой смолчал).

— Не для кляпа, — настойчиво повторил Гном Небесный и, вынув из маленького нагрудного кармана кляп, угрожающе потряс им в воздухе.

— Не для кляпа, — с уверенностью подтвердил Петропавел.

— В таком случае, — Гном Небесный спрятал кляп, — сам и досказывай себе недосказанное, если считаешь нужным. Тут тебе предоставляется полная свобода. Или ты не любишь свободы? — Из заднего кармана брючек Гном Небесный вынул наручники огромных размеров.

— Я люблю свободу! — прочувствовал ситуацию Петропавел.

— Вот и пользуйся ею. — Громадные наручники исчезли в крохотном кармане. — Стало быть, Петр или Павел, удовольствуйся тем, что тебе сказали «А»: тут у нас редко говорят «Б» по своей воле. И потом не надо стараться прямо так уж все понять. Многое из того, что тут встречается, вообще не годится как объект для понимания. Вон там, — Гном Небесный махнул колотушкой в сторону, — находится ИГОРНЫЙ МАС-СИВ: на нем живет Пластилин Мира. Очень не рекомендую тебе понимать его. Есть явления, которые нужно просто оставить в покое. Ты же, например, не стремишься понять... ну, мыло, когда руки моешь!

— Стремлюсь, — сказал и в самом деле пытливый Петропавел.

— Ну и дурак. *Тут* такого стремления высоко никто не оценит.

— *Тут...* это где?

— Тут — это тебе не там. И предупреждаю: если ты намерен не давать спать Белому Безмозглому, пеняй на себя! Видишь ли, мы ленивы и не любим пытки... А я буду следить за тобой. Знаешь, что такое гномическое настоящее? — Гном Небесный зря подождал ответа и объяснил: — Гномическое настоящее — это время, захваченное врасплох, в одной точке: здесь и теперь. Так что учти! — и он приветственно махнул колотушкой, за миг до этого исчезнув из поля зрения.

* * *

Вот история про Зайчика. Эта история с самого начала обещает быть *очень* понятной. Перед нами ряд натуральных чисел в беспорядочной последовательности:

«Раз, два, три, четыре, пять...»

Тут нечего возразить. Начало обнадеживает: сразу видно, что рассказчик — человек без опасных, так сказать, отклонений, за него можно быть спокойным. В самом деле, «Раз, два, три, четыре, пять...» — серьезная заявка: это заявка на то, что все последующие события будут поведаны лицом, любящим точность и находящим вкус в стройном изложении фактов. Не надо, дескать, пугаться: нить повествования в надежных руках.

Итак:

«Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел Зайчик погулять ...»

Что ж, очень мило — и никаких претензий: вышел так вышел, погулять так погулять.

Впрочем, «погулять» ему, со всей очевидностью, не удалось — удалось только «выйти», поскольку тут же, без предупреждения, откуда, что называется, ни возьмись появляется Охотник. Эта информация вводится немножко резко:

«Вдруг Охотник выбегает,
Прямо в Зайчика стреляет!»

Выбегает, значит, как сумасшедший, и ни с того ни с сего стреляет! Видимо, сидел под карауливал Зайчика (к Зайчику сразу же появляется сострадание) и потом выстрелил *прямо* в него. «Прямо» — очень важное слово, запомним его. То есть выстрел, как говорится, в упор, наповал.

Надеяться не на что, о чем так и сообщается:

«Пиф-паф, ой-ой-ой,
Умирает Зайчик мой».

...Чего и следовало ожидать. Мы застаем мучения Зайчика, так сказать, в процессе: *пока* он *умирает*, но непременно *умрет*, ибо в него стреляли *прямо!* И сострадание наше растет — вместе с состраданием рассказчика, который, увлекшись, даже называет Зайчика своим (ср.: «умирает Зайчик мой»). Кстати, это единственный случай интимизации повествования, то есть любовного приближения повествователя к предмету повествования. Но тут-то логика — столь безупречная до сих пор — и начинает хромать, причем хромать внезапно и очень ощутимо, поскольку нам без всякого перехода докладывают:

«Привезли его в больницу ...»

И дело даже не в том, что зайцев не возят в больницы — такое утверждение было бы с нашей стороны форменной придиуркой: перед нами ведь все-таки художественное произведение! — дело в том, что совершенно непонятно, кто эти *они*, которые стоят за словом «привезли», употребленным во множественном числе, и откуда они взялись там, где «гулял» Зайчик, а также «выбежал» и «стрелял» Охотник. До настоящего момента нам о них ничего не сообщалось, словно бы их и не было вовсе.

Оказывается, были. Оказывается, молча наблюдали за происходившей в лесу трагедией. Наблюдали — и не вмешивались. А потом повезли умирающего Зайчика в больницу — лицемеры! Показное эдакое сострадание ... Причем из лесу в больницу повезли, за тридевять как бы это сказать земель. И долго, наверное, везли...

А Зайчика уже невыносимо просто жалко. Сумеют ли его спасти? Или всего-навсего констатируют факт смерти — и дело с концом? Но тут-то вот события как раз и приобретают самый неожиданный оборот, заставляющий усомниться в правдивости рассказчика и, может быть, даже в его — грубо говоря — вменяемости. Смотрите сами:

«Привезли его в больницу,
Он украл там рукавицу ...»

В высшей степени странная для умирающего форма поведения. Существо, которое уже почти на том свете, крадет, причем крадет не что-нибудь, в чем оно остро нуждалось бы в данный момент (например, ампулу с новокаином, который прекратил бы боли!), а ... дико даже представить себе это! — ру-ка-ви-цу! Во-первых, абсолютно неясно, почему больница оказывается местом, где наличествуют рукавицы, — не котельная все-таки! А во-вторых, прямо-таки изумляет то обстоятельство, что в столь критической ситуации Зайчик внезапно начинает испытывать такую острую потребность в предмете, отнюдь и отнюдь не отвечающем ситуации. Рукавицу, к тому же только одну! Невероятно.

Этот акт первой кражи тревожит. Тревожит и несколько, мы бы сказали, подрывает авторитет Зайчика, которого мы вроде как уже успели полюбить и тут же похоронить. Получается, Зайчик не вполне таков, каким мы его себе представляли. Он вор! Впрочем, очень может быть, что мы имеем дело с какой-нибудь роковой случайностью, которая незамедлительно даст о себе знать: Зайчик, например, пребывает в бреду и не отвечает за свои действия...

Ничего подобного. Ситуация не проясняется, и к разговору об украденной рукавице мы больше не вернемся. Факт совершен. Прискорбно. А повествование продолжается:

«Привезли его в палатку ...»

Что же, стало быть, из больницы увезли и привезли в некую «палатку». Не в палату — больничную, а в «палатку» — туристическую, скорее всего: сомнительно все-таки, чтобы повествователь с помощью уменьшительного суффикса столь некстати намекал на убогость нашего больничного быта или испытывал особую нежность к больничным палатам! Оставим этот странный суффикс на совести рассказчика. Тут гораздо непонятнее другое: на каком основании Зайчика из больницы увезли. В больницу ведь не для того привозят, чтобы дать возможность украсть рукавицу.

И потом, почему вообще такой необычный маршрут: из больницы в туристическую палатку, на лоно, извините за выражение, природы?

Есть, между прочим, и еще одна несообразность: чего это умирающего — пусть даже укравшего рукавицу! — Зайчика возят туда-сюда? Насчет больницы вопросов не было, но вот злополучная эта «палатка»!..

Объяснить только что упомянутые странности мало кто возьмется. Никто, пожалуй, не возьмется — особенно когда узнает о дальнейших событиях, которые развиваются с головокружительной быстротой:

«Он украл там шоколадку ...»

Палатка, значит, была торговая, что-то вроде автолавки. Впрочем, это уже *никому* не важно. Важнее другое: действия почти покойного Зайчика (которого отныне начинает хотеться называть Зайцем, поскольку симпатии к нему едва ли не безвозвратно утрачены) приобретают устрашающую регулярность. Заяц ворует все, что плохо лежит. Он клептоман. Впрочем, и это не самое важное! А самое важное то, что Заяц, со всей очевидностью, *не умирает*. Но ведь Охотник стрелял *прямо* в него! И нам было сказано, что от этого выстрела наповал Заяц незамедлительно *начал умирать*! Похоже, нас дезинформировали или, во всяком случае,

недоинформировали по вопросу о поразительной живучести безобразного этого Зайца... И уж совсем невозможно взять в толк, почему кражи свои живой и здоровый как бык Заяц совершает при полном попустительстве окружающих! Они явно сквозь пальцы смотрят на его проделки. Может быть, они все еще заблуждаются, считая состояние Зайца критическим? Но ведь факты же вопиют!

Вот тут и становится окончательно понятно: Заяц — симулянт. Он воспользовался случайным выстрелом случайного Охотника (помните: «*Вдруг* Охотник выбегает...») в корыстных целях: чтобы безнаказанно тащить отовсюду что ни попадя. Экий отвратительный тип! И как только мы могли испытывать к нему сочувствие?

А попустительство окружающих продолжается:

«Привезли его домой ...»

Оставим в стороне вопрос о том, почему «домой» (а не, допустим, в тюрьму, что логичнее!), — пусть даже эта «доставка на дом» сама по себе кажется просто кощунством, — прочтем лучше последнюю строку данного безумного сочинения:

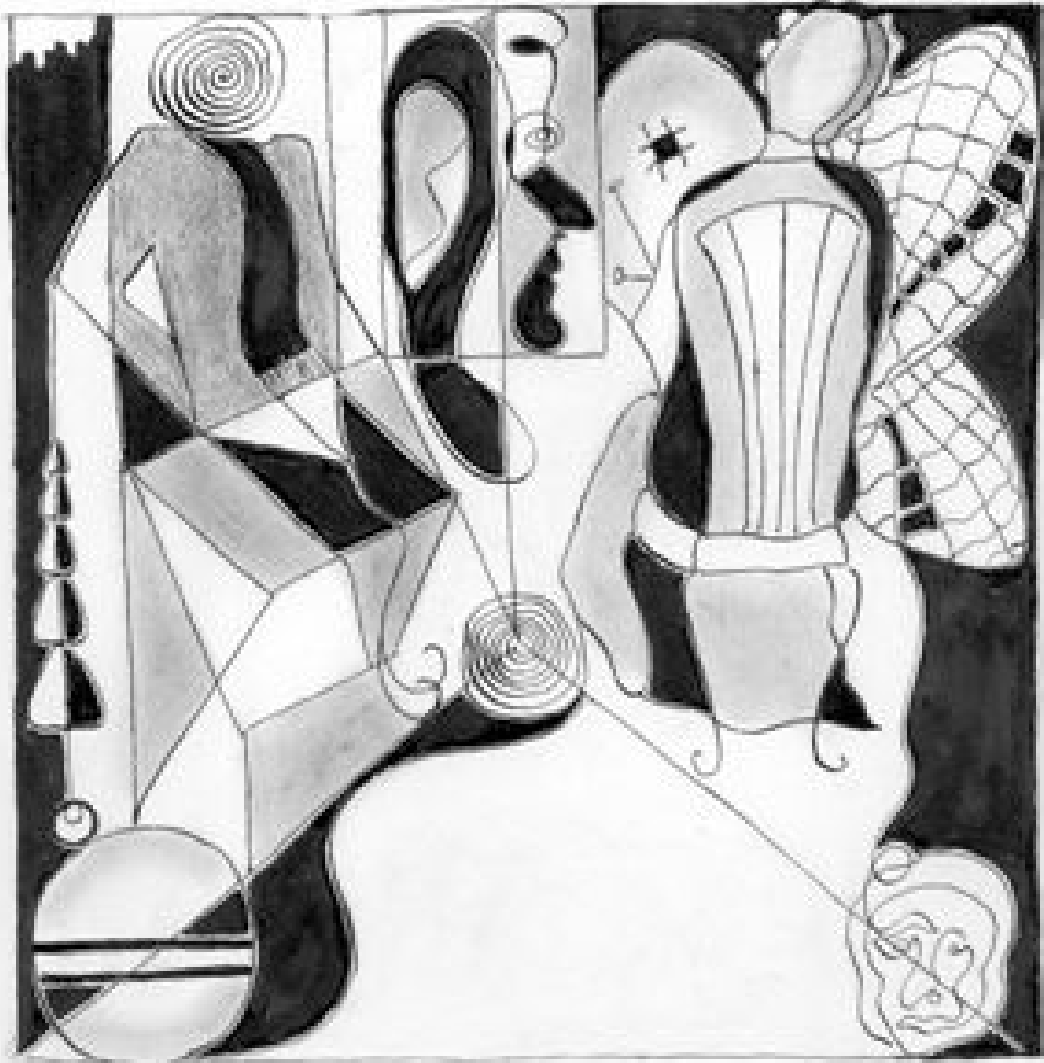
«Оказался он живой!»

Ничего себе «оказался»! Он уже раньше «живой» оказался. Он *был* живой все это время: и когда умирал, и когда крал. Тогда-а-а уже не было никаких сомнений: мертвые не крадут.

А интересно, этим вот сведением, что «оказался он живой», от нас-то чего добиваются? Чтобы мы почувствовали облегчение или, не дай Бог, радость за «Зайчика»? Да пропади он пропадом, аморальный этот Заяц, вор и симулянт! Лучше бы он умер там, где «*вышел погулять*», — тогда мы не испытали бы такого жестокого разочарования ...

Конечно, история могла бы иметь и другой конец: дескать, привезли его в больницу, вылечили, он вышел оттуда как новенький, отправился в лес, затаился в кустах и загрыз случайного охотника... даже двух или трех охотников.

Но такой конец тоже какой-то странный.

Глава 4

И да, и нет, и все что угодно

Постояв на опустевшей ЧАСТНОЙ ПОЛЯНЕ, Петропавел вздохнул и двинулся в направлении ИГОРНОГО МАССИВА. На склоне ближайшей из гор примостился ухоженный домик.

Над дверью висел колокольчик, а на маленькой медной табличке у входа было написано: «Пластин Мир. Звонить 126 раз». Петропавел вздохнул и принялся названивать. Раза два он сбивался и начинал сначала, но на третий раз постарался быть внимательнее и, аккуратно считая звонки, прозвонил ровно столько, сколько нужно. На сто двадцать шестой звонок — не раньше! — дверь распахнулась, и перед Петропавлом предстал толстенький человечек без возраста и с радушием на лице.

— Вы ко мне или не ко мне? — спросил он у Петропавла, словно в доме жил кто-то еще.

— По-видимому, — отозвался Петропавел, стыдясь лохмотьев. — Здравствуйте.

— Я так и подумал! — обрадованно воскликнул человечек. — То есть я, конечно, подумал не так. Мой дом иногда принимают за КАПИТАНСКУЮ ДАЧКУ, хотя он совсем на нее не похож. Она на соседней горе. Там живет Тетя Капитана-Франта. Но Вы начали звонить в колокольчик — и на сто двадцать шестом звонке я, наконец, *заподозрил*, что Вы ко мне.

— А тут кто еще живет, кроме Вас? — поинтересовался Петропавел.

— Да никого, я один, — и человечек улыбнулся, жестом приглашая Петропавла войти.

Тот вошел и спросил:

— Зачем же тогда столько раз звонить? Если тут никто, кроме Вас, не живет, хватило бы и одного звонка.

— А тут еще много жильцов, кроме меня, — снова улыбнулся человечек, провожая Петропавла из абсолютно темной прихожей в абсолютно пустую комнату. Петропавел пристально посмотрел на хозяина:

— Простите, я так и не понял; Вы все-таки *один* тут живете или *не один*?

— Я тут один живу, — улыбка уже совсем не сходила с приветливого лица.

«Сумасшедший!» — подумал Петропавел, а хозяин любезно предложил:

— Садитесь, пожалуйста! — и сопроводил предложение жестом, означавшим присутствие в комнате стульев, по крайней мере, нескольких. Петропавел оглядел пустую комнату повнимательнее: для внимательного взгляда она тоже была пуста.

Они постояли молча. Через продолжительное время хозяин спросил:

— Может быть, *мне* помочь Вам выбрать, куда сесть? — Он схватил Петропавла за плечи и властно начал пригибать к полу. Тот последовательно не сопротивлялся, решив лучше посидеть на полу, чем спорить с сумасшедшим. Однако у самого пола, когда Петропавел готов уже был ушибаться, под ним неожиданно возникло кресло, в которое он довольно удобно впечатался.

Хозяин снял руки с его плеч, сказал «уф» и сел в пустоту, тоже мгновенно преобразовавшись в кресло. Этот эффектный трюк человечек сопроводил словами:

— Разрешите представиться: Пластилин Мира.

Петропавел привстал в кресле — представиться в ответ, но кресло незамедлительно исчезло из-под него. Он растерянно взглянул на хозяина, однако на месте хозяина в пляжном шезлонге расположился уже кто-то другой: сухопарый англазированный старик в плавках и с махровым полотенцем вокруг шеи, который кивнул и сухо отрекомендовался:

— Пластилин Мира.

— Как? Вы *тоже*? — опешил Петропавел и, забыв о пропаже кресла, упал в пространство, услужливо выстроившее под ним шезлонг.

— Почему *тоже*? — вроде бы, даже обиделся пляжный старик. — Я *тот же самый* Пластилин Мира. Только я уже не тот. Но дело не в этом.

— А в чем? — спросил Петропавел и почувствовал себя глупо.

— Ни в чем, — был ответ. После ответа была тишина.

— Если Вы по-другому выглядите — по-другому и называйтесь! — неожиданно для себя приказал Петропавел.

— Приятно, когда тобой руководят, — старик ухмыльнулся. — Не понимаю только, зачем это нужно — смешивать имя с носителем имени. Одно и то же имя соотносится с тысячами носителей одновременно. Даже если я вообще исчезну из жизни, мое имя останется существовать и будет иметь значение. Поэтому не надо так уж прочно прикреплять его к жизнерадостному идиоту, с которым Вы познакомились до встречи со мной.

— Но это же были Вы! — Петропавел начинал запутываться.

— Я *никогда не был идиотом*, — отрезал старик и с сожалением добавил: — Не очень-то Вы хорошо воспитаны.

— Я только хотел сказать... — Петропавел совсем растерялся, — я... хочу спросить: где же истина?

— Если Вы *у меня* об этом хотите спросить, то не спрашивайте, как бы сильно ни хотелось. У меня с истиной сложные отношения. И вообще тут у нас понятие истины как-то совсем неуместно. *Все истинно. И все ложно.* За что ни возьмись — ни доказать, ни опровергнуть. Предложить Вам чаю или кофе — или не предлагать?

— Как Вам угодно, — Петропавла обидела формулировка вопроса.

— Мне все равно, — ошарашил его Пластилин Мира.

— Мне *тоже*, — парировал Петропавел, и ситуация сделалась как бы безвыходной.

Вдруг Пластилин Мира — непонятно, предложивший все-таки *что-нибудь* или нет — изрек:

— Все Пластилины Мира — лжецы. Кроме меня, — причем на середине фразы из пляжного старика он превратился в прехорошенькую девушку, так что осталось неясным, к кому из них относится последняя часть высказывания.

— Здравствуйте, — на всякий случай сказал Петропавел, с восхищением глядя на девушку.

— Виделись уже, — улыбнулась та и протянула ему руку: — Пластилин Мира.

Петропавел пожал руку. Рука осталась у него в кулаке. С ужасом и отвращением он бросил руку на пол. Девушка подняла ее и приставила на прежнее место:

— Фу, неаккуратный какой! Осторожнее надо...

— Сколько вас тут еще будет? — Петропавел едва сдерживал негодование.

— Кого это — *нас*? — Девушка огляделась. — Я одна здесь. Не считая, конечно, Вас.

— Но Вас тут не было! — отчеканил Петропавел.

— Да и *Вы* тут не всегда были... Не понимаю, почему *Вы* злитесь. — Девушка в недоумении теребила мочку уха, которая понемногу вытягивалась и уже доставала до плеча. Чтобы не видеть этого, Петропавел отвернулся к окну и напомним:

— Насчет чая или кофе... Могу я попросить чаю или кофе?

Девушка задумалась.

— Чаю *или* кофе? *Вы* ставите меня в чрезвычайно затруднительное положение этим своим «или». Я боюсь не угадать. Конечно, во избежание недоразумений я могла бы дать Вам и того, и другого, но тогда я не выполнила бы Вашу просьбу: *Вы* ведь не просите у меня *и* того, *и* другого. Лучше я не дам Вам *ничего*.

Петропавел даже не сразу понял, что ему отказали, а когда понял, совершенно расвирепел:

— В каком направлении мне нужно идти, чтобы снова оказаться в комнате?

— Ни в каком, — ответила улыбчивая девушка. — Сидите спокойно: *Вы* и так в комнате.

— Но это не та комната!

— Сейчас не та, через секунду та, потом — опять не та, потом — снова та... чего *Вы* суетитесь? Если Вам нужна комната, из которой *Вы* вышли, — пожалуйста!

Петропавел огляделся и вздрогнул: комната вдруг приобрела знакомый вид. Он поднял глаза на девушку и увидел вместо нее старушку в кружевном чепце и со спицами.

— Пластинин Мира, — сказала она.

— Долго *Вы* намерены еще меня морочить? — с нервным смешком спросил Петропавел.

— Да нет, — вздохнула старушка. — Долго с Вами не получится. *Вы* слишком скучный и все время ищете того, чего нет, — определенности. *Вы*, значит, серьезно думаете, что все на свете может быть *либо* так, *либо* эдак?

— А как же еще?

— Да как угодно: *и* так, *и* эдак сразу, и *ни* так и *ни* эдак!.. и вообще — по-всякому! Даже если одна возможность, в конце концов, исключает другую, это отнюдь не значит, что когда-то обе они не были равновероятными. — Спицы мелькали в руках старушки с невысказанной скоростью, и Петропавлу казалось, что их у нее штук тридцать. — А я, — продолжала старушка, — застаю возможности именно в той точке, когда они еще равновероятны. Альтернативные решения — моя стихия, но именно *стихия*, поймите это.

— Не понимаю, — сознался Петропавел.

— Сделайте вид, что понимаете, — посоветовала старушка.

— Но зачем? Зачем делать вид?

— А иначе невозможно! Никто ведь ничего не понимает, но каждый делает вид, что понимает *все*, — тут она критически взглянула на Петропавла. — Вам трудно сделать вид, что ли?

— Трудно! — буркнул Петропавел.

— Глупости! — возразила старушка. — Ничто в мире не тождественно самому себе. «Постоянное, идентичное самому себе “я” является не чем иным, как фикцией». Юм. Впрочем, *Вы* вряд ли слышали про Юма.

— И слышать не хочу! — заартачился Петропавел.

— Между прочим, *Вы* сильно ошибаетесь, если думаете, что сами не кажетесь окружающим *то* таким, *то* совершенно другим, — отложив спицы, старушка протянула ему нечто, упакованное в целлофановый пакет. — Я тут связала Вам спортивный костюм, наденьте... В глазах рябит от Ваших лохмотьев. Просто голова кругом идет!

Она отделила голову от тела и бросила ее в угол. Голова упала с неприятным стуком.

— Спасибо, — ошалел Петропавел, стараясь не смотреть на суверенную голову и даже не удивившись скорости, с которой был связан да еще и упакован старушкой спортивный костюм.

— А что до Вашего возвращения, — вещала из угла голова, — то *сразу за домом аэродром*, через полчаса оттуда летит самолет в нужном направлении. Так что поторопитесь.

Нетвердой походкой Петропавел вышел в темную прихожую и там надел костюм, оказавшийся подозрительно впору. Вернувшись, он увидел, как по комнате прохаживается молодой человек в точно таком же спортивном костюме. В руках его была голова уже исчезнувшей старушки. Петропавел даже не сразу узнал в молодом человеке *себя*.

— Пластилин Мира, — петропавловым голосом отрекомендовался тот и запустил в Петропавла старушкину голову, на лету превратившуюся в волейбольный мяч. Петропавел увернулся и еле устоял на ногах. Мяч вылетел в окно.

— Мне пора... на самолет, — Петропавел попятился к двери.

— Отсюда не летают самолеты. Тут *пешком* полчаса через МЯСНОЕ ЦАРСТВО.

— Через... какое?

— Через МЯСНОЕ... ну, это где Мясной Царь, мясные нимфы... Неприятное место.

— А мне *говорили* — аэродром за домом...

— Бабуля, что ли? Она с приветом была. Небось, строила из себя Пластилина Мира? — молодой человек понимающе улыбнулся: — Это я — Пластилин Мира.

— Да плевать мне, *кто тут из вас* Пластилин Мира! — взорвался вконец замороженный Петропавел. — Все вы постоянно отказываетесь от своих слов. Ваша непоследовательность убивает!

— Непоследовательность? — Лжепетропавел пожал плечами. — При чем тут непоследовательность? *Правила создаются по ходу игры* — это наше главное правило. И мы последовательно его соблюдаем.

— Хватит с меня этого дурацкого маскарада! — взревел Петропавел.

— Ты не любишь маскарада? — казалось, собеседник был потрясен. — Как же можно не любить маскарада!.. Маскарад! Это самое прекрасное, что есть в мире. «Маска, кто Вы?» — «Угадайте сами!»... Каждый выдает себя за кого хочет, выбирает себе любую судьбу: скучный университетский профессор превращается в Казанову, самый беспутный гуляка — в монаха, красавица — в старуху-горбунью, дурнушка — в принцессу бала... Все смещено, смешано — шум, суматоха, неразбериха! Разум бездействует: для него нет опор в этом сумбуре. Мудрое сердце сбито с толку — оно гадает, ошибается, не узнает, оно на каждом шагу разбивается вдребезги — и, кое-как склеенное, вновь готово обмануться, принять желаемое за действительное, действительное — за желаемое, припасть к первому встречному — разговориться, выболтать тайну, облегчить душу хозяину своему. О, это царство видимостей, в котором легкая греза реальней действительности! Кто говорил с тобой в синем плаще звездочета? — Не знаю, неважно... *звездочет!*

Трещит по всем швам пространство, во все стороны расплзается время — и Падающая Башня Мироздания великолепна в своем полете. Дух Творчества бродит по улицам и площадям: ночная бабочка фантазии дергает его за тончайшую шелковую нить, не дает ему покоя и сна — и вот он является то тут, то там — тенью, намеком, недомолвкой, ослышкой — и путает судьбы, морочит головы, интригует...

Как весело пляшем мы в призрачных, ложных огнях маскарада, как небрежно держим в руках своих Истину и с каким божественным легкомыслием ничего не желаем знать о ней! Мы забавляемся, мы играем ею, мы бросаем ее друг другу, как цветок, как тряпичную куклу — и всю ночь мелькает она то в руках разбойника, то в руках колду-

на, то в руках короля: банальная, свежая, сиюминутная, вечная!.. И, натешившись ею, мы забываем ее где-нибудь на скамейке в сквере, где-нибудь на столике ночного кафе, чтобы под утро дворник или уборщица вывели ее из мира вместе с прочим мусором ночи, а мы, сняв маски и посмотрев друг на друга, горько усмехнулись бы: «Ах, это *только мы!*.. Всего-то навсего!»

...На мгновение в глазах Пластилина Мира мелькнули слезы и тут же высохли. С неожиданной беспечной улыбкой взглянул он на Петропавла:

— Как хорошо ты говорил о маскараде! Никогда не поверю, что ты не любишь его.

Петропавел вздрогнул и пришел в себя.

— По-моему, это *ты* говорил о маскараде...

Пластинин Мира смерил Петропавла взглядом Петропавла и хмыкнул:

— Я!.. Да я терпеть не могу маскарада. Маскарад!.. Это самое отвратительное, что есть в мире. «Маска, кто Вы?» — «Угадайте сами!» — Дальше он чуть ли не слово в слово повторил монолог о маскараде, правда, с другими уже интонациями — ядовито, желчно, где надо меняя акценты, и Петропавел действительно перестал понимать, кто из них кто. — Впрочем, — закончил говорящий, — не все ли равно, кто из нас *произносил слова!*.. Главное в том, что они прозвучали, *чьи бы* это ни были слова.

После продолжительной и довольно неловкой паузы один из них сказал: «Ну, я пошел», — а другой спросил: «Куда?» — «Мне пора дальше...»

Второму показалось, что уходит отсюда не тот, кто должен.

— Минуточку! — запротестовал он. — Это *мне*, кажется, пора дальше.

Петропавлы в нерешительности уставились друг на друга.

— Самое страшное, — зазвучал голос, и уже непонятно было, кто это говорит, — если отсюда выйдет *ненастоящий* Петропавел. Потом ничего не поправить: жизнь пойдет сама собой.

— Что же нам делать?

...Конечно, они заигрались — и теперь может случиться так, что они навсегда останутся в этом дурацком положении. Вот он, маскарад жизни!.. Отныне каждому из них, наверное, будет казаться, что однажды его перепутали, что он — *не совсем* он или даже *совсем не* он.

— Но ведь очевидно, что я — это не ты, а ты — не я! Нас же *двое!*

И тут комната наполнилась петропавлами. *Все они* изумленно переглядывались. Ситуации более тупиковой вообразить было невозможно. А когда один из них опрометью бросился к выходу, остальные ринулись за ним. В дверях образовалась пробка.

— Пустите! — надрывались петропавлы. — Дайте же дорогу!

Завязалась драка. Силы противников оказались равными, каждый бился за себя, так что ни победителей, ни побежденных не было.

— У меня на плече *родинка!* — изо всех сил крикнул вдруг кто-то — и комната опустела. В ней остался только один Петропавел, все еще с ужасом озирающийся по сторонам.

— С тобой неинтересно играть, — голос невидимого собеседника раздался совсем поблизости. — Ты так держишься за свою индивидуальность, словно она у тебя есть. Родинка на плече или один глаз карий, другой голубой — не индивидуальность. Имей ты хоть три глаза... — Глубокий вздох сотряс помещение. — Предлагаю так называемое *контрольное наблюдение*, хоть это и против моих правил. Сейчас я воспроизведусь в том виде, в котором Вы уже имели возможность меня наблюдать. Таким образом, Вы станете первым в истории человечества, кому удалось дважды войти в одну и ту же реку... Впрочем, дважды входить в одну и ту же реку — скучно. — И голос обрел очертания толстенького человечка с радушием на лице.

— Не надо представляться, — заспешил Петропавел. — Я узнал Вас.

— А я Вас не узнал, — заявил Пластилин Мира. — Вас невозможно узнать: в Вас нет *ничего* запоминающегося. Удивляюсь, как Вы сами себя узнаете.

Пропустив это мимо ушей, Петропавел подошел к окну и выглянул наружу:

— Куда ведет вон та дорога?

— К дому Пластилина Мира, — не глядя, ответил Пластилин Мира.

— Разве есть *еще один* Пластилин Мира?

— Есть, — быстро сказал собеседник и, помолчав, добавил: — Нет.

— Вы когда-нибудь отвечаете за свои слова?

— О, никогда! Клянусь Вам! — Пластилин Мира приложил руку к сердцу. — Это в суде говорят правду, только правду и ничего, кроме правды, а больше так нигде не поступают. Кстати, и в суде под правдой понимают лишь верность факту, а ведь между фактом и правдой лежит Ничья Земля — огромная и темная, — Пластилин Мира направился к выходу.

— Посоветуйте хотя бы, куда мне идти! — крикнул Петропавел вслед.

— Да куда хотите! — обернулся Пластилин Мира. — Или никуда. — И добавил: — Советую Вам не следовать моему совету.

Он исчез, а Петропавел постоял некоторое время в одиночестве, размышляя о том, что это было — пять встреч с одним и тем же существом или одна встреча с пятью разными.

Ничего не придумав, он вышел из дому, машинально обернулся и прочитал на маленькой медной табличке у двери: «Пластилин Мира. Звонить 1 ³/₄ раза».

Петропавел махнул рукой и отправился восвояси... Однако некоторая неуверенность в том, что из дома Пластилина Мира вышел именно он, время от времени посещала его еще долго.

Глава 5

Головокружительный человек

Петропавел в новеньком спортивном костюме шел бодро и в сердце своем громил Пластилина Мира. Человек не бывает тем же самым и другим. Ничто не может быть одновременно так и эдак. На один и тот же вопрос нельзя ответить «да» и «нет» сразу. Это абсурд. Дорога круто повернула вправо, когда в конце ее Петропавел увидел движущуюся точку.

Следя за движением, он, как ни странно, все не мог понять, большое удаляется или маленькое приближается. Пока он соображал, ситуация, вроде бы, прояснилась сама собой: точка приобрела очертания человека. Однако смотреть на него Петропавлу было почему-то трудно: возникало ощущение, что смотришь в перевернутый сильный бинокль с очень близкого расстояния.

— Гуллипут! — издали представился человек и немного приблизился. У Петропавла закружилась голова, он чуть не упал.

Пришлось опустить глаза и дожидаться, пока человек подойдет совсем близко.

— Не смотрите на меня! — с приличного еще расстояния крикнул тот и по мере приближения продолжал: — От меня в глазах неудобство, потому что я *одновременно* очень большой и очень маленький.

Петропавел недоверчиво вскинул глаза и отлетел в сторону.

— Вы повернитесь ко мне спиной, чтобы не искушаться — так и будем разговаривать, — участливо предложил Гуллипут.

— Как же это может быть, что Вы очень большой и *одновременно* очень маленький, когда так не бывает! — не удержался от вопроса Петропавел, даже стоя спиной к Гуллипуту.

— Да вот так... — непонятно отозвался Гуллипут. — Вас это удивляет? По-моему, это может раздражать, но не удивлять. Если размеры зависят от того, с чем их сравнивать, то неудивительно, что человек может быть *и* большим, *и* маленьким.

— Да, но не большим и маленьким *сразу!* — спиной упорствовал Петропавел.

— Именно сразу, почему же нет! Вы, например, большой по отношению к камешку на дороге и *в то же время* — обратите внимание: *в то же время!* — маленький по отношению к дубу на поляне. Может быть, от Вас тоже у кого-то голова кружится. Более или менее.

— От меня ни у кого голова не кружится, — обоснованно заявил Петропавел. — Я не меняю размеров каждую минуту.

— Но и я не меняю их каждую минуту, — теперь уже просто возмутился Гуллипут. — Я не *становлюсь* то большим, то маленьким: я *есть* большой и маленький сразу!

Петропавла начинало подташнивать.

— Так не бывает, — упрямо повторил он.

— Бывает, не бывает!.. Тоже мне, следопыт! Вы вообще не имеете права на подобные обобщения. Вы, наверное, не все на свете *видели*? А если и видели, то не все, наверное, *поняли*? И, наконец, если даже все поняли, то не все, наверное, *помните*?.. Кроме того, взглянув на меня *лишний* раз, Вы можете прямо сейчас убедиться, что так бывает. Более или менее.

Петропавел обошелся без «лишнего раза»; он напрягся и через продолжительное время воскликнул:

— Я знаю, *в чем* Ваша несуразность!

— Мерси, — по-французски поблагодарил Гуллипут. — Я и не подозревал, что во мне есть несуразность.

— Есть-есть! — бестактно подчеркнул Петропавел. — И вот в чем она состоит... По отношению к *единичному* наблюдателю, а я в данном случае — такой наблюдатель, любой предмет должен иметь один и тот же размер!

— Должен? — ухмыльнулся Гуллипут и живо поинтересовался: — Это кто ж его *обязал*, единичный Ваш предмет? — Не дождавшись ответа, он продолжил: — Ладно... начнем с того, что я не предмет, а полноправное живое существо. И, кроме того, чтобы Ваши рассуждения были справедливыми, наблюдатель *сам* должен тогда постоянно иметь один и тот же размер, кто б его к тому ни обязывал!

— Вот я один и тот же размер и имею, — с некоторой даже гордостью подытожил Петропавел.

— Это *по отношению к чему* же Вы имеете один и тот же размер, если минуту назад мы договорились считать Вас большим *по отношению* к камешку и маленьким *по отношению* к дубу?

— Я... — начал запутываться Петропавел, — я имею один и тот же размер по отношению... к *другому* единичному наблюдателю!

— Но Вас же сейчас никто не наблюдает! — воскликнул Гуллипут. — Если, конечно, не наделить способностью к наблюдению камешек или дуб. Меня лучше оставить в стороне: я-то уж точно Вас не наблюдаю, мне до Вас дела нет, — И, вероятно для того, чтобы добить Петропавла, он закончил: — А *если бы* Вас наблюдали, то следовало бы определить размер Вашего наблюдателя по отношению к *третьему* наблюдателю, размер третьего — по отношению к *четвертому*... и так до бесконечности. Возникает вопрос: кто тогда станет *последним* наблюдателем и будет ли кто-нибудь наблюдать *его*?

Петропавел чуть не разрыдался в ответ.

— Оставьте меня в покое, — еле выговорил он. — Мне плохо от Вас.

— Нет, это Вы оставьте меня в покое и оставьте за мной право не иметь определенного размера — хотя бы только потому, что его, как выяснилось, вообще никто не имеет! — выкрикнул Гуллипут ужасно гневно, а Петропавел вдруг вяло подумал: «Дался мне этот Гуллипут!.. Чего уж я так пекусь о его размерах?» — а вслух сказал:

— Да будьте Вы каким угодно! Мне все равно.

— Действительно! — подхватил Гуллипут. — Вы же необязательно должны иметь обо мне одно мнение. Имейте два: «Гуллипут — очень маленький» и «Гуллипут — очень большой» — что Вам мешает?

— Противоречие! Противоречие мне мешает!

— С чего Вы взяли, что это противоречие? Нет тут никакого противоречия, если употреблять слова «большой» и «маленький» в так называемом реляционном значении... *относительном* значении, — пояснил он, заметив недоумение Петропавла. — Слова вообще нельзя употреблять в абсолютном значении: абсолютному значению ничто не соответствует в мире, где все относительно. Нет ни большого, ни маленького, нет ни прямого, ни обратного направления, нет ни правой стороны, ни левой, ни вер-

ха, ни низа! И ни завтра, ни вчера — тоже нет! Ничего нет. Вздохните же Вы наконец *свободно!* Более или менее.

Петропавел поднял голову кверху, потом опустил вниз:

— Верх и низ есть. Не надо меня дурачить.

— Вам это *кажется!* — Гуллипут орал уже благим матом. — Ка-жет-ся! Будь на моем месте Тридевятая Цаца, Вам бы так не казалось.

— Еще и Тридевятая Цаца!.. — Петропавел совсем сник.

— Воспряньте, — произнес Гуллипут с мрачным сочувствием. — Лучше расставаться с *предубеждениями* весело, поверьте мне: я вырос в гоготе и хохоте.

— Мне домой надо, — буркнул, проглотив комок, Петропавел. — Тут у вас с ума можно сойти.

— Можно, — согласился Гуллипут, — если обращать внимание на частности. А Вы не обращайтесь... Кстати, многое из того, что происходит, Вам не обязательно оценивать, как Вы это постоянно делаете. Оценки Ваши ничего не меняют в мире: он существует независимо от них. Вы же согласились, например, называть Шармен — Шармен, а не Кармен.

— Мне никто не предлагал выбирать, — Петропавла поразила осведомленность Гуллипута.

— Из мелочей не нужно выбирать. Важно правильно сделать Большой Выбор. До него Вам еще далеко. Что же касается Шармен и Кармен...

— А это *одно* лицо? — озаботился Петропавел.

— Нет, но *допустимо* определить одно через другое, — вздохнул Гуллипут за его спиной. — Кармен есть Кармен, а Шармен есть Шармен... я хотел сказать: Кармен есть Шармен, а Шармен есть Кармен — надеюсь, Вам понятно? Хотя Шармен, она все-таки гораздо последовательнее. Интересная, между прочим, особа — шальная! Влюбляется в каждого, кто попадает ей на глаза, и любит его до тех пор, пока на глаза не попадет кто-нибудь другой: тогда она начинает любить другого, а прежнего забывает. И когда — *через любое время* — встречает уже забытого, всякий раз влюбляется в него заново. Вот характер!

— А Тридевятая Цаца — кто такая? — со всевозможной осторожностью спросил Петропавел. — Очень уж имя странное...

— Не более и не менее странное, чем любое другое. Имя, темя, племя, стремя... Связь между именем и объектом таинственна. Семя, вымя... Вы есть, наверное, хотите, — Петропавел даже не успел осмыслить последнего заявления, а Гуллипут уже скомандовал: — Спуститесь в долину и идите к *кусту*, который на отшибе.

— На отшибе *дерево*, — возразил Петропавел.

— Хорошо, идите к нему. Я пойду следом.

Короткой колонной они спустились в долину. Возле дерева стоял транспарант: «Яблоня. Куст».

«Почему куст? — подумал Петропавел. — Почему куст, когда это явно дерево!» Вблизи дерево оказалось липой.

— Угощайтесь, — предложил Гуллипут из-за спины. — Только пройдите немного вперед, я тоже поем. Более или менее.

Петропавел прошел вперед и поинтересовался:

— *Чем* тут угощаться?

— Как чем? Плодами! Плодами воображения. — И Гуллипут аппетитно зачмокал.

Петропавел пристально взгляделся в липу.

— Тут одни листья. Вы *листья*, что ли, едите? — спросил он наконец.

— Значит, у Вас нет воображения. Было бы воображение — были бы и плоды!

Почмокиванье Гуллипута не прекращалось.

— Вы бы хоть не чмокали так! — укорил его Петропавел, страдая. — Мне от этого тоскливо.

Сбоку, из-за спины Петропавла, протянулась рука, державшая нечто невообразимое — огромный оранжево-голубой шар, очень отдаленно напоминавший мандарин, арбуз, дыню, ананас и гранат.

— Нате, — сказал Гуллипут, — ешьте тогда плод *моего* воображения.

Голодный Петропавел не задумываясь впился зубами в плод воображения Гуллипута и в три присеста уничтожил этот плод.

— Спасибо, очень вкусно, — честно сказал он. — Не понимаю только, как такое могло вырасти на липе.

— На яблоне, — поправил Гуллипут.

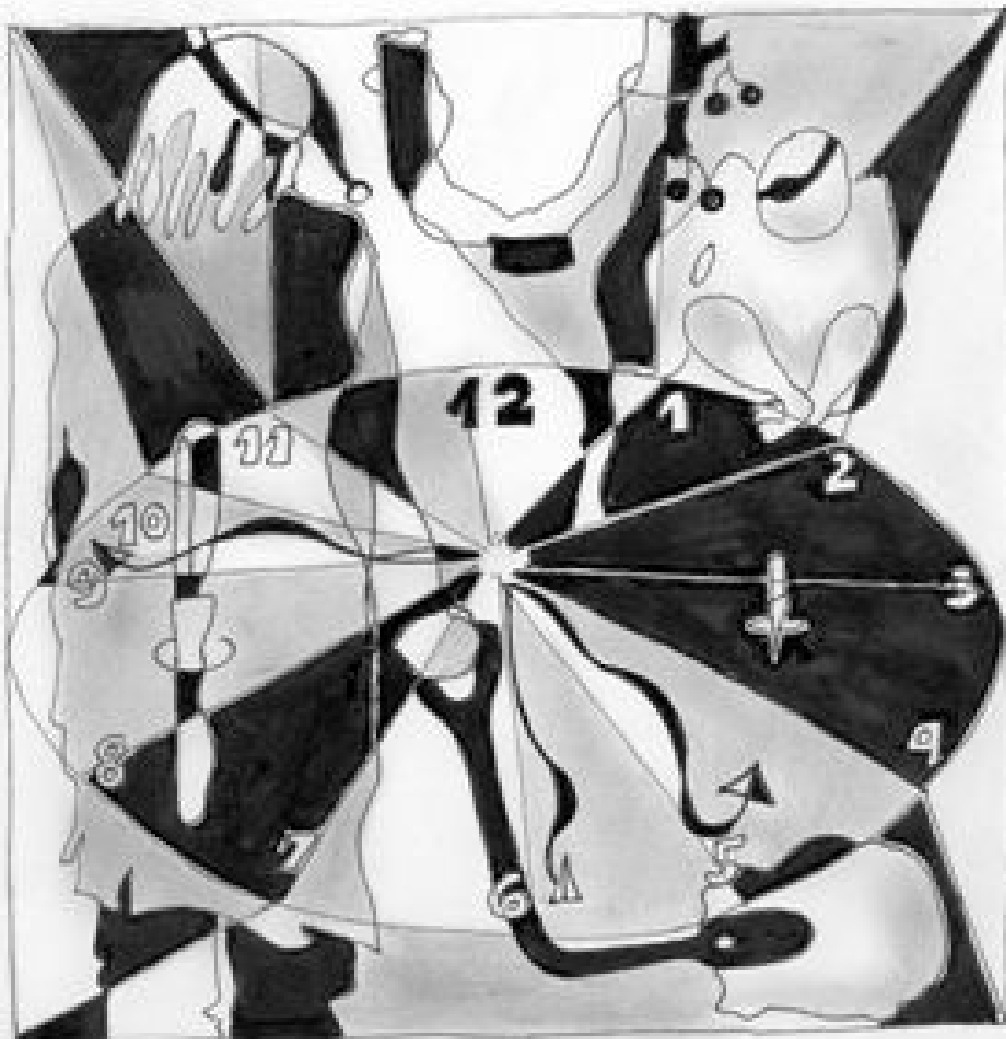
— Это липа. Зачем вводить людей в заблуждение неправильной надписью?

— Чтобы было о чем подумать во время еды. Ничто не должно становиться *привычным*: привычное превращается в обыденное и перестает замечаться. Этак можно вообще все на свете проглядеть: ведь нет ничего, что рано или поздно не стало бы привычным. Лучше всего, когда мы пытаемся выяснить суть даже того, что кажется очевидным. Интересные, доложу я Вам, случаются открытия.

— Какие же, к примеру? — не без сарказма спросил Петропавел.

— К примеру, такое: все верно и ничто не верно. Если, конечно. Вас это устроит... Более или менее. Но Вас это вряд ли устроит: в Вашей голове сложилось представление о должном — с этим представлением Вы и идете в мир. Но что же Вы о нем знаете? А вот: яблоня — это яблоня, липа — это липа, большой — это не маленький, маленький — это не большой. Не слишком-то много... А жизнь подкрадется — и щелк по носу!.. Вы вот объясните этому кусту, что он — дерево. Прикажете ему быть таким, как надо Вам: эй, куст, цыц! Ты — дерево! Но ему, видите, ли, все равно, одобряете Вы его *как куст* или нет. Он не спрашивает Вашего мнения, не нуждается в Ваших рекомендациях, предписаниях, не нуждается в том, чтобы Вы отсылали его к стандарту, к норме... Вы для него — никто... Ему просто-напросто плевать на Вас. Как, впрочем, и мне. Более или менее.

Забыв о мерах предосторожности, Петропавел возмущенно обернулся, но увидел только, как по дороге удаляется что-то большое или приближается что-то маленькое...

Глава 6

Стократ смертен

В ту же секунду Петропавел упал лицом вниз, не успев даже сообразить, что произошло, но почуввав недоброе. И действительно: его принялись чем-то охаживать по спине. Это было совсем не больно, но причиняло беспокойство неприятного характера. Петропавел пару раз вскрикнул, — скорее, для порядка — и услышал: «Не ори: не дама!», причем голос был детский.

Петропавла явно с трудом перевернули лицом кверху. Перед ним стоял золотухдый мальчонка лет пяти с черной повязкой на одном глазу и приветливо улыбался. Это он накинул на Петропавла лассо. Длинная розга валялась рядом. Ребенок держался за рукоять огромного ножа, воткнутого в землю неподалеку. Петропавлу сделалось нехорошо — и он неожиданно для себя подобострастно предложил:

— Хочешь, будем с тобой на «ты», мальчик?

— Я и так с тобой на «ты», — ухмыльнулся ребенок.

— Зовут-то тебя как?

— Дитя-без-Глаза, — беспечно ответил малыш и, выхватив нож из земли, одним махом рассек туловище проползавшей мимо гусеницы, по размеру напоминавшей длинный товарный поезд. Две части гусеницы расплозились в разные стороны и зажили там самостоятельно.

— Это которое у семи нянек? — догадался Петропавел.

Дитя-без-Глаза хмыкнуло:

— Смотри-ка, что вспомнил!.. Нет уже семи нянек. Умерли.

Последнее слово прозвучало весьма зловеще, и, начав волноваться, Петропавел спросил как мог безразлично:

— От чего же они умерли, мальчик?

— От страха, — неохотно сообщил тот, видимо, имея все-таки некоторое отношение к смерти семи нянек. Потом подошел к Петропавлу и опять воткнул нож в землю, слева от него.

— Что ты собираешься делать? — струхнул Петропавел.

— Зарежу тебя и сожру, — сказала Дитя-без-Глаза и по-детски рассмеялась.

Петропавел затрясся и покрылся холодным потом.

— Ты ж еще маленький! — еле вымолвил он.

— Сожру тебя — и буду большой, — пообещало милое дитя и вынуло нож из земли.

— Нет, ты не сделаешь этого! Это очень жестоко!

— Пустяки, — снова рассмеялось дитя. — А впрочем... Я могу и не делать этого, если ты выполнишь три моих желания.

В ужасе от такого предложения Петропавел замотал головой, сразу представив себе, какие желания могут быть у *этого* ребенка. А ребенок, не обращая внимания на Петропавла, продолжал:

— У меня такие три желания: во-первых, я хочу есть, во-вторых, писать и, в-третьих, спать.

...С Петропавлом немедленно случилась истерика. Придя в себя, он сказал:

— Я выполню три твоих желания, только сначала развяжи меня.

— Нет, ты *так* выполняй, а то после опять связывать — это долго, — ответил смущенный малыш.

Петропавел задумался, потом произнес:

— Посмотри вокруг. Где-то тут поблизости яблоня. Если на ней что-нибудь растет, походи и съешь это.

Яблоня оказалась в двух шагах. С интересом наблюдая за дальнейшими событиями, Петропавел увидел, как ребенок подошел и выполнил его распоряжение. Ел он что-то мелкое — жадно и неаккуратно.

— Наелся? — спросил Петропавел, когда, по его мнению, ребенок съел один плод.

— Нет еще! — и Дитя-без-Глаза принялось срывать обильные, по-видимому, плоды собственного воображения. Наконец, оно удовлетворенно крикнуло:

— Порядок. Теперь писать.

— Зайди за дерево, — наставлял малыша Петропавел, — расстегни штанишки, а дальше все само собой получится.

Тот отсутствовал с полчаса, вернулся очень довольный и сказал:

— Ну, все. Теперь спать.

— Нет уж, — осмелел Петропавел. — Развяжи веревки, потом ложись, где хочешь, и закрой глаза.

— Да я же пошутил! — засмеялось Дитя-без-Глаза. — Ты несвязанный лежишь. Вставай!..

Петропавел попробовал встать — и действительно встал: веревки упали на землю. Дитя-без-Глаза уже мирно посапывало рядом. Тогда, как ни в чем не бывало, он двинулся восвояси и, почувствовав себя в безопасности, даже засвистел, но, как оказалось, преждевременно, потому что из кустов тотчас вышел навстречу ему огромного роста седой старик с повязкой на одном глазу и маленьким фруктовым ножом в правой руке. Подойдя к Петропавлу, старик хихикнул и задал вопрос:

— Что такое «висит груша в темнице, а коза на улице»?

Петропавел не нашелся, как ответить.

— Это трудная загадка! — ухмыльнулся старик. — Отгадки ее не знает *никто*. Даже я.

— Какой же смысл загадывать загадку, если никто не знает отгадки?

— Так чтобы *узнать!*.. — Старик выразил лицом недоумение. — Бессмысленно, скорее, загадывать загадку, отгадка которой известна. Но, так или иначе, ты не отгадал — и тебе придется умереть.

— Да вы что — сговорились, что ли?! — вырвалось у Петропавла. — Сколько можно с этим шутить?

А старик со словами: «Хорошенькие шутки, ничего не скажешь!» — неожиданно всадил фруктовый нож в грудь Петропавла.

«Я умираю», — как-то вяло, без испуга подумал Петропавел и упал навзничь. Боли не ощущалось — ощущалось только некоторое неудобство в груди от присутствия ножа, вонзенного по самую рукояточку. Петропавел, полежав на земле, с любопытством спросил у старика:

— Вы *убили* меня?

Старик поправил повязку на глазу:

— Да не суетись ты! Лежишь себе на земле — и лежи. Не *в земле* же пока! Вот закопаю тебя — тогда и поймешь. — Он удалился в кусты, принес ржавую лопату и деловито спросил: — Где копать могилу?

Вытащив из груди сухой и холодный нож, Петропавел потер потревоженное место и сказал:

— Хватит паясничать, товарищ. Не смешно это.

— Пока не смешно — *потом* смешно будет, — пообещал старик, начиная рыть могилу где попало.

— Вас как зовут? — сменил тему Петропавел.

— Старик-без-Глаза.

Петропавел, взглядевшись в него, действительно обнаружил некоторое сходство с опочившим невдалеке младенцем.

— Это когда же Вы успели состариться? Вы ведь спали!

— Во сне, — не отвлекаясь, ответил Старик-без-Глаза. — А что?

— Времени маловато прошло, вот что!

— Не твое дело, сколько *моего* времени прошло! — Могильщик говорил уже из довольно глубокой ямы. — Ты бы лучше за *своим* временем следил, пока был жив.

Старик засунул руку в карман и извлек оттуда предмет, видимо, мешавший ему работать. Это была рогатка.

— Забавы золотого детства! — сентиментально вздохнул он и, смахнув слезинку, зашвырнул рогатку в кусты. Потом снова принялся копать, хотя в могиле мог бы уже разместиться небольшой областной центр.

Петропавел заглянул в могилу:

— Если это для меня, то довольно. У Вас глазомер плохой.

— Нахал, — спокойно заметил Старик-без-Глаза. — Я жизнь прожил! Пожил бы ты с мое... замечания-то делать!

— Ну, положим, с *Ваше-то* я пожил: времени, между прочим, одинаково прошло — как для Вас так и для меня, — Петропавел улыбнулся просвещенной улыбкой.

— Ты, малец, мое время с твоим не путай. Я за свое время всякого повидал, а ты за свое — обнаглел только. Да и что ты вообще о времени знаешь? Необратимость да непрерывность... На этом, милый мой, *у нас* далеко не уедешь. Рассказал бы я тебе, да ты умер уже, — и Старик-без-Глаза углубился в могилу.

Внезапно Петропавел отчаянно соскучился с этим стариком. Он махнул рукой и пошел себе восвояси, однако, не пройдя и нескольких шагов, услышал позади себя тяжелое дыхание — и вот уже Старик-без-Глаза загородил ему дорогу.

— Отойдите, — устало сказал Петропавел.

— Тебя могила ждет, — напомнил старик, вытирая руки о штаны. — Ты скончался. Вернись назад, в ДОЛИНУ РОЗГ.

— Куда вернуться?

— В ДОЛИНУ РОЗГ — это место, где мы с тобой познакомились и где ты потом умер.

Петропавел решительно двинулся в обход старика, не желая продолжать разговор. Но тот цепко схватил Петропавла за руку и убедительно попросил:

— Пойдем...

— Да оставьте Вы меня в покое! — крикнул Петропавел. — Не драться же мне с Вами!

— Вот еще, *драться!* — возмутился Старик-без-Глаза. — Хорошенький поворот! — Он ловко скрутил Петропавлу руки за спиной. Суставы хрустнули, сделалось ужасно больно.

— Да Вы что — с ума сошли? — взвыл Петропавел, корчась от боли.

— Это *отдельный* вопрос, — уточнил Старик-без-Глаза. — Сейчас мы не будем его обсуждать. Сейчас мы будем тебя хоронить.

Извивающегося Петропавла потащили к могиле.

Сопротивляться сильному старику было бесполезно.

— Я уже пригласил на твои похороны друзей, — объяснялся Старик-без-Глаза по дороге. — Они соберутся с минуты на минуту.

— Но я не хочу умирать! — возмутился Петропавел.

— Вопрос так *вообще* не стоит, — приговаривал непреклонный старик. — У тебя все в прошлом.

Петропавел искал какой-нибудь веский аргумент, и ему показалось, что он нашел его:

— Но я же разговариваю!

— Не разговаривай, — снял противоречие Старик-без-Глаза.

Дело приняло совсем плохой оборот. Приходилось верить в серьезность стариковских намерений.

— Нет, я одного не понимаю, — хорохорился несмотря ни на что Петропавел. — Почему *именно меня* надо хоронить?

— А кого ты *еще* можешь предложить? — заинтересовался Старик-без-Глаза.

— Да хоть Вас! — в общем, справедливо заметил Петропавел.

После некоторых раздумий Старик-без-Глаза покачал головой, еще дальше отводя Петропавлову руку за спину.

— Меня нельзя. Во-первых, я гостей назвал. Нехорошо, если они придут, а я в могиле. Во-вторых, меня тут уже раз двести хоронили — так что это вряд ли кого-нибудь увлечет.

— Тогда, — заторопился Петропавел, — надо похоронить этого... как его... Пластилина! То есть хотя бы *одного из этих...* пластилинов — пусть остальные живут. Их там пруд пруди!

— Неплохая идея, — одобрил Старик-без-Глаза и непоследовательно закончил: — Но похороним мы все-таки *тебя*.

Они уже подошли к самому краю могилы. Старик-без-Глаза поднял глаз к небу и с уверенностью произнес: — Раба твоего могила исправит! — после чего изо всех своих нечеловеческих сил столкнул Петропавла в яму.

Естественно, тот немедленно начал выкарабкиваться оттуда, но своевременно получил от Старика-без-Глаза ржавой лопатой — хоть и не больно, но очень сильно. Снова скатившись в яму и взирая оттуда на готового повторить удар старика, Петропавел оставил попытки выбраться и залег на дно.

Комочек земли сорвался с края могилы. Петропавел поглядел наверх и увидел над собой старое лицо Гнома Небесного. Тот с удовлетворением констатировал: — Упокоился! — и исчез из поля зрения.

Поблизости от могилы слышались голоса: кажется, друзья начали собираться. Именно этого почему-то не выдержал Петропавел. Он выскочил из могилы и принялся выкрикивать бессвязные и обидные слова:

— Бандиты! Убийцы! Мафия! Нашли себе развлечение — живых людей хоронить!..

Петропавлу хотелось каждому сказать что-нибудь отдельно гадкое, но слова подбирались с трудом и со всей очевидностью не достигали цели. Когда он умолк, в тишине прозвучал недоуменный вопрос Гуллипута:

— Чего он так разоряется?

— Ему очень дорога его жизнь, — мрачно пояснил Старик-без-Глаза.

— Разве ее у него отнимают? — еще больше удивился Гуллипут.

Тут уже вмешаться пришлось Петропавлу:

— Но если хоронят... если смерть, — значит, уже *не жизнь*, значит, жизнь *отнимают!*

— Успокойтесь Вы, — сказал Пластилин Мира в облике младенца с честным лицом. — Кому нужна Ваша жизнь!.. А кроме того, для справки: смерть — это далеко не всегда не-жизнь, равно как и жизнь — далеко не всегда не-смерть. Бывает смерть, которая — жизнь, и жизнь, которая — смерть. И еще... почему Вы думаете, что смерть — это *надолго?*

— Ну, как же: человек ведь умирает *только один раз!* — Петропавел расхохотался бы, если б вопрос не стоял так трагически.

Шармен, оторвавшись от маленького человека, которого она лобзала, прижимая к земле, как бы между прочим заметила:

— Французы говорят, что всякая разлука — это маленькая смерть, — и снова вернулась к своему занятию.

— А из того, что Сократ смертен, следует, что не Сократ — стократ смертен, — скаламбурил в обычной своей манере Ой ли-Лукой ли.

— Да ну его, в самом деле! — воскликнул вдруг Гном Небесный. — Он психованный. Я же предупреждал, когда узнал, *кого хороним*, что не надо *его хоронить!* Как будто больше уж и похоронить некого... Меня похороните: я очень люблю возрождаться, это так освежает!

— Да Вас сто раз хоронили! — вмешался Пластилин Мира. — Каждому хочется взглянуть на мир по-новому. Похороните меня: меня *в этом облике* еще никогда не хоронили!

— Можно, в конце концов, *вообще никого* не хоронить, — подало голос Белое Безмозглое.

— Я зря могилу копал? — обиделся Старик-без-Глаза.

— Почему зря? — продолжало Белое Безмозглое. — Пусть так постоит: была бы могила — желающие всегда найдутся!..

Пока шли эти препирательства, в атмосфере начали происходить волнения... Тонкий и длинный, как игла, звук проткнул пространство.

* * *

Высоко в горы вполз Уж и лег там — весь в белой пене, седой и сильный, с разбитой грудью, в крови на перьях, сердито воя: «О, твердый камень!»

Во тьме и брызгах пал с неба Сокол с коротким криком:

— Что, умираешь?

— Да умираю... — так Уж ответил, гремя камнями в бессильном гневе.

— Эх ты, бедняга, Уж, испугался! Две-три минуты — пустое место. Летай иль ползай — конец известен: все в землю лягут, все прахом будет...

Уж усмехнулся на эти бредни, собрав все силы и кровь омывши.

И крикнул Сокол:

— А ты подвинься! И вниз бросайся — скользя когтями по слизи камня, ломая крылья, теряя перья... хоть ненадолго!

Уж так ответил:

— Там нет опоры живому телу! Как мне там ползать, скользя по скалам? Мне здесь прекрасно. Я сам все знаю!

И Сокол смелый вдруг встрепенулся и по ущелью повел очами, его измерил...

А Уж подумал о гордой птице тепло и сыро:

— Врага прижал бы я к ранам груди и захлебнулся б моей он кровью! О, счастье битвы!..

И труп птицы не видно было б в морском пространстве...

Сказал и — сделал: привстал немного, сверкнул очами и прынул в воздух к свободной птице, и бился грудью!

В их львином рыке гремела песня, дрожали скалы от их ударов, в кольцо свернувшись... И было душно, и пахло гнилью — должно быть, в небе. И дрогнул Сокол, и сам, как камень, упал на землю — с печальным ревом. А Уж подумал:

— Пожить приятно, коль он так стонет! Ласкает очи умерший Сокол, свернувшись в узел. — И рассмеялся: — Смешные птицы! Зачем такие, как он, умерши, смущают душу?

В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, гордясь собою: «О, смелый Сокол, пускай ты умер!»

Глава 7

Священный ужас по ничтожному поводу

Волнения всё происходили и происходили — в конце концов, все со страхом принялись озираться по сторонам.

— Это Он! — в ужасе прошептал Ой ли-Лукой ли и без перехода завопил: — Спасайся кто может!

Поддавшись панике, Петропавел вслед за другими опрометью бросился к могиле, крича на ходу:

— Там занято! Это *моя* могила! Ее для *меня* выкопали!

Ему удалось обогнать всех, даже стремительно молодевшего на бегу Старика-без-Глаза, и исполинским прыжком Петропавел раньше других прыгнул в яму. Остальные упали на него сверху. Рядом сопел потный Гном Небесный, оказавшийся довольно прытким.

— Что случилось? — спросил Петропавел у Гнома.

— Муравей-разбойник... приближается! Слышишь богатырский пописк? — еле выдохнул тот: маленький, он с трудом выдерживал вес стольких тел сразу.

— Что он с нами сделает?

— Ничего! — дрожа от страха, ответил Гном Небесный. — *В том-то* весь и ужас!

— Чего тогда ужасаться, если нам ничего не грозит? — прохрипел Петропавел полужадушенно.

— Это *священный ужас*, ужас наших предков! — Гном Небесный трясся, тем самым позволяя Петропавлу хотя бы изредка перехватывать воздух.

— У вас у всех общие предки, что ли? — еле выдавил из себя Петропавел.

— Предки *у всех* общие, — понятно ответили ему. — Не думайте, что у Вас они какие-то уникальные. — Это был голос Белого Безмозглого. Петропавла неприятно поразило, что у него с *Белым Безмозглым* общие предки.

— Эй, вы там, внизу, заткнитесь! — раздался сверху голосок Дитяти-без-Глаза. — Не мешайте испытывать ужас!

— Да плевал я на ваш ужас! — разозлился Петропавел и нечеловеческим усилием продрался наружу сквозь грудь тел.

Творившееся снаружи потрясло его. Дул шквалистый ветер. Столетние дубы носились над землей, вывороченные корнями наверх. Сверкала молния, гремел гром, шел ливень с градом, и валил снег. Началось землетрясение. В образовавшуюся неподалеку от могилы трещину затянуло окрестный лес. Откуда-то принеслась песчаная буря, а вслед за ней потекла раскаленная лава.

Петропавла шарахало из стороны в сторону, и он проклинал себя за то, что вылез из могилы. Виновника всех этих бедствий видно не было. Внезапно все стихло — и в зловещей тишине над миром раздался богатырский пописк: вакханалия прекратилась. Петропавел огляделся вокруг: разрушения были *чудовищными*.

Тут над могилой показалось искаженное ужасом младенческое лицо Пластилина Мира. При виде Петропавла лицо осовело.

— Чего Вы вы-вы-вылезли? — заикаясь, белыми губами произнес чуть слышно Пластилин Мира.

— Хотел увидеть Муравья-разбойника, — Петропавел был точно пьяный.

Некоторое время Пластилин Мира омуравело глядел на него, потом свалился в могилу, — по-видимому, без чувств. В могиле долго было тихо, затем — внезапно — начался страшный гвалт, продолжавшийся час-полтора, и, наконец, один за другим все молча выбрались на поверхность. Лица их были торжественны и суровы.

После того как вышедшие из могилы построились в шеренгу по одному, вперед выступил Бон Жуан. Он произнес речь:

— О герой! Все мы выстроились перед Тобою* в шеренгу по одному для того, чтобы выразить наше восхищение Твоим смелым и совершенно бессмысленным поступком. Ты, который еще несколько минут назад трясся за свою паршивую жизнь, явил нам всем образец отчаянной отваги и беспрецедентной глупости. Среди нас нет равных Тебе. Нашим большим коллективным разумом мы не смогли постичь, зачем Тебе, герою, понадобилось *видеть* Муравья-разбойника, когда при появлении его достаточно оттрепетать и стихнуть. Никому из нас никогда не приходила в голову эта уникально идиотская мысль — *лицезреть* Его. Сперва она показалась нам кощунственной, но потом общими усилиями мы вспомнили наше древнее предание, в котором высказано такое пророчество: «*И придет бесстрашный и глупый человек, и поцелует Спящую Уродину как свою возлюбленную, и пробудит Ее от сна*» О герой! Мы поняли, кто тот бесстрашный и глупый человек. Это Ты...

Тут Бон Жуан вздрогнул: он вспомнил, что Петропавел — мужчина, а стало быть, разговаривать с ним не имеет смысла. Бон Жуан умолк и стал в шеренгу, из которой тотчас же вытолкнули почти вернувшегося из состояния омуравелости Пластилина Мира с помятым личиком.

Пластилин Мира тоже произнес речь.

— Ну, что ж... — начал он, и сам же себе ответил: — Да ничего! Случилось то, чего не случалось, а если и случалось, то другое. Среди нас нашелся тот, кого не было среди нас, но оказалось, что был. Это, как говорится, и радостно и грустно. Грустно потому, что его не было, а радостно потому, что оказалось, что был. Теперь у нас есть все основания сказать, что нет никаких оснований говорить, будто герои перевелись в наше время. Они, конечно, перевелись — и никто с этим не спорит, однако сегодня мы видим перед собой настоящего героя. Разумеется, в нем нет ничего от героя, но он герой, несмотря на это. То, что он герой, незаметно с первого взгляда. И со второго. И с третьего. Это вообще незаметно. Встретив его на улице, вы никогда не скажете, что он герой. Вы даже скажете, что никакой он не герой, что — напротив — он тупой и дрянной человечешко. Но он герой — и это сразу же бросается в глаза. Потому что главное в герое — скромность. Эта-то его скромность и бросается в глаза: она просто ослепляет вас, едва только вы завидите его. Он вызывающе скромен. Он скромен так, что производит впечатление наглого. Но это только крайнее проявление скромности. Стало быть, несмотря на то, что в нем нет ничего, в нем есть все, чтобы поцеловать Спящую Уродину и пробудить Ее от сна. Я мог бы еще многое добавить к сказанному, но добавить к сказанному мне нечего.

Речь явно удалась — и все долго и возбужденно аплодировали. Аплодировал и Петропавел, хоть и не понял почти ничего — разве только то, что ему, кажется, действительно придется целовать Спящую Уродину.

Все взгляды меж тем обратились к нему — стало понятно, что от него ждут ответного слова. Стояла благоговейная тишина.

* Он так и произнес это слово — с большой буквы!

— Разрешите мне, — сказал Петропавел, — от имени... меня, — он не нашел, кого бы еще присовокупить к себе, — поблагодарить вас за оказанную мне честь и отказаться от нее.

После секундного молчания послышался ропот. По окончании ропота от шеренги отделился Ой ли-Лукой ли.

— О герой! По-видимому, мы не были достаточно убедительны. Сказанное — слабовато: отчетливо ощущается недостаток аргументов. Сейчас речь скажу я. Вот она.

Пункт первый, касающийся Вашей отваги... Что тут долго говорить? Вы отважны, как черт. Совершенно низачем, когда ничто не заставляло Вас вылезать из могилы и торчать около нее, Вы вылезли из могилы и торчали около нее. Я скажу так: это — бесстрашие.

Пункт второй, касающийся Вашей глупости. Тут говорить можно и нужно долго, ибо глупость Ваша безгранична и необъятна, как Вселенная. Мы долго обсуждали это в могиле. Позвольте мне обосновать вывод, последовательно ссылаясь на наблюдения, сделанные присутствующими...

Бон Жуан отметил, что Вы способны только констатировать и начисто лишены возможности предполагать что бы то ни было. У Вас совершенно отсутствуют творческая интуиция и представление о возможных мирах. Вы имеете какие-то сведения исключительно о том, что есть, и не видите дальше собственного носа.

В беседе со мной Вы обнаружили не менее замечательные качества. Вы совершенно не цените уникальности, — в частности, моей, — видите все лишь таким, каково оно на самом деле, плюете на воображение — особенно народное! — и демонстрируете полное отсутствие фантазии.

Белое Безмозглое охарактеризовало Вас как человека, абсолютно не понимающего асимметричного дуализма языкового знака: Вы придаете слишком большое значение словам, но при этом вовсе не видите сущности предмета.

Гном Небесный сказал, что Вы по любому поводу требуете объяснений и не можете самостоятельно развить ни одной мысли, боясь этого.

Судя по отзывам Пластилина Мира, Вы цепляетесь за видимость, ничего не хотите знать о многообразии форм проявления жизни, презираете маскарад, не понимаете творческой силы противоречия и требуете, чтобы каждый отвечал за свои слова.

Со слов Гуллипута, Вам больше всего на свете дороги Ваши предубеждения — Вы чуть ли не рыдаете, когда лишаетесь их. Если Вы не понимаете чего-то, Вы объявляете это несуществующим. Вы состоите из одних стереотипов — в частности, в Вас силен стереотип восприятия пространства как исключительно трехмерного.

Дитя-без-Глаза (оно же — Старик-без-Глаза) отметило в Вас и стереотип восприятия времени: Вы имеете наглость судить о времени других на основании Ваших представлений о своем времени. Кроме того, Вы очень высоко цените собственную жизнь и готовы пожертвовать чьей угодно ради сохранения своей. Вы не любите умирать, в то время как совершенно очевидно, что чем чаще человек умирает, тем интенсивнее он развивается и тем быстрее движется вперед. Отказ от прошлой жизни всегда продуктивен.

Что касается Всадника-с-Двумя-Головами, то, один раз взглянув на Вас, он только плюнул и махнул рукой.

Но самое выдающееся — то, что отмечают все! — это Ваша умопомрачительная серьезность: именно благодаря ей Вы до сих пор не поняли, где находитесь, хотя на Вашем месте это уже давно понял бы любой. Это и Ежу понятно. Эй, Еж!

Из кустов, поломанных стихиями, немедленно вышел легендарный Еж.

— Тебе понятно? — спросил Ой ли-Лукой ли.

Еж кивнул и исчез в кустах.

— Вот видишь! — с укоризной произнес Ой ли-Лукой ли и закончил: — Я думаю, что привел убийственно сильные аргументы в пользу твоей, герой, отваги и особенно глупости, и убедил тебя, герой, в том, что именно ты, герой, должен поцеловать Спящую Уродину и вписать одну из самых ярких страниц в нашу историю...

Что тут началось! Аплодисменты не смолкали часов шесть-семь, и это, естественно, притупило у Петропавла остроту восприятия речи Ой ли-Лукой ли, а также негодование по ее поводу. Когда аплодисменты стихли, Петропавлу было уже нечего сказать: запал пропал. Единственное, на что его хватило, — это выяснить частности:

— По-вашему, поцеловать Спящую Уродину — награда или наказание?

— Награда! — мажорно грянул хор.

— А зачем нужно, чтобы она просыпалась? — ободрился он.

Все стройно пожали плечами.

— Но, проснувшись, она может и... ну, беспорядков наделать!

В ответ согласно закивали головами.

— Для чего же тогда ее будить? — это был главный вопрос Петропавла.

Стройный хор голосов с готовностью ответил:

— Есть такое слово — «надо»!

— А как, — осторожно поинтересовался Петропавел, — мыслятся мои действия дальше... после того, как я, допустим, ее поцелую?

Общество пришло в замешательство.

— Дальше?.. — взял на себя инициативу Гном Небесный. — Что же дальше... поцелуете, разбудите — и все, насчет остального ничего не известно.

— Да как же, — бросился Петропавел в атаку, — можно предлагать совершить действие, последствия которого неизвестны? А если эта Уродина, проснувшись, нас всех тут пережрет!..

— Пусть попробует! Я сам ее зарежу и сожру, — охотно пообещало Дитя-без-Глаза, а Белое Безмозглое печально констатировало:

— Ну, пережрет — так пережрет. Будем дальше жить — пережранными.

Петропавел собрался с духом и сделал заявление:

— Никакой Спящей Уродины я целовать не стану.

Общество посоветовалось. Вперед выступил Ой ли-Лукой ли:

— Или целуй и буди Спящую Уродину, или катись отсюда!

— Я выбираю второе! — обрадовался Петропавел.

— Тебе никто не предлагал выбирать. — Ой ли-Лукой ли хмыкнул. — Второе предложение сделано для того, чтобы деликатнее сформулировать первое. Мы же все-таки не хамы и понимаем, что минимальное число возможностей — две, а не одна.

— Так Вы издеваетесь! — понял Петропавел.

— Да ничуть! — хором ответили ему, а Гном Небесный продолжил за всех: — Дело в том, что первое предложение не существует без второго, равно как и второе — без первого.

— Значит, предложение здесь одно, а не два?

— Думай как знаешь, а Спящую Уродину целовать все равно *придется*. Иначе нельзя.

Обреченность в голосе Гнома Небесного насторожила Петропавла.

— Почему же *придется*? — спросил он с некоторым испугом.

— Потому что иначе тебе суждено навеки остаться тут, — и Гном Небесный тяжело вздохнул.

— Вы убьете меня... насмерть? — спросил Петропавел, теперь — с ужасом.

Гном Небесный слабо улыбнулся:

— Ты неисправим! У нас никого не убивают насмерть. А кроме того, тебе ведь уже сказали, что твоя паршивая жизнь никому тут особенно не нужна: и своя-то никому не

дорога!.. Просто Спящая Уродина загораживает тебе путь домой: вот и необходимо, чтобы она пробудилась и освободила дорогу.

— Но я *не проходил* мимо Спящей Уродины по пути сюда! — в голосе Петропавла еще оставалась маленькая надежда.

— Путь сюда — это у нас не то же самое, что путь обратно: тут вообще не бывает путей обратно.

Петропавел стиснул зубы от невозможности жить и мыслить по-старому. И, сдавая позиции, он уже по-другому, жалобно и тихо, спросил:

— А большая она — эта Уродина?

— Не то слово! — отвечал ему хор. — Она немислимой величины, неопишумемой! Ее и вообще-то видно только с расстояния километров в... несколько, а по мере приближения взгляд уже не охватывает ее целиком.

— И что же, — ужаснулся Петропавел, — ее в какое-то *определенное* место целовать надо? В... уста? — с трудом произнес он.

— Да нет, — пощадили его, — целовать все равно куда: куда придется — туда и целуй. Даже если с... нескольких километров ты выберешь себе точку, к которой будешь двигаться, то в пути ты эту точку потеряешь: на ней не удастся постоянно удерживать внимание. Если ты, конечно, не маньяк... Целуй — как получится.

— Ну, разве что... — частично согласился Петропавел. — Может, только *чмокнуть* с размаху — и дело с концом... Где она лежит-то хоть, эта ваша Спящая Уродина? Где-нибудь поблизости?

— О, путь к ней долог и труден! — отозвался теперь уже один Гном Небесный. — Этот путь хорошо знает только Слономоська. Но и к Слономоське путь долог и труден.

— А кто такая Слономоська? — захотел узнать Петропавел.

— Не «кто такая», а «кто такой», потому что Слономоська — это мужчина. Он представляет собой помесь Слона и Моськи, если тебе это что-нибудь говорит. — Гном Небесный вздохнул. — В пути к нему можно и погибнуть — одна Дама-с-Каменьями чего стоит!

— Редкий характер! — вмешался Бон Жуан. — Огонь!..

Петропавел заскучал.

— И что же, мне *одному* придется идти? — с тоской спросил он.

— А чего тут идти? — Пластилин Мира — младенец с честным лицом — был в своем амплуа. — Пять минут — и ты на месте!

Петропавел, демонстративно отвернувшись от него, обратился к Гному:

— Значит, иначе никак?

Тот развел руками.

— Ну, ладно, — Петропавел решил проявить стойкость духа и беспечно спросил: — Так в какую же сторону мне идти?

— Да в любую, — беспечно же ответили ему.

— Тогда — привет! — и он двинулся куда попало.

— Пойдите! — окликнули его голосом Белого Безмозглого.

Он обернулся.

— Мне хотелось бы освободить Вас от одной трудности. Скажите, сколько будет дважды два четыре?

Все заинтересованно смотрели на Петропавла.

— Дважды два... четыре? — замялся тот. — Дважды два... это четыре и будет.

— Так-то и Ежу понятно! — воскликнул Ой ли-Лукой ли и предложил: — Позвать Ежа?

Петропавел помотал головой: смышленного Ежа он уже однажды видел.

— Тогда Ваш вопрос не имеет смысла, — сказал он.

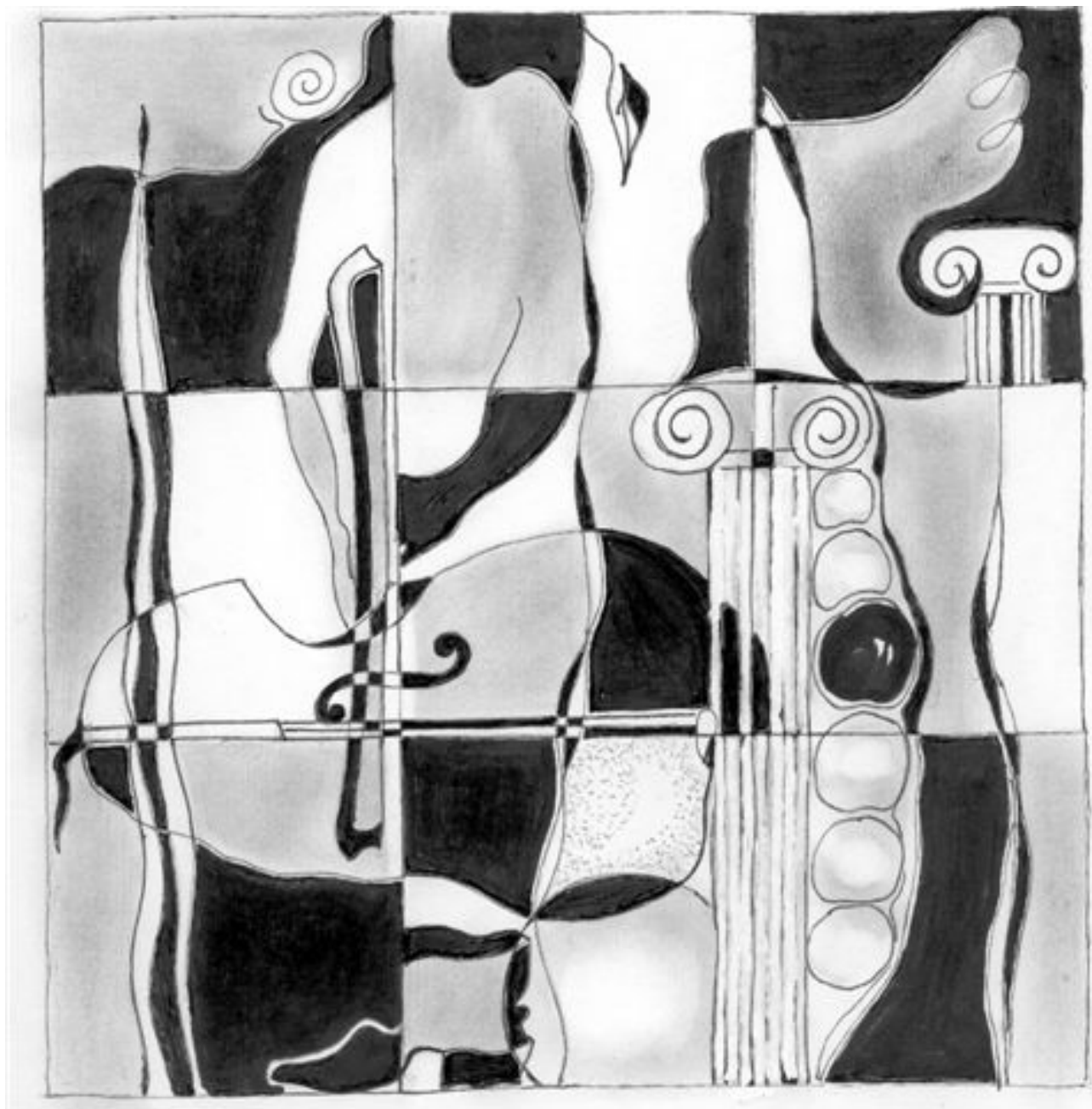
— Еще как имеет! — возразило Белое Безмозглое. — И ответ на него есть — даже несколько ответов! Например, такой... — Белое Безмозглое опасно зевнуло, но все обошлось. — Дважды два четыре — будет зеленая дудочка!

— Или колбасная палочка! — из могилы выпорхнул и, часто-часто махая маленькими сильными руками, устремился куда-то крохотный человечек.

— Или колбасная палочка, помните это! — согласилось Белое Безмозглое, а все, провожая улетающего человечка взглядами, заволновались: «Летучий Нидерландец!.. Мы же забыли его там с Шармен! Бедняга!» — По-видимому, они любили Летучего Нидерландца.

Над могилой появилась голова Шармен. Петропавел сорвался с места и пулей помчался вслед за летящим невысоко над землей Летучим Нидерландцем, чье общество все-таки устраивало его больше, чем общество Шармен. В голове под управлением колбасной палочки звучала зеленая дудочка — и что делать с ними, Петропавел не знал. А под аккомпанемент этой зеленой дудочки понеслась за ним странная песня, начатая Ой ли-Лукой ли и подхваченная всеми:

*«Спасибо нашей родине
за Спящую Уродину!..»*

Глава 8

Лото на лету

Как ни странно, *бегущему* Петропавлу удалось догнать *Летучего* Нидерландца без особого напряжения: летел тот с такой же скоростью, с какой люди обычно ходят, и, кстати сказать, на очень небольшой высоте, а именно — на высоте роста Петропавла.

Оценив эти достоинства полета *Летучего* Нидерландца так, как они того заслуживали, Петропавел разрешил себе задать вопрос вслух:

— Простите, если Вы летаете на *такой* высоте и с *такой* скоростью, то зачем Вы вообще летаете?

Летучий Нидерландец остановился, некоторое время повисел без движения, неторопливо рассмотрел Петропавла и неточно процитировал:

— Рожденный ползать — понять не может.

Цитата, хоть и неточная, обидела Петропавла. Он сразу же замкнулся и долго брел замкнутым. *Летучий* же Нидерландец, насупившись, летел рядом. Петропавел ускорил шаг, а *Летучий* Нидерландец — полет, Петропавел замедлил шаг, *Летучий* Нидерландец — полет.

— Перестаньте меня преследовать, — строго сказал Петропавел.

— К сожалению, мы движемся в *одном* направлении, и, к еще большему сожалению, нам *одновременно* приходят *одни и те же* мысли, — запальчиво возразил *Летучий* Нидерландец. — Я не приглашал Вас в спутники. Это Вы догнали меня и навязали мне неприятный разговор.

— Я рассчитывал, что он будет приятным, — не солгал Петропавел.

— Приятные разговоры с таких хамских вопросов не начинаются, — поделился опытом *Летучий* Нидерландец. — Хамить тоже надо уметь, — тут он подумал и привел пример: — Ваще Бессмертный — вот кто умеет хамить! Впрочем, Вы сами услышите... Он недалеко живет — в ХАМСКОЙ ОБИТЕЛИ.

— В ХАМСКОЙ ОБИТЕЛИ? Простите, *кто* бессмертный?

— *Ваще* Бессмертный, что значит — кто? — не понял *Летучий* Нидерландец.

— Он — Кощей?

— Он — мой *друг*, — противопоставил понятия *Летучий* Нидерландец.

— Одно другому не мешает, — растерялся Петропавел.

— Мешает! — *Летучий* Нидерландец отвернул от Петропавла голову и полетел так. Спустя некоторое время он проворчал: — Хочу — и летаю, стар уже — отчитываться!

— Извините, я не думал Вас обидеть... — Петропавел наконец понял, что задел *Летучего* Нидерландца за живое.

— А знаете ли Вы, — охотно заорал тот, — что это такое — когда душа в небо *просится*?

— Догадываюсь...

— А догадываешься — так лети рядом со мной! — приказал Летучий Нидерландец, по-родственному перейдя на «ты».

Петропавел усмехнулся, подумав о Ньютоне.

— Чего ты ждешь? — торопил Летучий Нидерландец. — Лети давай!

— Я не знаю, как... как *начать*...

— Так и начни: упади вперед и маши руками, только сильнее, а то разобьешься. Ну?.. Запустить тебя? — И Летучий Нидерландец отвесил Петропавлу такого подзатыльника, что тот действительно упал вперед. В эту же самую секунду Летучий Нидерландец крикнул ему в ухо: — Руками маши, чтоб тебя!..

...Ощущение полета было ни с чем не сравнимым. Петропавел летел на высоте сантиметров тридцати от поверхности земли: луговые травы тихонько хлестали его по лицу. Несмотря на то, что приходилось затрачивать на полет колоссальные усилия, он испытывал настоящее блаженство. Движение было неровным и плохо координированным. Летучий Нидерландец — почему-то то с одного, то с другого бока — командовал что твой физрук:

— Спокойнее, спокойнее: вдох — вы-ы-ыдох, вдох — вы-ы-ыдох!

Когда руки совсем онемели, Петропавел мешком упал в траву и выразил свое теперешнее мироощущение сложно: он завыл, как зверь, и заплакал, как дитя. Расстрогался и Летучий Нидерландец, уронив поблизости от Петропавла одну светлую слезу и хрипло сказав:

— Неплохо. Поначалу *даже* я ниже летал.

«Хороший он все-таки мужик!» — подумал Петропавел и хотел было произнести это вслух, но не успел: его ослабленный организм нахально потребовал сна. А выполнив требование организма, Петропавел уже не увидел над собой Летучего Нидерландца. И — испугался: не исчезла ли вместе с Летучим Нидерландцем и способность летать? Чтобы проверить это, он вскочил с належающего места и упал вперед, сильно-сильно замахав руками... Полет — продолжался!

Конечно, это был не в полном смысле слова полет: если бы Петропавел просто шел на своих двоих, он бы и то передвигался быстрее. Но не в скорости было дело и даже не в высоте... *Ощущение* полета — вот что составляло смысл мучительного этого перемещения. «Я орел!» — гордо подумал Петропавел, но тут со всего размаху неожиданно врезался в дверь откуда-то взявшегося на его пути дома.

От удара головой дверь не открылась, зато все строение значительно подалось вперед. Петропавел, конечно же, не мог заметить этого: он без чувств лежал у порога. Однако обитательница дома, кажется, заметила; она распахнула дверь, которая открывалась наружу, и возмущенно воскликнула:

— Милостивый государь, чайник бы свой пожалели!

Петропавел очнулся, но, увидев хозяйку, чуть было снова не лишился чувств. Она состояла из двух *четко отграниченных* друг от друга половин — левой и, естественно, правой, — причем, по всей вероятности, половины эти принадлежали раньше двум *разным* людям. Левая сторона была, несомненно, заимствована у красавицы: золотые кудряшки, трогательный серый глазок с длинными пушистыми ресницами, половинка изящного носика и пунцовых губок безупречного рисунка, половина подбородка с половинкой ямочки, половинка точеной шеи, обольстительное плечико, прекрасные линии руки, талии, бедра, стройная ножка — во все это можно было бы без памяти влюбиться, если бы не правая сторона. Всклокоченные белобрысые патлы нависали над косеньким глазом, дальше следовали половина приплюснутого и, видимо, перебитого в бою носа, уголок толстых брюзгливых губ, шея в складках, свисающих с подбородка, могучее мужское плечо... ну, и так далее, до земли. Вертикальный шов на платье соединял кружевной сарафанчик с грубошерстным салопом, левая ножка

была обута в серебряную туфельку, правая нога — в черный резиновый ботик. Обувь изобличала вопиющее несоответствие размеров...

Увидев Петропавла, хозяйка тоже сильно удивилась и тотчас принесла странные извинения:

— Простите великодушно: я думала, это Тупой Рыцарь, от которого я уже припухла!

Все вместе — и дикое несоответствие частей, и странный лексический контраст, не говоря уже о голосе, невероятным образом совмещавшем в себе разные регистры, — настолько ошарашило Петропавла, что тот не только не извинился, но и не поздоровался.

— Смежная Королева, — очаровательно противно улыбнулась хозяйка и, опять не дождавшись ответа, предложила: — Входите, пожалуйста, или уж тогда гребите отсюда!

Петропавел не смог выбрать ничего из предложенного и остался сидеть на земле.

— Вы лишились рассудка или просто прилично долбанулись? А может, Вы да-тый? — осведомилась Смежная Королева.

Потрогав голову, Петропавел встал и поклонился: это было все, на что он оказался способен. Смежная Королева по-разному пожала двумя плечами и вернулась в дом. Петропавел, как замороженный, последовал за ней. Стоило ему только закрыть за собой дверь, он ощутил легкий толчок, словно дом отделился от земли. Так оно и было: в единственной, правда, довольно обширной комнате начался сильный сквозняк, поскольку вдоль всех четырех стен было вырублено немислимое количество дверных проемов при полном отсутствии дверей — кроме той, через которую они вошли. Создавалось впечатление, что ты в беседке, открытой всем ветрам. «Как бы не выпасть отсюда!» — озаботился Петропавел, не зная, куда приткнуться понадежнее. Однако из мебели в комнате был только огромный, красного дерева трон: он стоял посередине. На него села Смежная Королева, повесив себе на грудь простенькую, но любовно сделанную табличку с надписью «Смежная Королева» и пояснив:

— Это бейджик.

Петропавел кивнул.

— Могу ли я предложить Вам лечь на пол? — любезно спросила хозяйка и добавила: — А то дрейфить будете. Вы ведь стремщик, наверное?

Дом сильно накренился — и Петропавел нехотя лег на пол.

— А Вы всегда так — автостопом? — Смежная Королева подождала ответа, сколько смогла, потом рассердилась: — Я не постигаю, что Вы за пассажир! Колитесь, наконец — или язык проглотили?!

Петропавел помотал головой и спросил невпопад:

— Почему Вы все время сквернословите?

— Сквернословлю? — удивилась она. — Во-первых, жаргон — не сквернословие. А во-вторых, то, что сегодня считается жаргонным словечком... или даже нецензурным, завтра может стать салонным выражением.

— Мне к Слономоське надо — а мы куда летим? — буркнул Петропавел.

— Ну вот, сразу с расспросами наезжает!.. — разочаровалась Смежная Королева. — Мне, в сущности, до фени, куда мы летим. Все равно *сейчас* Вам едва ли удастся сойти.

Петропавел вздохнул и, глядя на дверные проемы, поинтересовался:

— Что это у Вас тут все так *распахнуто*?

— Видите ли, это смежная комната — я сама балдею!

— Смежная — с чем?

— Не Ваше собачье дело, с Вашего позволения. — Она отвратительно мило подмигнула и снизошла: — Смежная — со всем миром! С первого раза не врубишься, но это кайф! — Смежная Королева прищурила левый глаз: — Но Вы, может быть, вообще не любите идею смежности? Или просто пока не въехали?

— Не въехал, — блеснул Петропавел. — Смежности, простите, чего — чему?

— Смежности, позвольте, всего — всему! Это в высшей степени соблазнительная идея — смежность, я от нее тащусь по всей длине!

Стилистические перепады в речи собеседницы, богатейшая мимика и пластика двух, казалось, не связанных друг с другом сторон не давали возможности сосредоточиться.

— Тут фишка в том, — продолжала Смежная Королева, — что сама я — олицетворение смежности. Я есть переход от сущего к должному... Или наоборот. У Тупого Рыцаря, это мой кавалер, просто шифер ползет при виде меня. Я иногда такие корки мочу!.. Вот почему, даже задумав исчерпать меня *всю*, он меня *всю* не исчерпает. И *Вы* не исчерпаете, — предупредила она. — Слабо Вам... шланг!

— Но я не собираюсь исчерпывать Вас *всю*!

— Это офигительно огорчительно... — безо всякой последовательности заметила собеседница. — А вот... чем я, по-вашему, владею как Смежная Королева?

Петропавел испугался ответственности и промолчал, а дама заключила:

— В общем-то, Вы — чмошник. Вас даже жалко.

Петропавел не знал, что такое «чмошник», но сердито сказал:

— Ну, это уж ни в какие ворота!..

— Обиделись? Отпа-а-ад! Я же не хотела Вас этим обидеть!

— Интересно, а что *этим* еще можно было сделать? Не польстить же мне!

— Ну, Вы загнули — польстить! Просто — констатировать факт. Вы ведь не будете возбужать, если я позволю себе заметить, что Вы брюнет?

— Не буду, конечно, — Петропавел галантно поклонился. — *Особенно* если учесть, что я блондин.

— Ой, блонд!.. *Голдовый!* — Смежная Королева прижала руки к груди. — Но это все неважно. Смежность — вот что действительно важно. Нет ничего более клевого в мире, чем смежность. Но Вы — как Тупой Рыцарь: ему тоже не катит, когда я высказываюсь о смежности. — Она заскучала и короткопалой правой рукой потрогала симпатичный золотой локон за левым ушком. — Вы вот не понимаете, чем я владею. А я *ничем* не владею! Класс? Мне это в лом — владеть. Я отличаюсь от Королевы Англии тем, что у меня *нету* Англии! — и она тошнотворно заразительно рассмеялась.

— Почему же тогда Вы *вообще* считаетесь Королевой?

— Вы, почтеннейший, уже достали меня своим занудством!.. Весь балдеж именно в том, чтобы пребывать на границе, когда в поле твоего зрения — сразу обе стороны: два государства, две идеи, а образ, который при этом создается в воображении, — один! — и это образ границы. — Должно быть, не увидев на лице Петропавла энтузиазма, Смежная Королева оборвала себя: — Ладно, довольно ля-ля! Не соблаговолите ли Вы составить мне партию в лото?

Петропавлу пришлось соблаговолить. Тогда Смежная Королева, соблюдая всяческие предосторожности, сползла с трона и тоже легла на пол. Потом приподняла крышку люка и вынула детское лото. Петропавлу досталась картонка, на которой были нарисованы музыкальные инструменты. Смежной Королеве — картонка с изображениями овощей и фруктов. Он уже забыл, когда в последний раз играл в эту игру — во всяком случае, *теперь* она была ему совершенно не интересна.

Внезапно Смежная Королева осведомилась:

— Вас тут у меня не вырвет? У некоторых это от высоты бывает...

— Не беспокойтесь обо мне, — пресек заботу Петропавел.

— А то возьмите целлофановый пакет. — Она с опаской поглядела на него. — Что-то вид у Вас — атас полный!..

— Ничего, играем! — браво выступил Петропавел, и они принялись играть.

— Барабан! — объявила Смежная Королева, доставая из полотняного мешочка первую карточку.

— У меня! — обрадовался Петропавел, но, не обращая на него внимания, Смежная Королева положила барабан на свою картонку — в квадрат с изображением *арбуза*.

Петропавел сказал:

— Вы ошиблись. Барабан — это не овощ.

— Без Вас скользко! — огрызнулась Смежная Королева и достала вторую карточку: — Флейта!

— Мое! — мрачно заявил Петропавел.

— Перебьетесь, если не возражаете, — и Смежная Королева положила карточку с флейтой на квадрат, в котором был нарисован *гороховый стручок*. — У меня уже два квадрата заполнено, я выигрываю! А у Вас — голяк. Улетная игра!

— Это нечестно, — сказал Петропавел. — Вы положили флейту на горох.

— А Вас это почему, миллиардон, так колышет?.. Дать Вам в репу? — и она тут же сильно ударила Петропавла по голове полотняным мешочком с карточками. По весу это был мешочек с дробью.

Петропавел чуть не вылетел в открытое небо. Он оторопело смотрел на бессовестную партнершу, мысленно прощаясь с последними представлениями о том, как играют в лото.

— Ну, что Вы уставились, как баран Мюнхгаузен?.. Разрешите предложить Вам продолжить нашу увлекательную игру.

— Я не играю больше, — отклонил предложение Петропавел. — Это игра против правил.

Смежная Королева взглянула на него обворожительно косо:

— Я могла бы попросить Вас заткнуться и не знобить?.. Виолончель! — удар полотняным мешочком повторился, и Смежная Королева захлопала в ладоши: — Смотрите, опять в кассу! — она положила карточку с виолончелью на изображение *груши*.

У Петропавла все плыло перед глазами, и он — скорее, машинально — прошептал сквозь слезы: «*Моя виолончель...*»

— Потрясно все сходится! — Смежная Королева не услышала шепота. — А у Вас опять облом. Пойдите-ка... почему Вы за меня не радуетесь? Может быть, Вы *завистник*?

Петропавел, прикрыв голову руками, с отчаянием воскликнул:

— Вы что — чокнутая?!

— Любезнейший, фильтруйте базар! Перед Вами все-таки Королева!..

— ...которая не способна отличить овощ от музыкального инструмента! Сначала разберитесь с Вашей картиной мира, а потом ложитесь играть! — Он схватил с картонки Смежной Королевы карточку с виолончелью.

— Отвяньте, умоляю Вас! — завизжала партнерша, отнимая у него карточку, и ни с того ни с сего принялась яростно лягаться, норовя отпихнуть Петропавла к ближайшему дверному проему. — Вам в крейзу пора! Только попробуйте поднять на меня руку или ногу! — приговаривала она, толкая Петропавла сильной своей ступней. — Я пользуюсь правом неприкосновенности!

Пока Петропавел поспешно соображал, сможет он лететь на такой высоте или упадет и разобьется, Смежная Королева внезапно сникла и устало произнесла:

— Кончаем кипеж... Вы не творческий человек — Вы нормальный упитанный середняк, который так же разбирается в смежности, как свинья в мокалинах. Мне

крайне прискорбно, что Вы такое фуфло... — Она вынула из мешочка следующую карточку. — Здесь бубен. Нате, положите его на *бубен* и испытайте радость идиота, знающего, что такое бубен. — Она вздохнула. — Надо же так скозлиться за какие-то десять минут!

Петропавел демонстративно и мстительно положил бубен на бубен.

— Надеюсь, Вы удовлетворены? — спросила Смежная Королева. — И что же, Вы в состоянии забалдеть от такой игры? Возьмите тогда весь мешочек и наяривайте в одиночестве. Вы какой-то совершенно завернутый...

— У каждой игры есть свои правила, — сухо напомнил Петропавел, принимая мешочек. — Дыня. Это, наконец, Ваше. Берите.

— Правила создаются по ходу игры, — возразила Смежная Королева. — А дыню положите себе на бестолковку. — Хорошеньким пальчиком левой руки она постучала Петропавлу по лбу, потом отползла к трону и воссела на него. — Я наигралась. Вы зашибенный партнер. Было прикольно до смерти.

— Не понимаю, чем Вы недовольны. — Петропавел из последних сил держал себя в руках. — Каждому ясно, что барабан, флейта и виолончель — музыкальные инструменты, а груша — фрукт...

— Юноша! — в голосе Смежной Королевы прозвучала неизбывная скука. — *Никогда* не следует держаться того, что *каждому* ясно. Нет никакого кайфа в том, чтобы повторять общепонятное. И интересно не то, что сечет каждый, а то, что сечешь ты один. — Она усмехнулась. — Кажется, мне везет... *Еще один* Тупой Рыцарь.

Тут со Смежной Королевой произошло нечто странное: правый глаз ее закрылся, правая рука безжизненно повисла на подлокотнике трона — и вся правая половина уснула под мерные теперь покачивания летящего дома. Но левая половина бодрствовала — и речь не прерывалась: она только выровнялась, лишившись элементов жаргона.

— Вы из породы тех, кто постоянно требует: «Давайте называть вещи своими именами!» При этом они уверены, что именно им дано знать подлинные имена вещей, хотя так же, как и другие, называют вещи невольно. Но от других они отличаются тем, что всегда убеждены в своей правоте и в своем праве называть вещи так, а не иначе. Не дай Бог кому-нибудь в их присутствии уподобить барабан арбузу, флейту — гороховому стручку, а виолончель — груше. Тут же восстановят справедливость!.. И если даже вы сыграете для них на флейте горохового стручка какую-нибудь сонату ми-минор, они с пеной у рта станут доказывать, что гороховый стручок — *не музыкальный инструмент*. Такие люди всегда губили художников...

— Я не губил художников! — с негодованием воскликнул Петропавел.

— Допускаю, — откликнулась Смежная Королева, — что *пока* Вы их действительно не губили. Все впереди. Дерзайте! Вы ведь правдоборец и за правду не пожалеете живота своего, даже не допуская мысли о том, что Ваша собственная правда — это еще *не вся* правда, не правда *всех* людей на земле, хотя, быть может, и правда *большинства*.

— Меньшинство должно подчиняться большинству! — на автомате выдохнул Петропавел и — испугался себя.

А Смежная Королева рассмеялась:

— О, дорогой мой, не во всем, не во всем... Большинству не приходят в голову гениальные идеи, но оно охотно пользуется гениальными идеями единиц. А ведь что такое, по существу, любая гениальная идея? Любая гениальная идея — только новая аналогия, новый тип смежности, когда два очень далеких явления вдруг оказываются рядом, в то время как об их родстве никто из живущих не подозревал. Но вот человек указал на это родство — и оно тотчас же стало очевидным для всех. Впрочем, может

быть, и не тотчас же... — уж как повезет! Это еще и от нас зависит: насколько легко наше воображение может перенести нас с травинки на облако.

— При чем тут травинка и облако? — проворчал Петропавел.

— Просто еще одна аналогия. Предположим, воображение наше привыкло двигаться так: с травинки на цветок, с цветка на кустик, с кустика на дерево, с дерева на облако. Но чье-то воображение вспорхнуло с травинки на облако — *сразу*, вдруг осознав нечаянную их близость. Так вот, пока есть такие люди, пока подобные Вам еще не погубили их, я буду у них Королевой — даже несмотря на то, что здесь, на земле, у меня и места-то нет, где бы я могла собрать их всех: я ведь не владею ничем! — Смежная Королева очень грустно рассмеялась, а потом добавила: — Сейчас Ваша остановка. Хотите сделать финт ушами?

При появлении в речи «финта ушами» Петропавел понял, что правая половина Смежной Королевы пробуждается. Не успев никак отнестись к этому, поскольку дом стукнулся об землю, он действительно сделал финт ушами — от сильного толчка вылетев в один из дверных проемов, сопровождаемый восклицанием: «Рисуйте ноги, друг мой!»

Он отлетел на такое далекое расстояние, что дом Смежной Королевы исчез из поля его зрения.

Глава 9

По ту сторону понимания

Итак, дом Смежной Королевы исчез из поля его зрения, но *в тот же миг* это поле погрузилось в полную тьму, как будто кто-то огромный заслонил солнце. «Спящая Уродина проснулась сама!» — ужаснулся Петропавел, живо представив себе страшные последствия такого пробуждения.

Через некоторое время туча сфокусировалась в подобие облика — и вот уже перед Петропавлом *вверх ногами* предстало еще одно в высшей степени странно одетое существо.

— Тридевятая Цаца, — представилось существо и тут же спросило: — Почему Вы стоите *вниз головой*?

Уже от одного этого вопроса все поплыло перед глазами Петропавла, и он едва удержался на ногах.

— Чтобы нам было удобнее разговаривать, я тоже стану вверх ногами, — Тридевятая Цаца любезно перевернулась в воздухе. — Ну, как я Вам? — любуясь произведенным впечатлением, спросила она.

— Потрясающе! — честно восхитился Петропавел.

Он и на самом деле в жизни не видел ничего подобного. Тридевятая Цаца оказалась довольно высокой, одетой в серый мужской костюм английского сукна поверх, по-видимому, бального платья. Бусы из огромных ракушек почти закрывали грудь. Голову украшала шляпа сомбреро со страусовыми перьями, а ноги были босы. Все вместе выглядело не столько нелепо, сколько как-то грандиозно. Причем лица разглядеть не удавалось: попробуйте-ка на таком фоне!

— А зачем Вам все это? — поинтересовался Петропавел с уважением.

— Вы о моей одежде? Многие интересуются. — Тридевятая Цаца горделиво приосанилась. — Но ведь *каждый* должен быть во что-то одет.

— Конечно! — С этим Петропавел от всей души согласился. — Странно только, что костюм надет у Вас на платье...

— Странно, — откликнулась Тридевятая Цаца. — Я *вообще* странная. Поговорите со мной — тоже будете странным!

— Зачем? — Петропавел не понял прелести перспективы.

— Да так! — беспечно ответила Тридевятая Цаца и тут же спросила: — Странно, что я так ответила?

— Очень! — признался Петропавел.

Тридевятая Цаца улыбнулась и расплакалась. Петропавел смутился.

— Не надо, — жалобно сказал он. — Зачем Вы так... это лишнее.

— Ой, я такая странная! — напомнила она и хрюкнула. — А знаете ли Вы, что я и вообще-то — оптический обман?

— Что Вы имеете в виду?

— Ах, да ничего! — рассмеялась Тридевятая Цаца. — Странно, правда?.. Признаюсь Вам, что в данный момент я нахожусь от Вас за тридевять земель. Это *очень* далеко, — серьезно уточнила она.

— Но Вы же тут! — уличил ее Петропавел.

— Да ничего подобного! Если бы я была тут, Вы бы вообще меня не увидели. Дело в том, что у меня есть одна страсть — уменьшаться по мере приближения и наоборот... Я люблю нарушать законы перспективы. Судя по тому, что сейчас я Вашего роста, я где-то *не совсем* вблизи. Впрочем, Вы можете потрогать меня... или опустить в ведро с керосином: уверяю Вас, Вы ничего не почувствуете. Как и я.

Петропавел, проигнорировав второе предложение, ткнул пальцем в плечо Тридевятой Цацы. Та ойкнула.

— Вы же сами предложили мне потрогать Вас, — оправдался он.

— Ах да!.. Как странно: я все забыла о себе! Я ведь не только оптический обман — я еще и тактильный обман... ну, то есть обман осязания. Кроме того, я — обман обоняния. Например, тут — у себя *за тридевять земель* — я надушена очень крепкими духами. Но Вы же там этого не чувствуете?

— Чувствую — и еще как! — Петропавел поморщился, определив, наконец, источник тошнотворно сладкого запаха.

— Да?.. Ну, пусть. А впрочем... я же опять все перепутала! Именно сегодня я *не надушена* никакими духами, а Вы их чувствуете! Это и есть обман обоняния.

— Вы *меня* запутали совсем, — утрюмо сказал Петропавел. — Вообще-то Вы существуете?

— Я существую. Но я с этим не согласна. Мур-р-р... Ведь я не дана в чувственном опыте. Наоборот, я — обман чувств. Вы знакомы со Смежной Королевой? Что Вы о ней скажете?

— О ней ничего определенного не скажешь! — усмехнулся Петропавел.

— Это потому, что Вы, наверное, смотрели *то* на одну, *то* на другую ее половину, а так оно сбивает... На самом деле, она ничем не отличается от прочих — по внешности, я имею в виду: заурядная, в общем-то, внешность. Но это в сущности. А Вы, должно быть, не умеете видеть *сущности* — и видите две половины... Значит, Вам будет трудно со мной: я ведь вся не такая, какой кажусь в реальном мире. — И Тридевятая Цаца кокетливо улыбнулась, умудрившись при этом так и не показать лица. — Собственно говоря, меня нет в реальном мире: я нахожусь в возможном мире. Или где-то еще... Смежная Королева — та все-таки пограничное явление, а я... я вообще за границей понимания — адекватного понимания, имею в виду.

— Вы — галлюцинация? — Петропавлу показалось, что он раскусил Тридевятую Цацу.

— Фи! — поморщилась она. — «Галлюцинация»!.. Я — обман чувств, говорю же! Скорее уж иллюзия, чем галлюцинация.

— Не вижу разницы, — отрубил Петропавел.

— *Ни одной?* — ужаснулась Тридевятая Цаца. — Галлюцинация и иллюзия — это даже *две* разницы, причем большие! При галлюцинациях объекта *нет* в действительности. А при иллюзиях объект *есть* — вот он! — Цаца опять приосанилась. — Но воспринимается он ложно. Как я, — скромно добавила она, должно быть, во избежание дальнейших недоразумений. — Впрочем, меня необязательно считать и иллюзией. Меня можно считать кофемолкой или Эйфелевой башней... А? Как я Вам — в качестве кофемолки?

— Не очень, — честно ответил Петропавел.

— Ну и зря, — огорчилась Тридевятая Цаца. — Увидеть во мне кофемолку Вам мешает знание языка. Забудьте язык, которым Вы пользуетесь, — и тогда Вам будет

удивительно легко считать кофемолкой *меня*... А давайте поиграем: в дальнейшем мы с Вами вместо «да» станем *все время* говорить «нет», ладно?

— Но на каком основании? — захотел ясности Петропавел.

— Да ни на каком! — возбудилась Тридевятая Цаца. — Можно подумать, будто Вам понятно, *на каком основании* «да» означает согласие, а «нет» — несогласие. Само по себе слово ни к чему не отсылает определенному: это только люди соотносят слова со всем, с чем им заблагорассудится. Стало быть, Вам ничто не мешает соотнести «да» с несогласием, «нет» — с согласием, а меня — с кофемолкой. Или с Эйфелевой башней, как Вам больше нравится.

— Мне никак не нравится. И потом, существуют обычаи! — сказал Петропавел голосом капризной старухи.

— Ах, я не придерживаюсь обычаев, я такая странная!.. Между прочим, значения слов со временем искажаются сами по себе — я только немножко ускоряю этот процесс, помогая словам. А Вы говорите по привычке, хотя привычка — это всего-навсего умение неправильно объяснять новые явления старыми причинами... Впрочем, не хотите играть в «да» и «нет» — не надо! — она смерила Петропавла точным взглядом и резюмировала: — Просто Вы — крепдешин.

— Давайте лучше обсудим, правильно ли я иду к Слономоське, — неестественно бодро предложил Петропавел.

— Путь к Слономоське обсуждать нечего: *все* пути ведут к Слономоське. А Вы сейчас сдадите мне экзамен на Аттестат Странности.

— С какой стати? — вознегодовал Петропавел.

— Да ни с какой! Напрасно Вы ищете для всего логические объяснения. Поступки ведь могут иметь не только логические причины, но, скажем, еще и чисто психологические или даже невропатические... Отвечайте на мои вопросы. Если разговор Вам неприятен, что нужно сделать?

— Прекратить его!

— Двойка! — Тридевятая Цаца хихикнула. — *Правильный* ответ: если разговор неприятен, его надо продолжать до бесконечности.

— Зачем? — Петропавел действительно захотел это понять, но Тридевятая Цаца только пожала плечами и задала второй вопрос:

— Если человек толстый, какое прозвище ему лучше всего дать?

— Пончик, — сказал Петропавел все, что знал об этом.

— Опять двойка! *Правильный* ответ: если человек толстый, больше всего ему подходит прозвище «На всякого мудреца довольно простоты»!

— Это не прозвище, а пословица...

— Неважно! — возразила Тридевятая Цаца. — Третий вопрос: если Вам холодно, что следует предпринять?

— Одеться потеплее, — уже безо всякой надежды отвечал Петропавел.

— И снова двойка! *Правильный* ответ: если Вам холодно, следует сойти с ума.

— Разве от этого станет теплее?

— Кто знает... — зевнула Тридевятая Цаца. Потом она долго-долго смотрела на Петропавла и вдруг покачала головой: — Ну, Вы недале-е-кий! Видела я недалеких, сама не слишком далекая — всего каких-то тридевять земель, но Вы уж *такой* недалекий... И я, хоть зарежьте меня, *никогда* не выдам Вам Аттестата Странности.

— Да пропади он пропадом, Ваш Аттестат Странности! — Петропавел просто вышел из себя. — Я и аттестатом зрелости обойдусь!

— Так я и думала! — развела руками Тридевятая Цаца. — Едва лишь увидев Вас, я решила: *этот* обойдется аттестатом зрелости. Стало быть, милый мой... что же Вам сказать? *Никогда* не читайте книг! Дальняя смысловая перспектива для Вас закрыта навеки. Вы на всю жизнь обречены воспринимать только буквы — одни буквы, и ни-

чего больше. То, что кажется маленьким, для Вас так и останется маленьким навсегда. А то, о чем вообще умалчивают, Вам и вовсе недоступно. Потому-то Вы, наверное, и ходите вверх ногами... Странно я закончила, правда? Ах, да, Вы ведь *не можете* этого оценить! — Тридевятая Цаца перевернулась в воздухе и отодвинулась на полшага. — Хотите на прощанье еще одну странность? Я скажу Вам то, чего Вы не поймете, маленький Вы человечек! Большой Смысл, Главный Смысл — всегда очень далек. А Здравый Смысл всегда очень близок. Привет!

И она зашагала, видимо, вдаль, все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах, пока не заслонила небо. Сделалось темно и жутко.

Петропавел развернулся и побрел в сторону: иметь дело с Тридевятой Цацей — близкой ли, далекой ли — ему больше не хотелось.

А когда тьма рассеялась, прямо перед глазами его обозначилась дверь, на которой размашистыми буквами было написано: «ХАМСКАЯ ОБИТЕЛЬ». Он толкнул дверь и чуть не наткнулся на стоявшего за ней человека — не то старообразного юношу, не то молодежового старика.

— Ваще Бессмертный, чтоб я сдох, — представился тот, нагрубив, как показалось Петропавлу, *самому себе*, и без остановки продолжал: — Сейчас я буду тебя учить. Урок первый...

— По какому предмету? — вмешался Петропавел в неестественный ход событий.

— Ни по какому. Это урок *ваще*.

— Не бывает уроков «ваще» — бывают уроки по каким-нибудь предметам! — огрызнулся Петропавел: ему не понравилась сама идея.

— Слушай, кто тут учитель — ты или я? — сразу заорал хозяин ХАМСКОЙ ОБИТЕЛИ.

— Этого пока никто не определял.

Ваще Бессмертный извинился за упущение и определил:

— Учитель тут я, а не ты. Внимай моим словам.

— Очень надо! — Петропавел насутился.

— Если ты пришел *взаимодействовать* со мной, *взаимодействуй*. Жанр приказа предполагает подчинение. Все прочие реакции неуместны.

— Но кто сказал, что Вы вообще... *ваще* имеете право мне приказывать? Насчет этого нет никаких указаний! — ерепенился Петропавел.

— Сейчас ты их получишь, — заверил его Ваще Бессмертный и подошел к старомодному буфету. Он достал оттуда какой-то кулек, вынул из него небольшую часть содержимого, приблизился к Петропавлу и больно схватил за ухо. Тот вскрикнул, а Ваще Бессмертный, ловко воспользовавшись моментом, сунул ему в рот то, что извлек из кулька. Речевой аппарат Петропавла мгновенно вышел из строя.

— Вяленая дыня, — пояснил Ваще Бессмертный. — Восточная слабость. Отсюда и первое указание: молчать!

Этого указания Петропавлу уже не требовалось: склеилось все, что было во рту.

— Указание второе: за мной! — и, схватив железными пальцами Петропавла за руку, Ваще Бессмертный потянул его в другую комнату, оказавшуюся ванной. «Какие они тут все сильные...» — по дороге думал уже привыкший никому не сопротивляться Петропавел.

Ваще Бессмертный бросил Петропавла в ванну и навис над ним, как судьба.

— Указание третье: слушай, что я говорю, ибо я — твой учитель. Я буду учить тебя *всею ваще*, поскольку, как мне показалось, ты *ваще ничего* не знаешь. Стало быть, надо начинать с азов... Азовское море! — с воодушевлением заорал он и пустил воду. — Резвая птица долетит до его середины!

Петропавел брыкался, но Ваще Бессмертный крепко прижимал его ко дну ванны, самым подробным образом рассказывая об Азовском море (площадь — 39 тысяч квадратных километров, самое глубокое место — 15 метров). Последняя цифра удивила Петропавла, и он выразил удивление бровями. Не обратив на это внимания, Ваще Бессмертный рассказывал дальше — и было *ваще непонятно*, для чего он все это затеял. Петропавел сильно заерзал, когда вода полилась ему в рот и в уши, но тут же получил довольно энергическую затрещину. Он не сообразил, что Ваще Бессмертный хотел этим сказать, потому что уже утонул. Впрочем, утонув, он не умер, а продолжал жить и, что самое страшное, *слышать* повествование Ваще Бессмертного. Голова работала ясно, но ничего не понимала. Зачем ему рассказывают про Азовское море? Почему вообще... *ваще* такой странный выбор: именно *Азовское*? И наконец — чего ради *так долго*?

Однако говорение не прекращалось, и утонувший Петропавел отчаялся уразуметь, к чему клонит этот Ваще Бессмертный: тихо, как подобает утопленнику, он лежал под водой.

Внезапно учитель заговорил на немецком языке, что возмутило Петропавла сверх всякой меры. Он собрался с силами и забулькал, но Ваще Бессмертный свободной рукой схватил с вешалки полотенце и под водой затянул им рот утопленника, накрепко связав концы полотенца у того на затылке. Чрезмерность насилия потрясла Петропавла.

— Так будет *еще* лучше, — по-фински произнес Ваще Бессмертный, и Петропавел даже не удивился, что не только опознал язык, но и *понял* сказанное. — Да, — хлопнул вдруг себя по лбу мучитель, — есть тут у нас одно золотое правило: *Меньше задашь вопросов — меньше получишь ответов*, — потом он странно хмыкнул и вроде бы невпопад заметил: — Меньше всего вопросов задают мертвецы: они не задают *ваще* никаких вопросов.

И на языке дружбы, понятном каждому, Ваще Бессмертный продолжил рассказ об Азовском море. Говорил он быстро, но выразительно: стонал, хохотал, выли и закатывал глаза, стоя уже по пояс в воде. Когда же вода накрыла Ваще Бессмертного с головой, а потом заполнила всю ванную комнату, он вдруг отпустил Петропавла, неожиданно потеряв к нему всякий интерес.

Петропавел принял сидячее положение и ошарашенно посмотрел на Ваще Бессмертного. Под водой тот сделался тихим, лег в раковину и загрустил оттуда. Несмотря на озлобленность, Петропавел внезапно почувствовал острую нежность к Ваще Бессмертному, в раковине напоминавшем старую улитку. Ему захотелось прижать к себе эту улитку и чем-нибудь утешить ее, но он сдержался.

— Тебе, небось, до лампочки, что я грущу? — угрюмо осведомился Ваще Бессмертный по-арабски.

Петропавел помотал головой. Тогда Ваще Бессмертный вылез из раковины, подплыл к Петропавлу и обнял его. Это очень сблизило их — и они принялись плавать и играть в воде, как две маленькие рыбки.

— Да выплюнь ты эту дыню! — возмущенно крикнул вдруг Ваще Бессмертный. — Не нравится — так что ж ты ее мусолишь во рту? Ни тебе поговорить, ни тебе посмеяться... И повязку эту свою дурацкую сними: плаваешь тут, как баба!

Петропавел с негодованием сорвал повязку и выплюнул дыню в воду. Она всплыла. Едва освободив рот, Петропавел возопил:

— Что *все это* значит?

— Азовское море? О, оно значит для меня многое...

— А для меня — ничего не значит, — отрезал Петропавел.

— Тебя и не спрашивают, — отрезал по отрезанному Ваще Бессмертный. — Как бы там ни было, ты все равно не имеешь права вынимать *мое* Азовское море из *моей* системы представлений, помещать в *твою* и *там* понимать.

— Да я вообще... *Ваще* не намерен его понимать!

— *Твои* намерения тут никого не интересуют. Тут каждого интересуют *мои* намерения. Осознай это — и все сразу станет на свои места.

Петропавел отвернулся, демонстрируя нежелание осознавать.

— Тебе нехорошо здесь? — лирически поинтересовался Ваще Бессмертный и, обидевшись на молчание Петропавла, уплыл в угол ванной. Оттуда он сказал: — Я поведаю тебе свою историю, мой юный друг.

— Прямо тут, в воде? — уточнил Петропавел.

— А чего? — невозмутимо откликнулся Ваще Бессмертный. — Тут славно, *на взморье!* — он набрал полные легкие воды и начал: — Обычно говорят: «Я родился тогда-то и тогда-то, там-то и там-то...» А я не рождался никогда и нигде. Я *всегда* тут был.

— Пожалуй, так не может быть, — не удержался Петропавел.

— Может, — уверил его Ваще Бессмертный. — Может быть по-всякому. Я точно никогда и нигде не рождался. Это и правильно, иначе как бы я мог быть *бессмертным*? Если ты помнишь, есть такой Кощей Бессмертный — так вот, он никакой не бессмертный, потому что смерть его — на конце иглы, игла — в яйце, яйцо — в утке, утка — в ларце, а ларец — на дубу. Этак каждый может сказать: я, например, бездетный, а дети мои — во дворе, а двор — около дома, а дом — в деревне, а деревня — в Крыму, а Крым — на Украине... Какой же ты бездетный, если у тебя *на Украине* дети?.. Вот я — другое дело. Я совершенно бессмертный, то есть Ваще Бессмертный, я *никогда* не умру. Следовательно, я *никогда* и не рождался.

— Следовательно, Вас нет, — неожиданно даже для себя жестоко заключил Петропавел.

— Тоже мне — открытие! — Ваще Бессмертный залег на дно. — Развернуть перед тобой концепцию иллюзорности бытия, что ли... — Он свернулся калачиком, подумал и произнес: — Не буду я ничего разворачивать. Ну, нет меня — так нет: не велика тетеря для общества! Горько другое: I have never been a child!

Сказав так, Ваще Бессмертный тут же перешел неизвестно на какой, но хорошо понятный Петропавлу *мертвый* язык:

— Поэтому я не испытал тягот и радостей детства. Моя мать никогда не кормила меня молоком: во-первых, у нее никогда не было молока, поскольку, во-вторых, ее и самой-то никогда не было. Мой отец никогда ничему меня не учил: во-первых, я и так всегда все знал, а во-вторых, никакого отца у меня тоже не было. Учителя не били меня: по причине их отсутствия я бил себя сам смертным боем. Это очень упрощало жизнь... Я часто думаю: будь я *Ваще Смертный* — я бы и хоронил себя сам. Тогда это упростило бы и смерть. К счастью, смерть мне упрощать незачем... Вот так случилось, что я *ваще* все знаю — потому-то ко мне и надо относиться как к *учителю Ваще всего*. Правда, я еще *ваще* никогда никого ничему не учил. Ты — мой первый блин. А первый блин, как говорится, всегда курам насмерть... ты уж извини, если что не так.

— Нет-нет, все нормально! — поспешил успокоить его Петропавел, но Ваще Бессмертный вдруг зашмыгал носом и ни с того ни с сего зарыдал.

— Что с Вами? — Петропавел чуть не всплыл от неожиданности.

— О-о-о, *это слово!* — запричитал Ваще Бессмертный. — У меня с ним столько связано!.. Картины прошлого встают перед глазами... Все-таки чертовски неудобно рыдать в воде! — отвлекся он, но тут же зарыдал дальше с утроенной энергией. — Зачем, зачем ты произнес *это слово* при мне!

— Простите... — сконфузился Петропавел, — но какое *именно* слово Вас так расстроило?

— Слово «нормально»! — белугой взревел Ваще Бессмертный. — Боже, сколько раз я слышал его!

— Честно говоря, не понимаю, почему такое *простое* слово, как «нормально»...

— Не повторяй его, о бездушный! — взвыл Ваще Бессмертный. — Тебе и не понять, до какой степени чутким к звучащему слову может быть живой организм, какие глубины способно всколыхнуть оно в нем! Ты ведь не прожил моей жизни, а берешься судить о том, что значит *для меня* то или иное слово... Ах, оставь, оставь мне хотя бы это право: у меня же, кроме него, ничего нет! Меня и самого-то, как видишь, нет!

— А я — есть? — осторожно спросил Петропавел.

— На твоём месте, — прекратив рыдать, неожиданно сухо сказал Ваще Бессмертный, — я бы из одного почтения к себе... то есть, ко мне! — не задавал этого вопроса. Неловко как-то получается: *меня*, такой глыбы, — нет, а *ты*, такая моль, — хочешь быть! — Тут он приблизил свое неопределенное лицо к лицу Петропавла и очень серьезно произнес: — Ты *есть*. И то, что ты есть, накладывает на тебя очень большие обязательства по отношению к нам — *тем, кого нет*... Но, кажется, начинается шторм...

Петропавел посмотрел вверх: потолка ванной комнаты уже действительно не было видно; тускло мерцала лампочка, мотаясь в разные стороны.

— Сколько бедных рыбаков погибнет сегодня! — горестно вздохнул Ваще Бессмертный. — Да и ты, наверное, погибнешь: ты ведь смертен?

— До нас шторм не опустится, — грамотно сообщил Петропавел.

— Плохо ты меня слушал, — укорил его Ваще Бессмертный. — Какова максимальная глубина Азовского моря?

— Кажется, пятнадцать метров! — с ужасом вспомнил Петропавел.

— Значит, опустится, — развел руками Ваще Бессмертный.

— Что же делать мне... *смертному*? — Петропавел поверил и струсил.

— Давай на поверхность: может, вынесет волной... *на брег*, — архаично закончил Ваще Бессмертный и, не считая необходимым проститься, быстро поплыл в западном направлении.

— Погодите! — крикнул Петропавел. — Как мне дальше к Слономоське?

— У *кого* ты это спрашиваешь? — обернулся Ваще Бессмертный. — Если у меня, то меня, как ты справедливо заметил, — нет...

Когда его не стало видно за толщей воды, у Петропавла даже сердце защемило. Вот ведь несчастье: пусть Смежная Королева двойственна, пусть Тридевятая Цаца за сколько угодно километров отсюда, но они хоть есть, а тут... надо же, такая глыба — и виден, и слышен, и осязаем, и целостен, ан — нету его, *не существует*!

Петропавел всплакнул бы, если б не шторм. Тут времени терять было нельзя, и, покинув ХАМСКУЮ ОБИТЕЛЬ, он устремился навстречу спасительной волне.

* * *

Как-то *сама собой* вспоминается история про одну, извините за выражение, бабу. Впрочем, выражение это не мое, а народное: «Баба сеяла горох ...» — видите ли. Прямо тут уже можно облегченно вздохнуть: история обещает быть сельскохозяйственной, а не... ну, в общем, сами понимаете. Итак, совершается нечто общественно-полезное, а именно посевная. Причем посевная совершается бабой. Пусть так, хотя, конечно, отдельная конкретная баба могла бы и *сажать* горох, а не сеять его, поскольку сажают в огороде, а сеют на поле — и обычно сеют не бабы, а сеялки. Но баба *сеет* — ладно, дело ее.

Итак, сеет баба горох, то есть пребывает, как бы это поточнее сказать, в естественных условиях, на природе то есть. В чистом как бы поле. На присутствие чистого поля мы, в общем-то, вправе рассчитывать. Момент эдакого приволья даже акцентируется:

«Баба сеяла горох —
Прыг-скок!
Прыг-скок!»

Иными словами, есть где бабе нашей порезвиться. Либо труд ей не в тягость, либо она сумасшедшая, поскольку сеять горох и осуществлять «прыг-скок» по иным причинам, вроде бы, ни к чему. Если это, конечно, не ритуальный танец... В любом случае у нас, видимо, есть все основания порадоваться за данную бабу: пусть себе прыгает, как дитя. Впрочем, недолго бабе прыгать, ибо выясняется, что находится она в условиях, не вполне приемлемых для проведения посевной.

Следующее сведение буквально поражает нас как гром среди ясного неба:

«Обвалился потолок»...

Страшная догадка приходит на ум: баба сеет и прыгает *в помещении*. Если бы с самого начала у нас была бы хоть тень подозрения по поводу того, *где* происходит все описываемое, мы бы, может быть, дальше ничего и выяснять не стали. Тут подлость в чем состоит: сначала нашу бдительность усыпляют эдакой пейзажной жанровой сценкой, а потом, не объявляя о перемене места действия, прямо на голову обрушивают свод — и следующие «прыг-скок» отдаются в наших ушах слабым акустическим эффектом запоздалого эха. Что же еще, если не эхо, эти третье и четвертое (!) «прыг-скок»:

«Обвалился потолок —
Прыг-скок, прыг-скок ...»

А впрочем, тут и мудрить особенно нечего: просто баба *до-пры-га-лась*. Чего, кстати, следовало ожидать. Внутреннее перекрытие рухнуло, видимо похоронив под собою нашу бабу. Здесь бы и истории конец, а кто слушал — молодец, да не так-то все, оказывается, скверно. Дело в том, что бойкая баба жива и продолжает функционировать — правда, в каком-то странном режиме. Нам говорится об этом так:

«Баба шла, шла, шла...»

То есть бросила сеять горох и куда-то отправилась, о горохе *совершенно* забыв. К гороху мы уже больше не вернемся *никогда*, как бы нам этого ни хотелось. Результаты труда оказались погребенными под обломками потолка, а бабе хоть бы что: она решила прогуляться. Стало быть, баба определенно жива и, как выясняется, голодна...

«Баба шла, шла, шла —
Пирожок нашла —

Села поела, опять пошла».

Есть в поведении бабы какая-то отвратительная разухабистость, свидетельствующая, в частности, о поистине безграничной тупости. Разве *чудом* уцелевшее после обвала скольконибудь тонкое человеческое существо так вот просто усядется есть где попало и что попало — какой-то валяющийся на дороге пирожок? Вроде бы будничная такая сцена: села поела, подняв еду с земли, — хорошо, кстати, что там вообще *еда* лежала, потому как бабе все равно, видимо, было что съесть, — и, самое ужасное, опять пошла, наплевав просто на все на свете. Автоматическая какая-то баба. И *поразительно* живая — живее всех живых.

Ну, и как говорится, — шла бы себе куда собралась. Так нет же. Наевшись, баба и вовсе потеряла голову — как по-другому можно объяснить разнузданные балетные па, которые эта уже надоевшая нам баба принялась совершать на наших глазах?

«Встала баба на носок ...»

Вот, значит, что она еще, оказывается, умеет. Это фуэте в ее возрасте (а баба предполагается, видимо, все-таки не слишком молодой — прямо скажем, *хочется думать*, что это баба *в годах*) оскорбительно для зрения. Дальше баба начинает просто, извините за подробность, кобениться:

*«Встала баба на носок,
А потом — на пятку...»*

Тут самое неприятное — «а потом». Баба кобенится не просто абы как, а размеренно, откровенно и напоказ. Все остальное уже и вовсе неприлично: она устраивает просто какой-то шабаш. Даже непонятно, что именно на нее так подействовало, — впрочем, это и неважно...

Важно другое: баба начинает отплясывать, окончательно, видимо, лишившись рассудка и путая жанры:

*«Стала русского плясать,
А потом — впрысядку!»*

А тут уж и вовсе невозможно постичь: почему впрысядку баба пляшет «*потом*», после русского, когда это вроде как одно и то же, и что это вообще за танец такой разнузданный, которым заканчивается история про бабы проделки?

Нет чтобы представить нашему вниманию героический рассказ о том, как баба сеяла горох, но, увидев, что в одной из изб обвалился потолок, срочно вызвала бригаду ремонтников: починив потолок, ремонтники разошлись по домам, а баба вернулась к прерванному занятию и засеяла 10 га горохом. Вот...

И попробуй догадайся, какая история хуже.

Глава 10

Милое искусство, коварное искусство

Пока Петропавел соображал, какая из волн *спасительная*, одна волна накрыла его с головой, и, вспомнив о том, что он смертен, бедняга даже глупо выкрикнул в пространство: «Спасите!» — но, как ни странно, получил ответ.

— Не шуми, — сказали ему, — *и так* ничего не слышно.

— Спасите! — шепотом повторил он, хотя, — может быть, из-за волн — вокруг никого не наблюдалось.

— Что ты имеешь *в виду*? — раздался возле самого уха Петропавла тихий противный голос.

Несмотря на критическую ситуацию, его возмутила такая постановка вопроса.

— Это самое и имею в виду! — проревел он. — *Спасите*, имею в виду.

— Да не шуми же ты! — цыкнули сверху. — Я и так прекрасно тебя слышу. А больше тут никого нет, так что и разоряться нечего... А я хочу знать, каково *фактическое* значение предложения «Спасите!». Ты говоришь, что оно и означает «Спасите!». Так это само собой разумеется. Твой ответ совершенно бессодержателен — и мне приходится усомниться в осмысленности твоего высказывания, а значит, и в твоих умственных способностях. Раскрой смысл предложения, ну? Что ты *подразумеваешь*?

Чтобы не тратить сил на препирательства в воде, Петропавел ответил лаконично:

— То и подразумеваю, что говорю.

— Непонятно, — послышалось в ответ. — Всегда говорят *одно*, а подразумевают совершенно *другое*. И этим твоим «Спасите!» тоже можно много чего подразумевать. Можно, конечно, и *невинные* вещи подразумевать — что-нибудь типа «Помогите мне... укажите путь, составьте компанию — будем, дескать, вдвоем плыть к берегу, так оно легче...». Но ведь не исключено и другое: «Давайте-ка, мол, ко мне, мой дорогой, я тут в Вас вцеплюсь мертвой хваткой, отдохну, потом брошу Вас, чтобы Вы утонули, а сам, набравшись сил, бодро поплыву дальше!» Потому-то мне и желательно знать, *что именно* ты подразумевал в данном случае. На этом, между прочим, основано искусство подтекста.

— Прекратите издевательства... — задыхался Петропавел, — мне сейчас не до подтекста!

— Ты торт слоеный ел когда-нибудь? — невозмутимо поинтересовался тихий противный голос. — Тогда представь себе высказывание как торт: высказывание тоже многослойно. Попробуем с этой точки зрения рассмотреть «Спасите!» — высказывание, сделанное тобой. Само по себе слово «спасите» — это верхний слой торта, то есть крем, собственно говоря. Под ним — разные слои, опускаясь по которым, мы доходим до фундамента — подлинной сущности высказывания: в данном случае ее можно выразить словами «*больше всего на свете мне дорога собственная шкура*»... А крем — это еще не весь торт.

Петропавел давно уже не слушал: он молча боролся со стихией.

— Почему ты молчишь? — в самое ухо спросили его.

— Не люблю... разговаривать... в шторм.

— О, так уже лучше! — похвалил голос.

— Слушай, отвяжись, а? Я не разговариваю с теми, кого не вижу.

— А ты считай, что это *телефонный* разговор!

— Идиот! — рявкнул Петропавел. — Чего ради — по телефону... в воде?

— Пожалуй, ты прав, — согласился голос. — Ладно, начинай считать волны. Шестая вынесет тебя на берег. Он уже близко.

...Шестая волна вынесла Петропавла на берег, а на седьмой волне кончился шторм. Петропавел раскинул руки и закрыл глаза.

— Отдыхаешь? — тут же услышал он возле себя.

— Спасибо, очень тебе обязан, — сказал Петропавел в никуда. — Ты кто? Мы ведь не познакомились в море.

— Таинственный Остов, — был ответ. — Разве не видно?

— Не видно.

— Правда, что ли, не видно? — ужаснулся голос. — Но ведь речь моя позволяет тебе предположить наличие *некоторого* тела!

— Позволять-то позволяет...

— Ну, если есть какие-то сомнения, предположи хотя бы наличие духа, — ограничился Таинственный Остов. — Пусть я буду метафизическая субстанция... *говорящая* метафизическая субстанция. В конце концов, язык — тоже форма существования. Можно ведь существовать в языке, не существуя в действительности, так многие делают. Разреши и мне.

— Пожалуйста, — разрешил Петропавел, — существуй как хочешь.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался дотошный собеседник.

— Это и имею в виду.

— Так-таки *это* и имеешь?

— О Господи, — вздохнул Петропавел, — как с тобой трудно говорить!

— Можно подумать, что говорить вообще — просто! Я, например, не всегда понимаю, почему люди так смело берутся говорить: ведь подчас такое может подразумеваться, о чем ты ни ртом, ни ухом не ведаешь!

— *Само собой*, — наставил собеседника Петропавел, — ничего подразумеваться не может. Каждый отдает себе отчет в том, *что* он подразумевает и подразумевает ли *что-нибудь* вообще.

— Что ты *имеешь в виду*? — испугался Таинственный Остов.

— Я всегда имею в виду то, что говорю. — Петропавел утомился.

— Можно подумать, что это всегда *от тебя* зависит. Ты, значит, умнее Тютчева?

— Я? Умнее... Тютчева? Я такого не говорил. Да и при чем тут Тютчев?

— Допускаю, что не говорил. Но подразумевал. Тютчев сказал: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». А послушать тебя — так получается, что предугадать это очень легко. *Стало быть*, ты мнишь себя умнее Тютчева.

Петропавел молчал.

— Умнее Тютчева считают себя только дураки. Ты дурак, — поставил диагноз Таинственный Остов.

— Слушай, — довольно миролюбиво предложил Петропавел, несмотря на то что злость уже была в нем ключом, — давай разойдемся по-хорошему. Мне совершенно не улыбается выслушивать все это... тем более от собеседника, которого я даже не вижу.

— Что ты *хочешь этим сказать*? — возмутился Таинственный Остов. — Бестактно намекать на физические недостатки кому бы то ни было!

— Во-первых, *не тебе* говорить о такте, — Петропавел позволил-таки себе минимальный протест. — А во-вторых, я ни на что не намекал. Мне это вообще не свойственно.

— Да уж, — почти успокоился Таинственный Остов. — Я заметил, что ты *чрезвычайно* плоско выражаешь свои мысли. Стало быть, ты вряд ли достиг совершенства в искусстве импликации... то есть подразумевания. И неудивительно, что, имплицитно... подразумевая какой-нибудь смысл, ты хорошо отдаешь себе в этом отчет. *Простые* смыслы легко имплицитировать: например, вместо просьбы «Подайте, пожалуйста, соль» можно обойтись замечанием «суп совсем не соленый» — и сразу подадут соль. Но это чепуха. Впрочем, более тонкие вещи тебе недоступны.

— Ну-ну... — поощрил собеседника Петропавел, потому что Таинственный Остов ненадолго умолк. — Продолжай обвинения.

— Я тебя ни в чем не обвиняю, я даже завидую тебе как человеку поверхностному. Блаженны нищие духом — и блаженны, пусть в меньшей степени — нищие ухом, которые не ведают, в какие дебри может завести язык, которые вовсе не слышат доброй половины смыслов в доброй половине слов! Они просто открывают рты — и говорят, точно так же как открывают *те же* рты — и едят... А язык — деликатная штука, правда, знают об этом немногие — горстка хороших поэтов. Ты к ним не относишься.

— Пусть это тебя не волнует, — горячо пожелал собеседнику Петропавел.

— Меня это и не волнует, — успокоил его Таинственный Остов. — Меня другое волнует — Язык. На *носителей* языка — и на тебя в том числе! — мне начхать. А вот Язык — жалко. Язык — это растение нежнейшее, капризнейшее! Он — как садовая роза, которая хранит в себе воспоминания о бесконечном числе метаморфоз, о непрерывных преобразованиях многих и многих поколений розы дикой. И Язык — он тоже кое-что хранит в себе: национальную историю, национальную культуру. Ведь у слов прекрасная память... Они помнят, *кто, когда, сколько раз и в каких значениях* употреблял их с тех самых пор, как стоит мир. Любое слово обросло уже бессчетным множеством смыслов — и его невозможно употребить так, чтобы реализовался лишь один из этих смыслов. А потому — независимо от того, хочется мне подразумевать или нет — я все равно что-нибудь да подразумеваю... Ты же пытаешься низвести язык до первобытного уровня, отбрасывая все, что он накопил в себе. Ты берешь в руки ножницы и начинаешь подстригать лепестки розы под полубокс. Какое счастье, что Язык не принадлежит *тебе*! Впрочем, он не принадлежит никому: его можно портить, но испортить нельзя...

Петропавел, сколько возможно, выдержал возникшую паузу и окликнул Таинственный Остов — сначала один раз, потом еще...

Но невидимый собеседник исчез, унеся с собой тайный смысл своих смутных слов.

— М-да, — обобщил Петропавел. — Ваще Бессмертного хоть и нет, но он виден! А этот и не виден даже: поди пойми — есть он или нет его... — и неожиданно для себя заключил: — Хорошо бы, если б он — *был*!

...Петропавел уходил от моря. Он забыл спросить дорогу к Слономоське и шел наугад. Ни с того ни с сего ноги начали разъезжаться в разные стороны: кажется, под песком был лед. Вскоре песок совсем исчез, и Петропавел с величайшей осторожностью зашагал уже просто по льду. Внимание его привлек какой-то предмет впереди. Петропавел двинулся к нему и издалека еще различил табличку — вроде тех, что ставятся на газонах.

На табличке было написано «КАТОК СОЗНАНИЯ», а под этой надписью три стрелки указывали разные направления. Против каждой стрелки значилось:

направо — «*Получишь то, что захочешь, но не удержишь*»;

налево — «*Удержишь то, что получишь, но не захочешь*»;

прямо — «Захочешь то, что удержишь, но не получишь».

Петропавел просто обомлел от такого выбора: сначала ему показалось, что учтены все возможные выходы из ситуации, в которую он попал, — и дело только за тем, чтобы правильно определить направление будущего движения. Глаза разбегались от предложений. Однако, поразмыслив, он понял, что, по существу, выбора никакого не предлагается, потому как, в конце концов, все равно ведь ничего не приобретаешь. В первом случае — приобретенного не удерживаешь, то есть как бы и не получаешь, во втором — сам же от приобретенного отказываешься за ненадобностью, а в третьем — цепляешься за то, чего, при всем при том, не имеешь. Иными словами, все одинаково плохо — и, куда ни идти, результат тот же... Очевидный тупик. Петропавел уставился на табличку в полном замешательстве.

Внезапно его посетила мысль, что *кто-нибудь*, может быть, сейчас наблюдает за ним и посмеивается. Мысль погостила в сознании и улетела, а на смену ей прилетела вьюга. Но не успел Петропавел испугаться, как вьюга кончилась, не внеся, вроде бы, никаких изменений в ландшафт. Впрочем, внеся: табличка уже отвернулась от Петропавла — и ему пришлось зайти с другой стороны, чтобы еще раз прочесть написанное: «КАТОК СОЗНАНИЯ»... Однако теперь получалось, что все стрелки указывают в направлениях, *прямо противоположных* первоначальному.

Он сел на лед и задумался. Безразлично, куда идти: никакой выбор не будет правильным. Но почему же, почему так? И есть ли вообще надежда выбраться из этой местности, где в полном беспорядке чередуются леса, моря, ледяные пустыни и где обитают бредовые существа, вызывающие только самые смутные представления о виденном и слышанном, а во всякой критической ситуации, словно волшебным щитом, прикрывающиеся искусством?

«Искусство... — с ненавистью подумал Петропавел, — это оно шутит со мной! Это оно подстерегает человека на каждом шагу — полузабытым воспоминанием, всплывшей в сознании книжной подробностью и еще... обмолвкой, недослышкой, которые тоже искусство! Это оно заводит в дебри и морочит там. И человек, замороченный им, уже не видит мира таким, каков он есть. А что дается ему взамен этого мира?

Получишь то, что захочешь, но не удержишь... Это же очень точно! Все, чего ни пожелаешь, дает тебе искусство, но дает не насовсем, лишь подержать дает — а задумаешь оставить у себя, смотришь — фюить! — улетело, исчезло, растаяло: ищи — свищи!.. Вот только что было у тебя все — и даже такое было, о чем и мечтать нельзя! — что же случилось? Как выпустил ты это из рук, как не заметил, что сразу все — выпустил, потерял, утратил? Поглядишь — нет ничего, и старуха сидит у разбитого корыта... *Золотая рыбка искусства!*

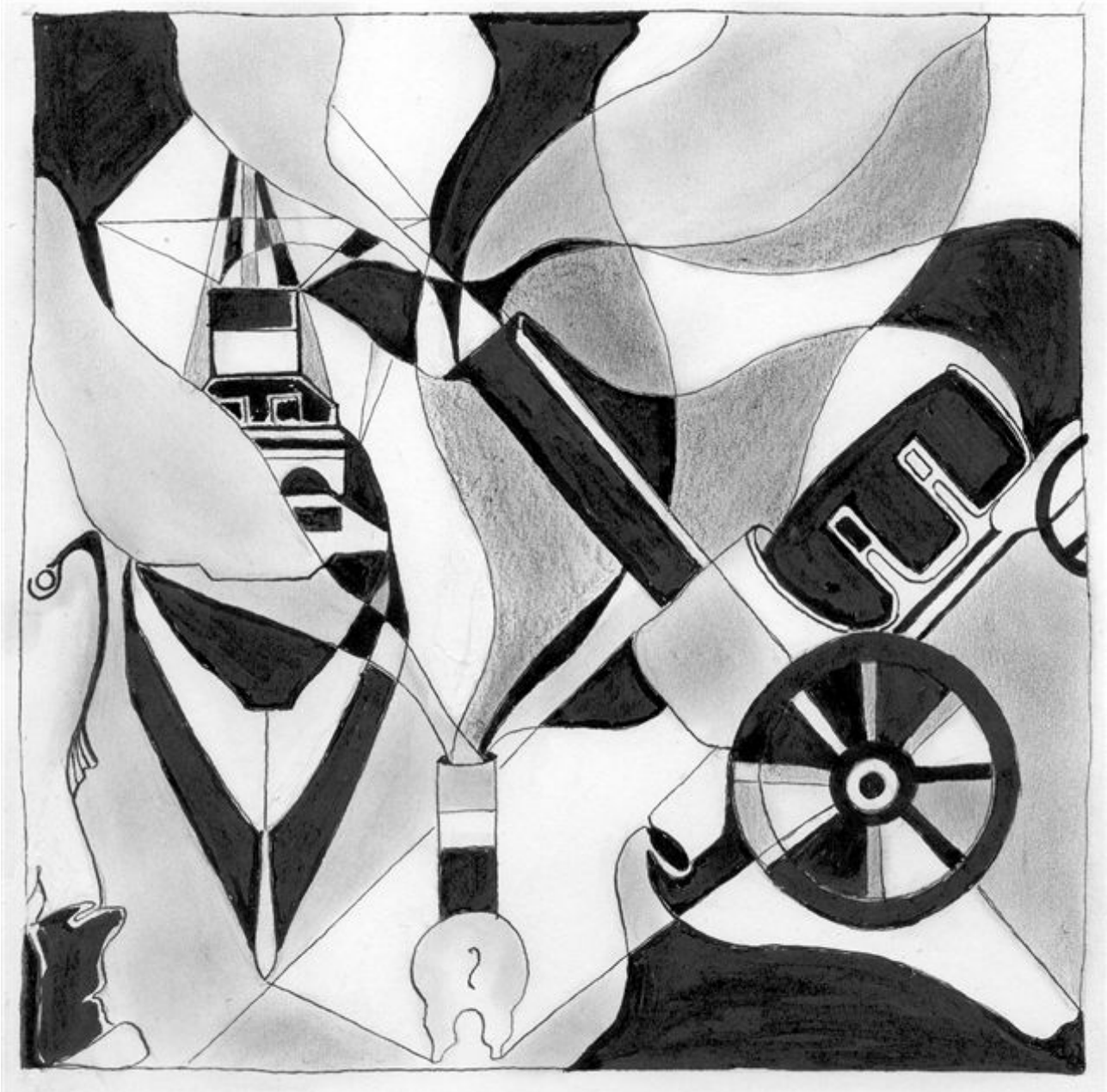
Удержишь то, что получишь, но не захочешь... И это верно, ах, как верно! Можно исхитриться — и силою ума или просто силой проникнуть в самую тайну искусства, в святилище его, но вот проник: где же тайна? Ее нет, а то, что ты держишь в руках... черепичный обломок, несколько строк на бумаге — это не нужно тебе, потому что — зачем? Ты ведь хотел другого, ты о другом мечтал, когда тайком входил в святилище. Так что же держать в руках черепичный обломок, несколько строк на бумаге — брось их: тайны в них не больше, чем в волшебном фонаре, который тоже можно разобрать — посмотреть, что там внутри, и удивиться: только — это?.. *Хрупкая веточка искусства!*

Захочешь то, что удержишь, но не получишь... Что ж, правда и это — горькая правда, горчайшая из всех правд. Потому что именно так. Если и захочешь, и возьмешь, и будешь держать в руках — не получишь все равно: принадлежало тебе и считалось твоим, а твоим — не было. Ничьим не было, но время, но ветер прибывали это то к одному берегу, то к другому — вот и к твоему берегу... да не твое! Владей день один, владей годы, владей жизнь целую — все равно не твое, не приручишь: да, я с тобой, и

больше: да, я люблю тебя, — но это ровным счетом ничего не значит, и нет тебе в этом ни радости, ни покоя... *Синяя птица искусства!*

Так, поняв все сразу, Петропавел двумя пальцами крутанул табличку вокруг оси — и она завертелась, как рулетка, даже быстрее, чем рулетка: 27 красный! — мимо, 42 черный! — мимо — эй, смотрите, кому повезет, если повезет кому-нибудь в этой игре, где ставки не равны, а выигрыши равны, и они — проигрыши!..

Не глядя больше на это вращение, Петропавел снова двинулся наугад: не все ли равно, милое искусство, коварное искусство!.. — и уже не увидел, как Всадник-с-Двумя-Головами убрал табличку за пазуху с поверхности льда.

Глава 11

До и после бревна

Ледяная пустыня кончилась гораздо более внезапно, чем началась: Петропавел дошел-то всего-навсего до горизонта — а за ним тут же и открылось летнее поле, у обочины которого он увидел маленькую упитанную рыбку. Рыбка была обута.

— Шпрот-в-Сапогах, — раскланялась рыбка, и Петропавел, приветливо улыбувшись, представился тоже. Потом, чтобы его сразу не заговорили, поспешил задать вопрос:

— До Слономоськи далеко мне еще?

— Если пешком, то порядочно.

— А как можно по-другому? — с надеждой спросил Петропавел.

— Да *по-всякому* можно. Можно, например, камнем по затылку.

Петропавел пристально взглянул на рыбку:

— Вы такой злобный шпрот?

— Да нет! Это не я — это Дама-с-Каменьями. В-о-о-он она на вышке сидит. И пропускает лишь того, кто разгадает *жуткую* загадку одну.

Петропавел поглядел вдоль обочины и действительно увидел смотровую вышку.

— Шаг вперед — и Вы на том свете. Она меткая, как индеец. Правда, и добрая, как мать. Никогда без моего *предупреждения* не убивает.

— Может, как-нибудь... в обход? — поежился Петропавел.

— Не советую. Там с одной стороны — Волка-Семеро-Казнят, а на другой — вообще Дохлый Помер. Если только туда, где КАТОК СОЗНАНИЯ, но на катке Вы ведь побывали уже...

— И трудная загадка?

— Чертовски. Какая-то загадка Свинкса просто.

— Ладно, давайте загадку.

— Да Вы что? А камнем? — Шпрот-в-Сапогах прямо-таки остоленел.

— Ну, камнем же *не сразу*. Сначала идет загадка. Загадывайте.

— Во даете! — восхитился Шпрот-в-Сапогах. — Подсказать отгадку? — Благодарю Вас, я сам.

Шпрот-в-Сапогах заплакал и прошептал сквозь слезы:

— Сколько будет дважды два... четыре? — при этом он взял в руки два черных флажка.

— Я знаю несколько разгадок этой загадки. — Ни один мускул не дрогнул на лице Петропавла. — Классические варианты разгадок следующие: дважды два четыре будет зеленая дудочка или колбасная палочка...

— Довольно, довольно! — радостно закричал Шпрот-в-Сапогах и, схватив два красных флажка, принялся сигналить о чем-то в сторону смотровой вышки.

— Кроме того, — невозмутимо продолжал Петропавел, — дважды два четыре будет детская считалочка, елочка-моталочка, бифштекс натуральный рубленый с луком, люля-кебаб с рисом, «Степь да степь кругом»...

— Хватит! — с испугом закричал Шпрот-в-Сапогах.

— И, наконец, — закончил Петропавел, — спросите у Дамы-с-Каменьями, не хочет ли она *сама* получить камнем по затылку?

Шпрот-в-Сапогах испуганно замахал красными флажками. В ответ со смотровой вышки тоже замахали красными флажками.

— Она благодарит Вас и говорит, что не хочет, — пролепетал Шпрот-в-Сапогах.

— Тогда привет ей ото всех — начиная с Бон Жуана и кончая Таинственным Остовом, — сказал Петропавел и шагнул на стерню.

— Погодите, — закричал ему вслед Шпрот-в-Сапогах. — Там есть одна тонкость! Там не просто поле — там АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ.

Но Петропавел даже не расслышал этого, так далеко он уже шел. Идти было приятно — несколько настораживало, правда, полное отсутствие хоть какого-нибудь ветерка над полем. Тут Петропавел взял и запел хорошую походную песню, из которой почему-то получилось вот что:

«Муравей, муравей в шапочке,
В тюбетеечке — жалобно ползешь!
Раз ползешь, два ползешь, три ползешь...»

И — словно в ответ на это — в атмосфере начались вдруг знакомые Петропавлу волнения, а над полем понесся богатырский пописк.

«Черт меня дернул запеть эту песню!» — ругал себя Петропавел: мысль о встрече с Муравьем-разбойником, да еще на открытом месте, его ужасала. Однако богатырский пописк все усиливался, и, не помня себя от страха, Петропавел хрипло выкрикнул в никуда:

— Эй, Муравей-разбойник, выходи на честный бой!

— Как бы не так! — богатырский пописк приобрел еле уловимые очертания слов. — В *честном*-то бою ты меня победишь. А ты вот попробуй в *нечестном* победи! Мне в *нечестном* бою нет равных.

Петропавел, едва держась на ногах, безуспешно пытался сообразить, что такое нечестный бой, когда вдруг на краю поля появилась гонимая ураганным ветром и послушно, хоть и бесконвойно, продвигавшаяся вперед колонна, в составе которой ему удалось различить несколько знакомых фигур. Чем ближе подходила колонна, тем больше их обнаруживал Петропавел: Бон Жуан, Ой ли-Лукой ли, Белое Безмозглое, Пластилин Мира, Старик-без-Глаза, Гуллипут и дальше — Тридевятая Цаца, увеличившаяся до невероятных размеров, Всадник-с-Двумя-Головами, Смежная Королева, за ней кто-то незнакомый (может быть, Тупой Рыцарь?), потом Ваше Бессмертный... Они понуро брели по полю, над которым уже всюду свирепствовали стихии. А вот и замыкающие — они летели! — Гном Небесный и влюбленный в небо Летучий Нидерландец...

В мгновение ока Петропавел оказался возле колонны:

— Сколько вас? — воскликнул он. — Куда вас гонят?

— Свали в туман! — услышал он родной разнорегистровый голос Смежной Королевы. — Все мы — пленники Муравья-разбойника.

Петропавел просто озверел от этого сведения. Еще бы не озвереть: крохотная букашка, продукт народного суеверия — и *так* распоясаться! Мало того, что его и вообще-то не видно невооруженным глазом... стоп! Мысль показалась Петропавлу

продуктивной. Вот что! *Необходимо вооружить глаз!* Только вооружив глаз, можно победить Муравья-разбойника.

Теперь надо было срочно решить, какой именно глаз вооружать — правый или левый. Конечно, левый: левый у него единица, а правый — минус 0,5! Чтобы выиграть время и деморализовать противника, Петропавел громко крикнул в бурю:

— Эй, Муравей-разбойник! — голос его звучал сильно и нагло. — Если не хочешь честного боя, тогда я *вооружаю глаз!*

— Какой — правый или левый? — богатырски пропищал хитрый Муравей-разбойник.

— Левый! — злорадно гаркнул Петропавел.

— Ну, мне конец! — в богатырском пописке отчетливо послышался страх.

— Думаю, что да! — сухо, но громко крикнул Петропавел и захохотал.

Однако чем вооружить левый глаз? Под рукой ничего не было, а левый глаз уже разошелся и жаждал крови.

Внезапно в единственном глазу Старика-без-Глаза Петропавел увидел соринку и, как ни был занят размышлениями, заметил:

— У Вас соринка в глазу.

Замечание прозвучало вполне вежливо.

— А у себя в глазу бревна не видишь? — в обычной своей нахальной манере осведомился изнуренный старик.

— В каком глазу? — Голос Петропавла перекрыл вой бури.

— Да вот же, в левом! — ответил старик и, как бы между прочим, добавил: — Глаз, вооруженный бревном, — страшная сила.

— Помогите! — все поняв, богатырским пописком пискнуло откуда-то с юго-востока — и навстречу богатырскому этому пописку Петропавел мощно метнул левым глазом свое бревно. Толстенное и длинное, оно с грохотом упало на землю, похоронив под собой Муравья-разбойника...

А из разоруженного левого глаза Петропавла упала на место бесславной этой смерти чистая слеза.

И стало тихо вокруг. И выросли цветы. И Гном Небесный запорхал с цветка на цветок, собирая в зеленую эмалированную кружку сладкий нектар.

— Выпьем за нашу победу в нечестном бою! — воскликнул он бодро и единым залпом осушил кружечку. Прочие облизнулись...

Тут Петропавел вдруг начал ощущать в себе сильные перемены. Глазом, из которого выпало бревно, он видел мир совсем не так, как прежде. Ничто в его знакомых уже не казалось ему странным: ни размалеванная пустота на лице Белого Безмозглого, ни колебания в возрасте Старика-без-Глаза, ни даже постоянно-переменный рост Гуллипута, ни повадки Шармен... А это вот что за незнакомое лицо — длинное и худое, похожее на лошадиную морду страшной доброты?

— Разрешите представиться... — начал Петропавел.

— Представлялись уже, — проворчал незнакомец. — Раньше ты меня просто не видел: у тебя бревно в глазу было. Таинственный Остов.

Петропавел бросился к нему на шею, но тот, все так же ворчливо, отстранился:

— Довольно... Ты же не Шармен, ей-богу!

Между тем все вокруг увлеклись уже общим делом, больше не обращая на Петропавла никакого внимания. Они подвязывали к выпавшему из его глаза бревну толстые канаты, чтобы отнести это бревно в надлежащее место и там учредить, как понял Петропавел по отдельным возбужденным возгласам, «Мемориальный Музей Бревна, Убивавшего Муравья-разбойника». Петропавла насторожила форма причастия: это было причастие несовершенного вида.

— Почему вы употребляете в названии причастие несовершенного вида? — обратился он к суетившемуся поблизости Гному Небесному.

— Потому что по отношению к несовершенным действиям употребляются глаголы и причастия несовершенного вида, — ответил эрудированный Гном. — А в данном случае никакого действия совершено не было.

— Что значит — «не было»? — растерялся Петропавел. — Как же «не было», когда было? Я ведь *убил* Вашего Муравья-разбойника и спас вас от плена и гибели!

— А ты всегда лезешь не в свое дело, мешая истории развиваться естественным образом. И мы уже к этому привыкли, — походя отчитал его Гном Небесный. — К счастью, здешние события не зависят от тебя, так что ты не *убил*, а *убивал*, не спас, а *спасал*... то есть события происходить-то происходили, да не произошли. Муравей-разбойник жив и, даст Бог, здоров, только уж теперь долго не появится из своей ЧАЩИ ВСЕГО. А наш священный ужас, как и водится, неизбывен — стало быть, ничто не изменилось! Правда, у тебя из глаза наконец выпало бревно, но это твоя проблема... У нас же, как говорится, и волки сыты, и овцы в теле.

— Тогда чему вы все так радовались? — спросил Петропавел.

— Жизни... — развел руками Гном Небесный. — Вечной Жизни и... многообразию форм ее проявления. Не понимаю, что тебя тут смущает.

— Но зачем вам в таком случае мемориальный музей? Ведь мемориальный музей — это увековечивание памяти о ком-то *умершем*... У вас же, получается, никто не умер!

— Какой-какой музей? — переспросил Гном Небесный. — Произнеси-ка это слово по слогам!

— Ме-мо-ри-аль-ный...

— Мы такого музея не учреждаем. Мы учреждаем музей *Мимо-реальный*. У нас тут все *мимореальное*.

И Гном Небесный стремглав полетел вслед за остальными, уже тащившими куда-то *мимореальное* бревно.

Петропавлу же ничего не оставалось делать, как отправиться своей дорогой. Чтобы не думать о случившемся, он снова стал напевать, правда, теперь уже совсем безобидную песенку:

«Жир был у бабушки —
смерть от глюкозы!
Вот как, вот как —
смерть от глюкозы!»

Он хотел было задуматься над горькой судьбиной неизвестно откуда взявшейся в песне жирной бабушки, но не успел, потому что внезапно стемнело. Сделалось как-то жутковато, и, чтобы убедить себя в том, что бояться нечего, Петропавел громко крикнул в темноту:

— Ау-у-у!

— Уа-а-а! — тут же раздался из сумерек детский плач.

Петропавел вздрогнул: детского плача он как-то совсем не ожидал. Не хватало только наткнуться на конверт с грудным младенцем!

Он осторожно двинулся в направлении плача, внимательно глядя под ноги. Плач стих. Петропавел остановился: может быть, ребенок не один, может быть, он с матерью? Тогда глупо к нему идти. Не пойду.

— Уа-а-а! — снова донеслось до него.

— Это я зря, едва ли... — громко сказал Петропавел себе, но договорить не успел, услышав сразу же:

— *Слесаря вызывали?* — причем голос был хриплым.

Вопрос озадачил Петропавла. Не вполне понятно было, как мог оказаться ночью в поле слесарь и что с этим слесарем тут делать? Вероятно, к тому же, у слесаря был ребенок: ведь Петропавел отчетливо слышал детский плач. А может быть, это не слесарев ребенок, и слесарь просто *украл* у кого-нибудь ребенка?

— Мы не вызывали слесаря! — строго ответил Петропавел, нарочно употребив множественное число: для острастки — и тут же еще более строго спросил: — Слесарь, это Ваш ребенок или нет?

— *Дед!* — отозвался слесарь.

Петропавел не поверил слесарю. Можно, конечно, допустить, что он тут со своим ребенком и дедом, но плакал-то явно не дед, а ребенок!

— Почему тогда у деда детский голосок? — проницательно поинтересовался Петропавел.

— *Дед сам невысок!* — Кажется, слесарь был балагуром...

Петропавел решил все-таки внести ясность в положение дел и, стараясь, чтобы голос его прозвучал особенно мужественно, сказал:

— Вот что, слесарь... Все это очень странно. Почему Вы явились сюда с семьей? Может быть, Вы... Вы кто-то другой, а не слесарь?

— *Дорогой, я не слесарь!* — ответил слесарь.

— Вы надо мной издеваетесь?

— *Раздевайтесь!*

Петропавел несколько струхнул. Прозвучавший в темноте приказ напоминал начало разбойничьей сцены.

— Вы, что же, серьезно? — спросил Петропавел.

На сей раз ответ оказался уже и вовсе невразумительным:

— *Вы тоже Сережа.*

Петропавел задумался, почему это он Сережа и кто тут еще Сережа, кроме него, и примирительно пробормотал:

— Наверное, Вы отчасти правы... В какой-то степени каждый из нас Сережа, а если так, то, должно быть, и я, как другие, тоже немножко Сережа («Что я несу! — думал он. — Это просто бред сумасшедшего!»). Я рад, но мне очень...

— *Оратор, короче!* — оборвали из тьмы.

Петропавел умолк, ожидая худшего. Худшего не происходило.

— Тут кто-то спрятался!.. — игриво произнес он, несмотря на то, что душа у него ушла в пятки.

— *Никто тут не стряпает,* — ответили ему. — Стряпать тут не из чего. Это АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ. В нем не растет ничего, кроме ассоциаций.

— АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ? — повторил Петропавел и вдруг напрямик спросил: — Простите, а с кем я все-таки говорю?

— *Хрю-хрю!* — раздалось над полем.

— Там у Вас еще и поросенок?

— Нет, — в голосе послышалась усмешка. — Паросенок прибывает в шесть ноль-ноль.

— Куда прибывает? — не понял Петропавел.

— К третьей окраине поля. Тут все очень продумано: первая окраина охраняется Дамой-с-Каменьями. Ко второй окраине в шесть ноль-ноль прибывает Паровоз, к четвертой — там начинается ОЗЕРО РИСА — Пароход, а к третьей — Паросенок. Тут три вида *парового* транспорта.

— *Паросенок...* — задумчиво проговорил Петропавел и признался: — Никогда не слышал о таком транспорте.

— Не думай, что ты слышал обо всем, что происходит в мире, — посоветовали из тьмы. — Это самое банальное заблуждение.

— Ну да!.. — воскликнул вдруг Петропавел. — Вспомнил: даже выражение есть странное: «Класс езды на Паросенке»! Я никогда его не понимал.

— Вот видишь, и *выражение* есть!..

— Но все-таки *с кем* я разговариваю? Это я к тому, что Таинственный Остов тоже сначала был не виден, а потом... виден стал.

Во тьме вздохнули:

— Меня ты никогда не увидишь. Я — Эхо. Странно, что ты до сих пор этого не понял.

— Эхо? — Петропавел был потрясен.

— Ты что-нибудь имеешь против?

— Да нет... Я только привык думать, что Эхо лишь повторяет чужие слова — даже не слова, а окончания слов.

— Интере-е-есно, — обиженно протянуло Эхо, — на основании чего это ты *привык* так думать? *Отвыкни!*.. Повторяет слова не Эхо, а попугай. Не надо путать Эхо с попугаем.

— Извините меня... — Петропавел сконфузился. — Дело в том, что всегда, когда я *раньше* слышал Эхо...

— *Раньше* ты, наверное, плохо слышал, — посочувствовали в ответ. — Эхо никогда и ничего не воспроизводит *в том же самом виде*, в котором получает. Точность — въедливость королей, и точность скучна. «Ау» — «*уа*», «Вы, что же, серьезно?» — «*Вы тоже Сережа*», «Я рад, но мне очень...» — «*Оратор, короче!*» — если это и повторы, то творческие: пусть довольно бедные, но ничего более интересного ты и не произнес. Повтор хорош тогда, когда он смысловой: просто пересмешничать — глупо... Ну-ка, скажи что-нибудь, да погромче!

— Э-ге-ге-гей! — охотно заорал Петропавел.

— Спаси-ибо, — уныло протянуло Эхо. — И что прикажешь с этим делать?.. Вот тебе наглядный пример автоматического речепроизводства: в подобных ситуациях люди всегда кричат «ау» или «эге-ге-ге-гей!» чисто механически, не отдавая себе в этом отчета. Язык владеет человеком... — Эхо вздохнуло.

— *Человек владеет языком!* — с гордостью за человека сказал Петропавел.

Эхо хмыкнуло.

— На *твоем* месте я не делало бы таких заявлений: право на них имеют очень немногие. Большинство же просто исполняет волю языка, подчинено его диктатуре — и бездумно пользуется тем, что подбрасывает язык. Мало кто способен на преобразования.

— Подумаешь, преобразования! — расхорохорился Петропавел. — К чему они? Достаточно ведь просто знать *точное* значение слова.

— У слова нет точного значения: ведь язык — это тоже всего лишь Эхо Мира. — Эхо помолчало и предложило: — Ну, как — сыграем напоследок?

— *Опять* играть... Во что?

— Ты выкрикиваешь что-нибудь в темноту, а я подхватываю.

Теперь Петропавел подумал, прежде чем кричать, и выкрикнул довольно удачно:

— Белиберда!

— Бурли, бурда! — донеслось в ответ. — Так говорят, когда варят какую-нибудь похлебку; это заклинание, чтобы она быстрее варилась: «*Бурли, бурда, бурли, бурда, бурли, бурда!*»

— Понятно, — сказал Петропавел. — Еще выкрикивать?

— Выкрикивай *все время!*

Тогда Петропавел усмехнулся и выдал:

— Асимметричный дуализм языкового знака!

— *А Сима тычет дулом вниз, разя его внезапно!* — незамедлительно откликнулось Эхо.

— Ничего не понятно, — придрался Петропавел. — Кто такая Сима? И кого она разит?

— Ты просто не знаешь контекста. А вне контекста слова воспринимать бесполезно: они утрачивают смысл... Значит, идет бой... — воодушевилось Эхо.

— Где идет бой? — не успел включиться Петропавел.

— В контексте!.. В контексте может происходить все, что хочешь. Мне угодно, чтобы в контексте шел бой. И Сима — предположим, есть такая героиня, известная врагам своей отвагой и беспощадностью, а зовут ее Сима — так вот, Сима скачет на коне в первых рядах бойцов. И вдруг она обнаруживает, что в винтовке кончились патроны. Сима в отчаянии. А бой продолжается. Неожиданно Сима замечает, как прямо под ноги ее коню бросается враг. Тут бы и застрелить его отважной Симе, но вот беда: нет патронов! И тогда сторонний наблюдатель, — например, ты! — видит, как враг прицеливается, чтобы убить безоружную Симу, *а Сима тычет дулом вниз, разя его внезапно!* — Эхо умолкло, тяжело дыша.

— Какая-то глупая история получилась, — честно признался Петропавел.

— Каков материал — такова и история, — обиделось Эхо. — Интересно, на что ты рассчитывал, когда выкрикивал эту чушь?

— Не чушь! — Петропавел высоко ценил дружбу. — Так Белое Безмозглое всегда говорит. А что касается этой невероятной легенды про Симу...

Эхо засопело — видимо, Сима все-таки была дорога ему как тема — и закапризничало:

— Нет. С Симой так было!

— *Бред. Сивой Кобылы!* — неожиданно для себя отыгрался Петропавел и удивился: это его собственное маленькое ассоциативное поле откликнулось в нем. И тотчас же замкнулись все цепочки, для которых раньше не хватало звеньев — полузабытых, перемешанных, переименованных, то есть, в конце концов, переработанных образов, пришедших из книг, пословиц и поговорок, устойчивых выражений, ставших частью его фантазии, его памяти, его речевого опыта, его юмора и его ошибок...

И он рассмеялся навстречу Эху, а Эхо рассмеялось навстречу ему, потому что они поняли друг друга: фантазия свободна, она — золотая бабочка, живущая один день, один миг: взмах крыльев — и прощай! Она уже другая, уже изменилась, превратилась в маленький цветок, который раскрылся на мгновение — и нет его, пропал, осыпался, а лепестки роем белых облачков плывут по небу: одно — бабочка, другое — цветок, третье — лента, четвертое, пятое, шестое...

И начался рассвет, и выкатился оранжевый бубен солнца, и мир заплясал под веселую музыку маскарада — зыбкий, неуловимый, чудесный!

А ровно в шесть к третьей окраине АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ на всех парах примчался прекрасный розовый Паросенок и перекликнулся с Паровозом у второй окраины и Пароходом у четвертой. Он был новеньким, этот Паросенок! И Петропавел вскочил на него, а с Петропавла, в свою очередь, соскочил кто-то маленький и лохматый, очертя голову ринувшись назад по АССОЦИАТИВНОМУ ПОЛЮ: это был небольшой медведь, который наступил Петропавлу на ухо еще в детстве и только теперь слез. А Паросенок загудел и со страшной скоростью понесся вперед — у Петропавла даже дух перехватило: он никак не ожидал, что может показать такой *класс езды на Паросенке!*

Глава 12

Мания двуличия

Паросенок развил немыслимую скорость: Петропавел даже удивился, когда увидел, что — взмыленный и задыхающийся — их все-таки догнал Гном Небесный. Молча сунув Петропавлу какую-то бумажку, он сразу же безнадежно отстал. «*Следить за тобой прекращаю, — было написано там, — невозможно угнаться. Гном...*»

Так и доставили Петропавла на площадь какого-то города. В городе этом, казалось, никто не жил. Петропавел огляделся и наугад отправился по одной из улиц. Чем дальше он шел по ней, тем яснее слышался гул, по-видимому, толпы.

Неожиданно улица сделала поворот — и Петропавел увидел еще одну улицу, очень широкую: она была запружена людьми, которые никуда не двигались. Мало того, что они заполнили мостовую, они еще высовывались из всех окон и свисали со всех балконов.

— Что случилось? — спросил Петропавел у кого попало, и спрошенный Кто Попало возбужденно забормотал:

— Дело в том, что *кого-то* водят по улицам... Как видно, напоказ, что в нашем НАСЕЛЕННОМ ПУНКТИКЕ — редкость.

— Слона! — подсказал Петропавел. — По улицам *слона* водили...

— Если бы слона! — не дослушал Кто Попало. — Вы только посмотрите на него, попробуйте протолкнуться!

Петропавел попробовал и протолкнулся — правда, не без труда. На маленьком пятачке свободного пространства какие-то ребята действительно водили по кругу существо, производившее очень двойственное впечатление. В общем-то, на первый взгляд, просматривалось отдаленное сходство со слоном, но, присмотревшись, вы уже не увидели бы этого сходства и сказали бы, что существо напоминает, скорее, домашнее животное из мелких. Оно не то было, не то не было покрыто шерстью, не то имело хобот, не то не имело хобота и казалось не то агрессивным, не то совершенно миролюбивым. В сознании Петропавла мелькнула не вполне отчетливая ассоциация с Гуллипутом, но он не смог удержать ее и стал просто смотреть, как существо это маленькими кругами водили...

— И чего это вы его тут водите? — насмотревшись, спросил Петропавел.

— А они в диковинку у нас! — раздался подготовленный ответ.

— Кто?

— Да вот *такие*, как этот.

Между тем водимое существо выглядело уже изрядно замученным. Петропавел изо всех сил сосредоточился на нем и внезапно вычислил:

— Да это же Слономоська, путь к которому долг и труден!..

— Ну, слава Богу! — отозвалось существо и, обратившись к толпе, заявило: — Вот вам простой логический пример того, как некто, предварительно обдумав, кто такой Слономоська, искренне принимает меня за Слономоську, поскольку считает, что я Слономоська, каковым я *de facto* и являюсь в его глазах.

— Оно *разговаривает!* — раздались отовсюду крики ужаса, люди в панике бросились врассыпную: миг — и улица опустела.

— Вы по какому вопросу? — раздраженно спросил Петропавла Слономоська.

— Спящая Уродина, — лаконично ответил Петропавел, понимая гнев Слономоськи по поводу глупости людей.

Слономоська вздрогнул:

— А что с ней?

— Ничего-ничего, — счел необходимым успокоить его Петропавел. — Просто я хочу попросить Вас проводить меня к Спящей Уродине... или рассказать, как пройти. Я *должен* поцеловать ее.

— Спящая Уродина — моя невеста, — неожиданно сообщил Слономоська. — Я поставлю ее в известность об этом после сна.

— Поздравляю Вас, — промямлил Петропавел, не веря своим ушам. — Я, видите ли, и не собирался на ней жениться: только поцеловать — и все...

— Целовать без намерения жениться — свинство! — гневно выкрикнул Слономоська.

— Да просто так *нужно*, поймите! По преданию... — стал оправдываться Петропавел.

— В тексте предания упомянуто *Ваше* имя? — осведомился Слономоська.

— Еще не хватало! — не сдержался Петропавел. — Слава Тебе Господи, нет!..

— Ну, милый мой... Зачем же тогда Вы берете на себя такие полномочия? Вы напоминаете мне человека, который, *случайно* завидев судно, готовое к спуску на воду, разбивает о его нос бутылку шампанского и провозглашает: «Нарекаю это судно “Королева Элизабет”», после чего судно все равно остается безымянным, потому как дать ему имя может не кто угодно, а только тот, кому предоставлены *соответствующие* полномочия.

— Но я же не сам решил целовать Спящую Уродину! Так решил народ. Мне-то уж, во всяком случае, это удовольствия не доставит.

Слономоська заплакал и запричитал:

— Это свинство с Вашей стороны — так отзываться о ней! А целовать без удовольствия — дважды свинство. Вы свинья, голубчик! Даже две свиньи.

— Прекратите истерику, — сказал Петропавел. — Спящая Уродина не заметит, кто ее поцеловал. Она проснется *после* этого. А *во время* поцелуя она все еще будет спать как мертвая. И видеть сны.

— Да она не проснется и от Вашего поцелуя, — внезапно успокоился Слономоська. — В предании говорится: «...и поцелует Спящую Уродину *как свою возлюбленную*». Вам *так* не поцеловать.

— *Так* ее никому не поцеловать, — обобщил Петропавел. — Трудно предположить, что в нее кто-нибудь влюбится.

— В Вас просто широты маловато для такого предположения, — сделав это заявление, Слономоська, кажется, почувствовал себя отчаянным парнем и бросил Петропавлу в лицо: — Я влюблен в Спящую Уродину.

Петропавел смутился:

— Прошу прощения... только я что-то не соображу никак, почему бы Вам *самому* не поцеловать тогда ту, в которую Вы влюблены.

Слономоська сразу весь сник:

— Видите ли... я бы хотел, чтобы Вы меня *правильно* поняли... я *не могу*: это как-то уж слишком само собой разумеется. А все, что слишком само собой разумеется, идет вразрез с моей природой. Природа моя ужасно противоречива.

— И что же? — Петропавел ничего не понял.

— Ну... и... Дело в том, что у меня тяжелое наследственное заболевание — мания двуличия. Все, что не содержит в себе противоречия, исключено для меня. Я влюблен в Спящую Уродину и хотел бы жениться на ней, но, поскольку именно *такое* положение дел не противоречит поцелую, как раз он-то для меня и невозможен.

— Это настолько серьезно? — спросил Петропавел.

— Очень, — снова заплакал Слономоська. — Когда я понял, что могу сделать Спящую Уродину несчастной, если предложу ей жизнь без поцелуев, я решил покончить с собой. Но и это оказалось невозможным. Я так и не сумел решить, *кого* убить в себе — Слона или Моську: ведь в соответствии с моей противоречивой природой, убив одного, я должен был сохранить жизнь другому. И я понял тогда, что *весь* я не умру.

— М-да, — сказал Петропавел. — Печальная история. А чего Вы на *меня-то* взелись, если сами не собираетесь целовать Спящую Уродину?

— Но ведь Ваша природа не столь противоречива! Для Вас *ненормально* целовать не любя? Поэтому, прежде чем целовать Спящую Уродину, Вы как нормальный человек — а я надеюсь, что передо мною нормальный человек! — *обязаны* влюбиться в нее. В противном случае я растопчу Вас. — Петропавел посмотрел на страшного Слономоську и понял, что тот растопчет. — Однако, — продолжал между тем Слономоська, — влюбиться в нее Вы, конечно, не сможете. Она страшна, как смерть.

— Не скажите, — задумчиво возразил Петропавел. — Смерть страшнее. — Слономоська улыбнулся, восприняв это заявление как комплимент Спящей Уродине, а Петропавел с грустью подытожил: — Но Вы скорее уговорите меня жениться на ней — это все-таки во многом внешняя сторона дела, — чем влюбиться в нее: тут уж, как говорится, сердцу не прикажешь!

Они помолчали. Ситуация казалась безвыходной.

— Я думаю, — очнулся вдруг Слономоська, — что при решении вопроса нам нужно исходить из интересов Спящей Уродины. Она все-таки *женщина*. Кого из нас она предпочтет?

— Конечно, Вас! — уверенно ответил Петропавел. — Страшных всегда к страшным тянет.

— Правда? — обрадовался Слономоська и рассмеялся.

Петропавел хотел ответить, что, дескать, правда, но он не был так уж уверен в истинности последнего суждения и смолчал насчет страшности, а сказал следующее:

— Это можно узнать только от нее самой. Однако она спит, и черт ее разбудит!

— Не черт, а кто-то из нас, — уточнил Слономоська. — Если Вы, то я Вас растопчу.

— Помню, — нарочито небрежно заметил Петропавел.

— Итак, что же мы имеем? — начал рассуждать Слономоська. — Во-первых, мы имеем меня, который любит и хочет жениться, но не может поцеловать. Во-вторых, мы имеем Вас, который хочет поцеловать и, в крайнем случае, если я правильно понял Ваше заявление, мог бы жениться, но не в силах полюбить. Состав *явно* неполон. Нам необходим третий, который любит и хочет поцеловать, но не может жениться.

— А на кой он нам? — не понял Петропавел.

— Если предлагать Спящей Уродине выбор, то нехорошо предоставлять в ее распоряжение *часть* вместо целого. Если Вы, например, угощаете меня яблоком, то в высшей степени невежливо предлагать мне уже надкушенный плод. Итак, есть ли у нас кандидатура? — Слономоська задумался и приблизительно через час воскликнул: — Она у нас есть! Это Бон Жуан. Самое страшное для него — жениться, а любить и целовать он, в крайнем случае, согласиться может!

— Но она же *спит!* — иерихонской трубой возопил Петропавел. — Как же можно предлагать ей какой-то выбор — *спящей?*

— Спит, спит!.. — проворчал Слономоська. — Подумаешь, спит! *Мы все спим!* Проснется — опять уснет, ничего с ней не сделается. Вопрос, между прочим, для нее важен — не для нас! А не захочет проснуться — пусть дрыхнет, пока не подойдет во сне!

Петропавла, конечно, удивил такой тон в адрес невесты, но он сделал вид, что все в порядке.

— Есть более серьезная проблема, чем ее сон, — озабоченно продолжал Слономоська. — Предположим, будить ее придется Бон Жуану: мы ведь не знаем ее — вдруг она злая, как собака? — а он умеет разговаривать с любыми женщинами. Но вот в чем дело: как объяснить все это Бон Жуану, если он вообще не вступает в беседы с лицами мужского пола? Может быть, нам переодеться?

— Я переодеться не буду! — немедленно заявил Петропавел: ситуация и без того казалась ему достаточно идиотской — не хватало еще сложностей с полом!

— Ну, а мне просто ни к чему, — самокритично сказал Слономоська. — Меня в любой одежде узнают.

Петропавел не понял, зачем тогда надо было это предлагать — тем более, во множественном числе, но не проронил ни звука.

— Стало быть, для разговора с Бон Жуаном нам нужен посредник. И им должна быть женщина.

— Шармен! — ехидно встрял Петропавел.

Слономоська поморщился, не услышав иронии:

— Для Шармен нужно создавать *специальные условия*, — например, посадить ее под стеклянный колпак, чтобы она не могла *оттуда* обнимать и целовать Бон Жуана, когда будет с ним говорить. А потом, я и сам не хотел бы подвергать себя опасности, пока объясняю ей задачу. Тем более что я жених. Так что Шармен отпадает.

— Белое Безмозглое! — продолжал издеваться Петропавел.

— Ни в коем случае! — простодушно воскликнул Слономоська. — Во-первых, оно проспит все объяснения и заснет на собственных, а во-вторых, ни у кого нет никакой уверенности в том, что оно *действительно* женщина! Не думаю, чтобы Бон Жуан закрыл на это глаза.

Тут Слономоська принялся метаться по площади, пока наконец не вскрикнул: — Вот она! Нашел!.. С Бон Жуаном будет говорить Тридевятая Цаца. Тем более что Тридевятая Цаца — моя невеста.

— Вторая? — поразился Петропавел.

— То есть как — «вторая»? — тоже поразился Слономоська.

— Погодите, погодите... — Петропавел очень заинтересовался. — Вы же сказали, что Спящая Уродина — Ваша невеста!

Слономоська задумался:

— Какой Вы, право!.. Прямо как на суде! На Страшном суде!.. Действительно, нечто в этом роде я говорил. Не знаю, как такое случилось... Видите ли, я не употребляю слов в *жестких* значениях: во-первых, они сами не очень любят жесткие значения, а во-вторых, это слишком ко многому обязывает. И трудно потом выкручиваться. Я же имею обыкновение заботиться о своих тылах: будучи чертовски противоречивым, я всегда должен иметь возможность отступить в надежное укрытие. Хм... Спящая Уродина — моя невеста. Тридевятая Цаца — моя невеста. Знаете, я не думал над *данным* противоречием. Будем считать его несущественным.

Петропавел даже крикнул от изумления.

— Почему Вы крикаете? — поинтересовался Слономоська.

— Да потому что как раз *данное* противоречие нельзя считать несущественным! Ради чего же тогда огород городить и добиваться от Спящей Уродины признаний с

помощью Тридевятой Цацы, если сама Тридевятая Цаца — Ваша невеста? Тут *все* непонятно!

Слономоська молчал и думал.

— Никак не возьму в толк, о чем Вы, — признался он наконец. — Ясно ведь, что мои высказывания о невесте *в настоящий момент* представляют собой суждения философские, а не эмпирические... Но даже если бы это были эмпирические суждения, *Вам-то* какая разница?

— Ну-у, я исхожу из того... — Петропавел задумался, из чего же он исходит: обозначить это оказалось трудно, и он обозначил общо: — Я исхожу из... *порядка вещей*. Есть порядок вещей! — воодушевился он. — В соответствии с ним, даже если у человека, как это бывает на Востоке, несколько жен, то невест — одновременно! — не может быть несколько.

— А с чего Вы взяли, что у меня их *несколько*?

— По крайней мере, две!

— Откуда же две? — заторговался Слономоська. — *Одна* у меня невеста, только *по-разному называется*: Спящая Уродина и Тридевятая Цаца... Поясню это на примере, — Слономоська неизвестно откуда взял мел и вычертил на асфальте схему, которая, как выяснилось впоследствии, не имела отношения к его дальнейшим рассуждениям. — Вообразите, что на пальце у меня украшение.

— Не могу, — честно сказал Петропавел: у Слономоськи не было пальцев.

— Неважно, — поспешил заметить Слономоська. — Так вот, на пальце у меня украшение с большим камнем. Вы подходите ко мне и спрашиваете: «Что это у Вас на пальце, Слономоська, — кольцо или перстень?» — «Не знаю точно», — отвечаю я Вам. Теперь скажите, *сколько*, по-вашему, украшений на моем пальце?

— Одно, — ответил Петропавел, все еще недоумевая.

— Действительно, одно, — подтвердил Слономоська. — Только оно может называться и так, и эдак. *Следовательно*, и невеста у меня одна.

— Извините! — не хотел сдаваться Петропавел. — Кольцо и перстень — это обозначения одного и того же предмета, это синонимы, а Спящая Уродина и Тридевятая Цаца — не синонимы. Это имена, и они относятся к разным лицам!

— По-моему, Вы следите только за поверхностным уровнем моих высказываний, а надо ведь считаться не только с тем, что выражает слово своей оболочкой, но и с тем, что оно *в принципе* может выразить! Пусть упомянутые имена относятся к разным лицам, зато к одному *понятию*: невеста, — резюмировал Слономоська.

Однако, по мнению Петропавла, резюмировать было еще рано:

— Вы же не с понятием дело иметь будете, а с живыми существами!

— Именно с *понятием* — при чем тут живые существа? Хороши живые существа — одна вообще не дана в чувственном опыте и находится за тридевять земель, а другая на сегодняшний день спит как мертвая, то есть все равно, что отсутствует в мире! — Слономоська сокрушенно вздохнул и вычертил еще одну бесполезную схему. — Ладно. Приведу другой пример. Предположим, я говорю, что преподношу Вам на день рождения гусыню. Но я только заявляю об этом, а гусыни не даю. Сделал я Вам в таком случае подарок или нет?

— Конечно, нет! — воскликнул Петропавел.

— А по-моему, сделал! — обиделся Слономоська. — Пусть я не подарил Вам гусыни, но *что-то* все-таки подарил — понятие подарил, фиктивную философскую сущность подарил... Тоже немало! — Он сделал паузу и гневно добавил: — Человек Вы, между прочим, расчетливый и меркантильный!

Пропустив этот вывод мимо ушей, Петропавел сосредоточился на заинтересовавшей его подробности — и тут его осенило:

— Значит, речь идет о фиктивных философских сущностях! Но из этого следует, что у Вас вообще нет невесты *как таковой*.

— Неплохо, — поощрил Слономоська. — Вы были бы правы, если бы то, что у меня есть невеста, не следовало из более ранних моих высказываний. А их было два. Произнесу эти высказывания от третьего лица: *Тридевятая Цаца — невеста Слономоськи; Спящая Уродина — невеста Слономоськи*. Стало быть, в качестве предпосылки годится утверждение: у Слономоськи *есть* невеста.

— Да пусть у Слономоськи будет хоть пять невест! — вспыхнул Петропавел, которому все это уже надоело.

— Пусть! — покорно согласился собеседник. — Нам с Вами *дела нет* до Слономоськи.

— То есть как? — оторопел Петропавел. — До самого себя Вам, что ли, нет дела?

— Почему «до самого себя»? Ведь это *Вы* квалифицировали меня как Слономоську! А я не Слономоська, точнее, Слономоська — не я. Если бы я был Слономоськой, я не стал бы разговаривать с Вами после того, как убедился в том, что Вы — свинья. Даже две свиньи.

— Сами Вы две свиньи! — дошел до ручки Петропавел.

— Не надо быть таким обидчивым, — мягко заметил Слономоська, — Вам это не идет. Поговорим лучше о деле, которому мы служим... Через час сюда прибудет Паросенок — мы сгоняем за Тридевятой Цацей — хорошо бы ей быть где-нибудь поближе: вдали она уж очень велика! — и за Бон Жуаном, доставим их сюда, и я, завязав вам всем глаза, поведу вас всех к Спящей Уродине. Путь к ней долог и труден, а знаю его один я, но тайну эту унесу с собой в Вашу могилу.

Услышав про могилу, Петропавел только покачал головой.

... Поразительно было уже то, как Паросенок мог, не сбавляя скорости, везти на себе такую громадину — Слономоську, хотя на самом деле под силу ему оказались и четыре пассажира, опять-таки включая пресловутого Слономоську. Впрочем, все четверо были благополучно доставлены к НАСЕЛЕННОМУ ПУНКТИКУ — только на окраину, чтобы не будоражить горожан и не пробуждать в них желания Слономоську *водить*.

На протяжении всего пути Бон Жуан любезничал с Тридевятой Цацей, не обращая никакого внимания на спутников, что, впрочем, не раздражало последних: они были заняты — непрерывно дулись друг на друга и раздулись до невероятных размеров, чуть не вытеснив с ограниченного все-таки пространства Паросенка как Бон Жуана, так и Тридевятую Цацу. А Тридевятая Цаца всю дорогу вела себя неопишимо странно: она выла по-волчьи и пыталась разрисовать фломастером плащ Бон Жуана — причем хотелось ей цветами, а получалось — плодами.

Уже на окраине города, улучив момент, пока Бон Жуан смывал с плаща плоды в маленькой луже, где лежал Б.Г.Мот, Слономоська *кое-как* втолковал Тридевятой Цаце, что от нее требуется. Она, *кажется*, поняла это, выразив понимание весьма причудливым образом: конским храпом с перемежающейся хромотой. После объяснения Слономоська увел все еще сердитого на него Петропавла, чтобы Тридевятая Цаца в спокойной обстановке могла рассказать Бон Жуану о его задачах.

Когда же прошло достаточно времени для того, чтобы Бон Жуан осознал значимость возложенных на него обязанностей, Слономоська вместе с Петропавлом вернулся к оставленной паре, и взорам их открылось ристалище: пара сражалась в крестики-нолики, забыв обо всем на свете. Не обратив на это внимания, Слономоська заговорил:

— *Друзья, римляне и сограждане!* — он цитировал не «Юлия Цезаря» Шекспира, а «Охоту на Снарка» Льюиса Кэрролла, но никто из присутствующих ни того ни другого не читал и цитаты не опознал. — Наши с вами задачи, пожалуй, посложней, чем

у Бомцмана, Булочника, Барристера, Бандида и других!.. — Слономоська настойчиво продолжал без ссылок цитировать никому не известный текст. — Вспомним этих славных людей: им достаточно было только *поймать* Снарка — целовать же его было необязательно. А нам с вами целовать Спящую Уродину придется *обязательно!* И от того, *правильно ли* мы ее поцелуем, зависит наше будущее. Я не стану рисовать его в радужных красках: очень может быть, что все мы погибнем от руки или ноги Спящей Уродины, когда она наконец проснется. Но это пустяки. *Подобной* смерти бояться не надо!..

Друзья! Трудно сказать, что ожидает нас, — ясно одно: *так* продолжаться больше не может. *Отныне* Спящая Уродина не должна лежать непоцелованной где-то там, далеко от нас. Она должна лежать среди нас — поцелованной!..

— ...или мертвой! — неожиданно вернула Тридевятая Цаца и дико захохотала.

— Что Вы имеете в виду? — испуганно спросил Слономоська.

— Ах, да ничего! — прошептала Тридевятая Цаца на ухо Слономоське, после чего, наклонившись к уху Бон Жуана, гаркнула туда: — Это я *так!* Для странности! — А тот горячо зааплодировал в ответ.

— Чему Вы аплодируете? — возмутился Слономоська.

Бон Жуан повернулся к нему спиной и громко спросил у Тридевятой Цацы:

— Разве этот Слономоська — женщина? Почему он хочет, чтобы я разговаривал с ним? Спросите его *самого* о его поле!

Тридевятая Цаца спросила. Слономоська ответил, что он не женщина. И добавил, что он мужчина.

— Как он ответил? — поинтересовался Бон Жуан.

Тридевятая Цаца, все переврав, повторила ответ Слономоськи — и почему-то получилось, что он не только не женщина, но и не мужчина. А Бон Жуан сказал в пространство:

— Как часто мы *по собственной воле* оказываемся в дурацком положении!

— Выступаем в полночь! — рывкнул вдруг Слономоська, прекратив косвенные препирательства с Бон Жуаном.

Это заявление возмутило уже Петропавла:

— Почему в полночь? Другого времени, что ли, нет?

— Это самое *неудобное* время, какое я могу предложить! — мстительно произнес Слономоська, мстя непонятно кому.

Петропавел глубоко вздохнул и спросил:

— Когда же у вас тут полночь?

— Полночь уже наступила! — быстро откликнулся Слономоська. — Так что мы опоздали и должны теперь очень спешить.

Глядя на ослепительное солнце, Петропавел просто вознегодовал:

— Вот еще, спешить! До сих пор не спешили, а теперь будто что случилось: мы — разве в какое-нибудь *определенное* время должны ее целовать?

— О да! — проникновенно заговорил Слономоська. — Спящую Уродину лучше всего целовать на рассвете... Может быть, на вид она действительно тошнотворна, однако масштабность ее как явления природы восхищает! Она велика и могуча, словно... — Тут Слономоська поискал подходящего сравнения и нашел его: — Словно великий и могучий русский язык.

— Как же Вы собираетесь на ней жениться? — уличил его Петропавел. — Вам... *не много ли* будет?

— Нет, мне нравятся *рослые*, — отвечал простодушный Слономоська.

— А Вы уверены, что она вообще-то проснется от поцелуя?

— На сто процентов! Конечно, если поцелуй будет *сладок*... Прекратите же наконец игру! — крикнул он Бон Жуану и Тридевятой Цаце. Те игру продолжали.

— Может быть... если мы собрались уже *в последний путь*, — вздохнул Петропавел, — настало время пригласить остальных? Все-таки историческое событие...

— Обойдутся! — грубо сказал Слономоська. — Поцелуй Спящей Уродины — это таинство. Скажите спасибо, что *Вас* пригласили!

Петропавел не понял последнего заявления, но смолчал и подумал, что, если путь к Спящей Уродине *действительно* долог и труден, то имело бы смысл, скажем, выспаться — необязательно же выступать именно в *сегодняшнюю* полночь!

— Дождались бы завтрашней полночи, — проворчал он. — Глядишь, *послезавтра на рассвете* и были бы на месте.

— Послезавтра? — с доброй улыбкой посмотрел на него Слономоська. — Даже если мы выступим сегодня, то успеем лишь к рассвету сто сорок девятого дня.

— Какая точность расчетов! — изумился Петропавел. — А если кто-нибудь из нас сломает ногу в пути?

— Придется убить его, — просто ответил Слономоська. — А самим поспешить дальше.

— Но тогда ведь *состав будет неполон!* А Вы утверждали, что нужен *полный* состав.

— Пожалуйста, соблюдайте разницу между тем, что *высказывается*, и тем, что *утверждается*. Я действительно *высказывал* что-то в этом роде, но ничего подобного *не утверждал*.

Тут Слономоська глубоко вздохнул, чтобы в его тяжелые легкие набралось побольше воздуха, и истошно заорал:

— Вперед!

Самозабвенно резавшиеся в крестики-нолики Бон Жуан и Тридевятая Цаца, вздрогнув, сорвались с места и в мгновение ока скрылись из виду.

Слономоська выругался.

— Разве они тоже знают, где лежит Спящая Уродина? — воскликнул Петропавел. — Этого же, кроме Вас, не знает никто!

— А откуда у Вас такая уверенность, что они *именно туда?* — Слономоська опять вздохнул. — Ох, наказание Господне... А Вы не заметили, в какую сторону они унеслись?

Петропавел заметил и показал.

— Ну, что ж... Попробуем поверить, что они на правильном пути. За мной!

И тут его как ветром сдуло.

* * *

«Ехал грека через реку ...»

Такое, значит, у этой истории начало.

И тут, прежде всего, надо разобраться с половой принадлежностью героя (героини), что, к сожалению, весьма затруднительно. Может быть, этот вопрос и допустимо квалифицировать как праздный, однако все-таки интересно: если она мужчина, то почему «грека», а если он женщина, то почему «ехал»? В общем, какая-то несуразность во всем этом сразу же ощущается: нам, вроде бы, с самого начала пытаются заморочить голову, нас прямо с порога начинают дурачить в открытую. С единственной, по-видимому, целью: выбить почву из-под наших ног, иными словами — подорвать в нас веру в собственные интеллектуальные возможности.

Во-первых, дескать, у нас не все в порядке с проблемой половой идентификации личности, а во-вторых — с проблемой идентификации национальной. Действительно, национальную принадлежность особы, ехавшей через реку, определить ненамного проще, чем половую. Есть некоторая *вероятность*, что особа эта греческого происхождения. Но особ греческого происхождения именуют либо «грек», либо «гречанка» — и уж никак не «грека»... Это самое «грека» заставляет усомниться в подлинности едущего через реку персонажа, но — увы. Нам ничего не остается, как удовольствоваться таким национально-половым гибридом (упорядочив, правда, грамматические характеристики и тогда уж последовательно сочетая слово «грека» с формами женского рода), и посмотреть, что там с этим гибридом происходит дальше. А дальше события развиваются так:

«Видит грека: в реке рак».

Ну, в целом это, конечно, можно принять (если уж мы «греку» приняли!) — правда, тоже не без оговорок.

Вообще-то раки, как известно, локализуются на дне реки. Дна же в данном случае, по ситуации, вроде как не должно быть видно. Ведь сам факт того, что грека через реку ехала (а не шла через нее вброд), заставляет предположить известную глубину, делающую данную реку, как бы это сказать, судоходной. Стало быть, наша *глубокая* река должна была быть немислимо прозрачной, чтобы на дне ее оказалось возможно увидеть рака и *особенно* — идентифицировать его в качестве такового, а не в качестве, например, краба. (Кстати, это заставляет предположить в греке недюжинные зоологические познания: с такого расстояния — и не ошибиться!..) Приходится допустить, что столь высокая степень прозрачности в самом деле имела место — и грека действительно увидела сквозь толщу воды рака, и идентифицировала его, предположим так: передо мной рак.

Что же делает грека дальше?

А дальше грека ведет себя в высшей степени странно, о чем сообщается в следующих выражениях:

«Сунул грека руку в реку...»

Этот поступок не поддается осмыслению в сколько-нибудь рациональных категориях. Будем исходить из того, что грека обладает хотя бы некоторыми предварительными знаниями о раках. Иначе, зорким глазом увидев сквозь толщу воды некоего представителя подводной фауны, грека не могла бы соотнести его с классом ракообразных и пребывала бы в полном неведении относительно того, кто там разгуливает по дну реки. На деле же грека опознала в раке — рака, а также, скорей всего, предположила наличие некоторых вытекающих отсюда последствий. И, *тем не менее*, грека безрассудно сует руку в реку, непонятно чего дожидаясь.

В общем и целом, поведение греки в данной ситуации мыслится как, мягко говоря, аномальное, а сама грека — как, извините, круглая дура. Ведь для человека, обладающего столь обширными зоологическими познаниями (а именно таким человеком *уже* зарекомендовала

себя в наших глазах грека), совершенно очевидно, что последует за этим сованием руки в реку. Однако сование все-таки состоится, заканчиваясь, как тому и надлежит быть, в высшей степени плачевно:

«Рак за руку греку цап!»

Смириться с данным финалом нет сил. Перед мысленным взором вереницей проходит унылая череда абсолютно тождественных и столь же бредовых ситуаций: например, ехал негроид через реку, видит негроид: в реке крокодил, сунул негроид голову в реку... или: ехал индеец через лес, видит индеец: в лесу берлога гризли, сунул индеец туловище в берлогу... и так далее.

В каждом конкретном случае интеллектуально полноценное существо воздержится от подобных действий. И это заставляет предположить, что «грека» не есть представитель Греции, давшей миру образцы самой высокой интеллектуальной деятельности, а что, напротив, «грека» — это, скажем, кличка, означающая умственно отсталого субъекта или что-нибудь в этом роде.

В любом случае данную историю следовало бы переписать — хотя бы таким образом: ехала, дескать, гречанка через реку и, предположив наличие рака в реке, захватила с собой корзину с тухлым мясом. Опустив в реку эту корзину, гречанка собрала на тухлое мясо множество раков, которых по одному и перебила на берегу.

Правда, зачем она это сделала и почему должна была быть именно гречанка, останется, по-видимому, загадкой.

Глава 13

Этот тот свет

Слономоська исчез из виду так быстро, что Петропавел даже не успел опомниться. А когда он опомнился, вокруг был только Белый Свет. Белый Свет — и ничего больше. Все, что Петропавел знал про Белый Свет, — это то, что по нему идут. И он пошел по Белому Свету, проклиная свою нерасторопность.

— Нерасторопность, — внятно говорил он на ходу, как бы обращаясь к нерасторопности, — я проклинаяю тебя!

Сказав так раз пять-шесть, он услышал в ответ:

— Ну и правильно.

При этом мимо него быстро прошел кто-то. Настолько быстро, что Петропавел даже не успел разглядеть, кто это был. Он так и спросил:

— Кто это был?

— Я это был, — и опять кто-то стремительно прошел мимо, и опять конец фразы Петропавел услышал уже вроде как издали. Короткой, кстати, фразы.

— И что же? — растерялся он. — Вы уже ушли?

— Такое впечатление, что да.

... и уследить этими мельканиями было совершенно невозможно.

Ну, ушел так ушел. С ушедшим нет смысла и разговаривать. Приняв это решение, Петропавел продолжал идти по Белому Свету.

— Правда, я *опять* приходил, — сначала сзади и тут же спереди донеслось до него.

— Как-то Вы *ненадолго* приходите, — на всякий случай сказал Петропавел. И в ответ мимо него — этаким ласточкой — пролетел смех.

— Весельчак! — тяжело вздохнул Петропавел, пытаясь сосредоточиться на мысли об утраченном Слономоське. Попытка оказалась неудачной: мимо все время ходили взад-вперед.

— Кто бы Вы ни были, Вы немножко мешаете мне сосредоточиться, — напрямик заявил Петропавел, не переставая идти по Белому Свету. — А я бы очень хотел сосредоточиться, потому что я лишился существа.

— Подумаешь! — Теперь голос звучал насмешливо. — У каждого из нас гораздо больше, чем *одно* существо.

— Я имел в виду Слономоську, — уточнил Петропавел.

— А я — Вас, потому что Слономоська никогда Вам не принадлежал. Нельзя лишиться того, что тебе не принадлежит. А лишиться одного из *своих* существ — это не трагедия.

— Маскарад жизни? — вспомнил Петропавел вслед удаляющемуся голосу.

— Только отчасти — *жизни*, — все еще издали, но уже с другой стороны отозвался некто. — Маскарад — это шутки Пластилина. На самом деле он гораздо тоньше, этот Пластин. Просто иногда прикидывается поверхностным.

Петропавла слегка огорчил столь развязный тон в адрес Пластилина Мира, но он счел возможным промолчать. А хождение взад-вперед продолжалось. И это раздражало.

— Может быть, настало время познакомиться? — осведомился он без особой учтивости.

— Вам со мной?

— Нам *друг с другом*, — строго возразил Петропавел.

— А я с Вами знаком. Тут о Вас каждому пню уже известно.

— Вы пень? — аккуратно сострил Петропавел.

— Я Блудный Сон, — не в тон сказали рядом. — Если это Вам что-нибудь говорит.

Петропавел честно подумал и честно сказал:

— Говорит. Но не это.

— А *какому из Ваших существ* что-нибудь говорит пусть даже не это?

Петропавел вопроса не понял. И ответа не знал. Когда собеседнику это стало ясно, он заметил откуда-то слева:

— Никак не ожидал, что после всего случившегося Вас может поставить в тупик такой простой вопрос.

— Ну, насчет *простого* вопроса... — нерешительно начал Петропавел и решительно закончил: — У меня *одно* существо.

— Это шаг назад, — сокрушился Блудный Сон спереди. — Впрочем, теперь я понимаю, почему именно Вам поручена такая глупость... целовать Спящую Уродину! Все-таки Вы единственный кандидат. Нечего было с Бон Жуаном и огород городить.

Петропавел прекратил идти по Белому Свету и сел в сторонке. Он сел, чтобы спросить:

— Чего Вы от меня хотите, а, Блудный Сон?

— Почему Вы думаете, что все от Вас чего-то *хотят*? На самом деле от Вас как от... *Вас*, то есть от Вас как *такового* никому ничего не нужно, — Блудный Сон, казалось, мелькал уже со всех сторон.

— Ну... положим, кое-что нужно. Чтобы я, скажем, поцеловал Спящую Уродину как свою возлюбленную, — с некоторой даже гордостью заметил Петропавел, стряхивая с плеча несуществующую пылинку.

— Да полно Вам! — долго рассмеивался и наконец рассмеялся Блудный Сон. — Нашли себе занятие... кавалер!

Петропавел — тоже смешком, правда, нервным — поддержал странную шутку, но, как говорится, делу дать хотя законный вид и толк... В общем, он разъяснил Блудному Сону следующее:

— Видите ли, тут все очень серьезно. В соответствии с легендой, издавна бытующей в этих краях, должен прийти *бесстрашный и глупый человек, чтобы поцеловать Спящую Уродину как свою возлюбленную*...

— И кто же этот бесстрашный и глупый человек? — перебил Блудный Сон.

— Я, пусть это и нескромно звучит, — скромно сказал Петропавел и очутился просто-таки в кольце смеха.

— Вы шутите? — прорвалось сквозь смех.

— Да какие уж тут шутки! — Петропавел поднялся, чтобы идти дальше.

— Ну и ну! А Вы еще удивительней, чем о Вас рассказывают! В первый раз наблюдаю человека, который с такой охотой соглашается с тем, что он не только бесстрашен, но и глуп. И даже испытывает от этого гордость. Эко Вас *заморочили*...

Петропавел почувствовал, что *весь* Белый Свет уходит у него из-под ног.

— Вы хотите сказать... Вы хотите сказать, — он явно не находил слов, этот бедный Петропавел, — что меня разыгрывали... разыграли? Что мне элементарно морочили голову?

— Ну уж, элементарно! — чуть ли не разгневался Блудный Сон. — Тут элементарно ничего не делается: тут мастера высшего класса. Они достигли совершенства в своем искусстве.

— Искусстве морочить голову? Значит, весь этот спектакль... такой долгий и подробный...

— Инсценировка, я бы сказал. Спектакля на сей раз не ставили — обошлись инсценировкой. Спектакль требует очень больших затрат энергии и обстоятельной проработки.

Петропавел почувствовал себя вправе оскорбиться, что и сделал тотчас же.

— Получается, — отдельно сказал он, — я такой дурак, что...

Продолжать не стал, оставил как есть.

— Получается, — сочувственно согласился Блудный Сон.

— Ну, все ясно, — Петропавел поднялся и побрел по Белому Свету, не думая больше об утраченном Слономоське.

Действительно, если все это только инсценировка... Может быть, обратной дороги вообще нет? Может быть, пора уже как-нибудь обжиться тут, обзаводиться хозяйством — или чем они здесь обзаводятся? Похоже, ничем не обзаводятся... вот тоска! Нет, но как же так получилось? Взорвался пирог с миной... А потом сразу же начала происходить вся эта чушь. Или с тех самых пор мне просто снится сон?

— Вот-вот, в высшей степени продуктивная мысль!

Петропавел не отвечал. Петропавел влачился по Белому Свету. Но тогда выходит, он просто заснул во время званого ужина, чего решительно никак быть не могло. С какой это стати — взять и заснуть! Кроме того, значит, он и сейчас спит, а это уже вовсе, извините, абсурд. Все-таки, по большому счету, человек ведь отдает себе отчет в том, спит он в данный момент или не спит. Но даже если человек не отдает себе в этом отчета...

— Вот-вот, вторая в высшей степени продуктивная мысль!

... отчета, то и тогда есть способ стряхнуть сон усилием воли до того, как он превратится в кошмар! И человеку это обычно удается. Если... если же не удастся, стало быть, это не сон. Догадка вызвала у Петропавла озноб. *Стало быть, это смерть!*

— Вот-вот, третья...

— Хватит считать! — рявкнул Петропавел и — испугался.

Если теперь он все-таки на Том Свете — правда, опять же странно, что он не заметил, когда умер, — вряд ли стоит так орать на его обитателей. Какой-то и впрямь он подозрительный, Белый этот Свет...

— Прошу извинить меня, — начал Петропавел как мог вежливо, — но я вот еще не собрался тут у кого-нибудь спросить... мы, что же, на Том Свете?

— На «том» — это, простите, на каком? — с изысканным любопытством поинтересовался Блудный Сон.

— Ну... на лучшем, — неуклюже польстил Петропавел.

— В известном смысле — на лучшем, — лаконично поддержал его Блудный Сон.

Петропавел решил, что комментарии не будет, но комментарии были, и странные:

— Если мы с Вами, дорогой Вы мой, сумеем договориться, что считать лучшим, что худшим.

«А он провокатор, Блудный этот Сон! — подумал Петропавел. — Вот скажи я сейчас, что лучший — это тот свет, то есть этот свет... нет, именно, конечно, тот — не тот вообще, а тот, на котором мы сейчас находимся, то есть этот...» Петропавел запутался окончательно и спросил в лоб (удувив момент, когда, по его представлениям, лоб Блудного Сона промелькивал мимо):

— Я, простите, жив или умер?

— Это как посмотреть... или откуда посмотреть.

— Меня вообще-то интересует не философская сторона этого вопроса, а... как бы это сказать, практическая, физиологическая то есть.

— Что Вам сказать? — Кружение Блудного Сона, кажется, несколько замедлилось. — Практически Вы живы. Но вообще-то Вы не по адресу обратились. Я отвечаю только за философскую сторону бытия. И в этом плане мог бы сказать, что одно существо в Вас уже умерло, другое все еще живо, но скоро умрет, третье спит, однако вот-вот проснется, четвертое думает, что спит, а на самом деле бодрствует, пятое наблюдает за этим бодрствующим и думает, что само бодрствует, а между тем спит и это ему снится...

— Благодарю Вас, я все понял.

— Вы прямо как Еж! — восхитился Блудный Сон. — И все же... еще минутку! Я очень рекомендовал бы Вам поразмышлять о том из Ваших существ, которое вознамерилось *на полном серьезе* целовать мифическую и спящую Уродину, считая себя бесстрашным глупым человеком и, по-видимому, таковым *являясь*, во исполнение одной допотопной легенды... И о другом Вашем существе, которое догадывается, что все допотопные легенды сомнительны, и, кроме того, вообще склонно оспорить тезис о своем бесстрашии и глупости, считая себя, скорее, трусливым и умным!

— Я не хочу и не буду размышлять обо всем этом, — Петропавел держался руками за голову. — Мне тут навязали чужую легенду, убедили в необходимости ей следовать, я следовал... а теперь говорят: «Не следуй ей, это чепуха, тебя разыгрывают!» Я просто теряюсь...

— Но ведь вопрос не в том, разыгрывают — не разыгрывают...

— А в чем?

— А в том, насколько *Вы сами* позволяете себя разыгрывать...

— Я не позволяю! Не позволяю! — дважды сделал заявление Петропавел.

— Вот и пеняйте на себя. Хозяин барин!

— Но... получается, тут вообще верить никому нельзя! Между прочим, и Вам в том числе.

— Я Сон, с меня взятки гладки. Снам хочешь верь, хочешь нет, знаете ли...

— Так мне *не* целовать Спящую Уродину? *Не* устраивать всего этого... с Бон Жуаном и прочими? Инсценировка, значит... Да где же Вы?

— Я, как бы это сказать, блуждаю поодаль, — такой ответ услышал Петропавел. Но это был ответ на последний его вопрос — вопрос для него, кстати, не очень важный. А о Спящей Уродине — ни слова.

Петропавел подождал сколько вытерпел и, не дождавшись, пристальным взглядом исследовал пустынные окрестности Белого Света, чтобы... Ничего давно уже не осталось от всех его «чтобы» — и от этого последнего «чтобы» тоже ничего не осталось.

— Зачем я живу? — с отчаяньем почти крикнул он.

— Вот хорошая постановка вопроса, — одобрил издали Блудный Сон. — Теперь бы только *не ответить* на него — и тогда Вы само совершенство.

— Можете считать меня совершенством прямо сейчас, — грустно пошутил Петропавел. — Я не отвечу, — он вздохнул. — Выработали мы замечательный план со Слономоськой, чтобы я мог, в конце концов, поцеловать эту пресловутую Спящую Уродину, если она, конечно, предпочтет меня...

— *Чтобы?* — Блудный Сон даже задержался на мгновение — впрочем, виден не стал все равно.

— *Чтобы* она пробудилась от сна...

— *Чтобы?*

— Чтобы, пробудившись от сна, встала и освободила мне дорогу!

— Чтобы?

— Да что ж Вы заладили-то, ей-богу!.. Чтобы по этой дороге мне уйти домой и — жить дальше! Но всех этих «чтобы» уже не существует.

— Жить дальше — и только-то? Живите дальше *здесь*... где это тоже не возвращается.

Петропавел усмехнулся.

— Интересное дело! Чего ради мне жить здесь, если у меня вообще-то дом есть? И потом, *другие* у меня планы, понимаете?

— Понимаю, чего ж тут не понять? Человек предполагает, а Бог...

— Вы думаете, это... Бог вмешался?

— Экий Вы, однако! Что за формулировки — «вмешался»! Вы бы хоть понимали, что Бог *не может* вмешаться, потому как вмешиваются обычно в *чужие* дела. А для Бога нет «чужих дел», ибо *все* в руках Божьих — о каком, извините, «вмешательстве» идет речь? Просто-напросто Ваши прежние планы не соответствовали Божьему промыслу. Просто-напросто Вы ошиблись... *ошибались* — и только.

— Все время ошибался?

— Все время.

— И как же мне теперь? — Петропавел пристально взгляделся в пространство: на секунду ему показалось даже, что он увидел Блудного Сона.

— Вернуться к началу, дорогой мой! Что там было в начале, ну-ка?

— В начале было... слово.

— Вот к слову и вернитесь.

— К какому-то определенному слову?

...М-да, такого продолжительного периода чужого смеха Петропавлу еще не приходилось переживать. Но переживал он его, к чести сказать, мужественно. И дождался исхода. Исход был таков:

— Вне всякого сомнения, дорогой мой, Вы все еще спите, — сказал Блудный Сон. — Вы спите, и я Вам снюсь.

— А другие? Другие тоже приснились?

— Ну, это Вы у других и спросите.

— А вот... что касается Вас, долго Вы еще будете мне сниться?

— Не знаю, а что?

— Да нет, просто... Просто все совсем иллюзорно стало.

— Иллюзорно и было, только Вы не замечали. А теперь... теперь я Вас поздравляю.

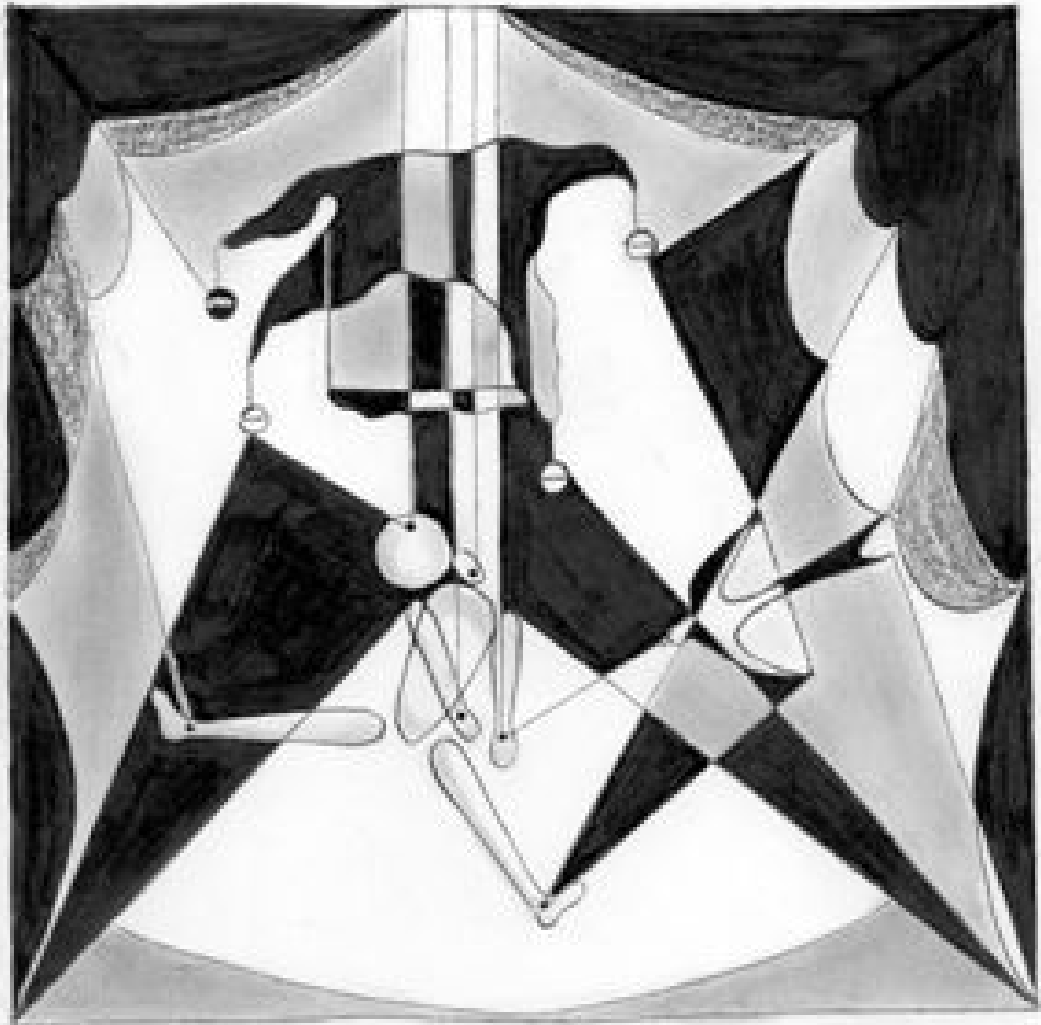
— С чем?

— Ну, как же, заметили все-таки! Многие вообще ничего не замечают. Так и живут, думая, что *правда* живут.

— А на самом деле?

— А на самом деле-теле, тили-тили, тили-бом!

— Поконкретнее, прошу Вас! — взмолился Петропавел. Раз взмолился, два взмолился... Но никого больше ни рядом, ни поодаль не мелькало. Зато упал на одну из протянутых ладоней Петропавла невесомый какой-то предмет. Оказалось, живой. Мошка. Тля. Чепуха на палочке. На четырех палочках.

Глава 14

От грамма к килограмму и далее

— Привет, — кисло сказал Петропавел, ничего в ответ не ожидая. И зря.

— Привет, — едва слышно пискнула чепуха. — Не узнал?

— Как-то... не очень, — с этикетничал Петропавел.

Чепуха тонюсенько рассмеялась.

— Да и как узнаешь! Пустяк живого веса, ничтожество, блудный сор...

— *Блудный Сор?* — Петропавел насторожился.

— Это я так... *образно* выражаясь. Вообще-то мы уже встречались — я еще обещал следить за тобой. Ладно, не мучайся, я — Грамм Небесный.

— Я с *Гномом* знаком Небесным, — внес ясность Петропавел.

— Раз ты с *Гномом* знаком, то и со мной, выходит, тоже: я часть *того* Гнома.

Грамм, если быть точным.

Петропавел чуть не застонал.

— Нечего тут застанывать. Эка невидаль — Грамм Небесный! Не Килограмм ведь — Килограммом-то тебе руку бы отшибло!..

Петропавел подумал и согласился.

— Ну вот! А я между тем... и этим честно за тобой следил.

— Между чем и чем?

— Между Сциллой и Харибдой, между молотом и наковальней, между городом и деревней, между умственным и физическим трудом! — с горячностью выкрикнул Грамм Небесный.

Петропавел чуть было не заплодировал, но в последний миг опомнился:

— Вот прихлопнул бы я Вас — и поминай как звали! Кстати, получается, звать-то как? Гном? Грамм?

Поймать Грамма Небесного врасплох не удалось.

— Да как только не звали! — вздохнул он. — Просто как хотели, так и звали. Но это *их* проблемы.

— Кого — «их»?

— Тех, которые звали. А *ко мне их* представления *обо мне* отношения не имеют.

— Знакомые мотивы! — Петропавел подозрительно взгляделся в ладонь.

— Ах! — беспечно пропищал Грамм Небесный. — Все уже кем-нибудь сказано — и по многу раз.

— Лучше бы Вам все-таки *Гномом* быть, — некстати озаботился Петропавел. — А то, — он легонько потряс ладонью, — как-то уж очень... ненадежно.

— Не-на-деж-но, не-вы-год-но, не-у-доб-но! — отскандировал Грамм Небесный явно в антирекламных целях.

Петропавел тончайшим образом улыбнулся. Грамм был, конечно, тот же Гном, только в малых дозах.

— Значит, что же... Эволюция такова: от Грамма через Килограмм к Гному?

— Ну, если даже и так, то потом — к Центнеру, Тонне и так далее. — Писк Грамма сделался гордым.

— Куда ж далее-то? — затосковал Петропавел, вспомнив о массивной Спящей Уродине.

Грамм Небесный не ответил.

— Куда ж далее-то? — повторил Петропавел.

— В ответ на твой вопрос я пожал плечами, — объяснился Грамм, — но ты этого, конечно, мог и не заметить.

Петропавел извинился, а потом взял и спросил, причем как бы безразлично:

— Говорят, Спящую Уродину целовать уже не обязательно?

Вопрос получился как *нельзя более* светским.

— Ну, если *говорят*... — уважительно отозвался Грамм Небесный. — Тогда, может быть, и не стоит целовать. Надо верить тому, что говорят.

Петропавел, всего несколько минут назад призванный к прямо противоположному, даже осунулся:

— Но как же в таком случае освободить дорогу к дому?

— К чьему дому?

— К моему? («Опять пошло-поехало!» — загрустил в сердце своем Петропавел).

— А где твой дом?

— Трудно сказать...

— Вот видишь! — выразительно пискнул Грамм Небесный. — Сначала надо выяснить, где дом, а потом, может, и дорогу освободить не придется. Если дорога, например, и так свободна.

— Но на ней же лежала Спящая Уродина!

— То-то и оно: *лежала!* Это когда-а еще было... Тебе никто не поручится в том, что она до сих пор там лежит. Могла ведь встать и уйти.

— Как это... когда она *Спящая*?!

— А если она лунатик? Лунатики ведь ходят во сне.

Петропавел зарычал, как зверь:

— Меня не предупреждали, что она лунатик!

— Ты прямо, как зверь, зарычал, — адекватно отреагировал Грамм Небесный. — Только вот... *когда* ты хотел, чтобы тебя предупредили? Ты ведь не проявлял интереса к *этому* аспекту проблемы. Хотя с твоей стороны было бы вполне естественно, услышав о Спящей Уродине *впервые*, задать вопрос типа: «А она *случайно* не лунатик, эта Спящая Уродина?» И тебе, я уверен, *точно* ответили бы: «Да кто ж ее знает? Может, лунатик, а может, и нет». — Грамм Небесный без труда выдержал непосильно долгую паузу. — И потом, с чего ты вообще взял, что она спящая?

— Если она называется Спящей Уродиной, то вполне нормально предположить...

— Тебе бы в передачах «Живое слово» выступать! — саркастически пропищал Грамм Небесный. — «Называется!» Вот Мертвое море называется мертвым, так что же — хоронить его теперь? Или ты *уже* участвовал в похоронах?

— Не участвовал, — буркнул Петропавел.

— Надеюсь, что также *не был и не состоял*, — походя понадеялся Грамм Небесный. — Ты еще, чего доброго, скажешь, что она и уродина, эта Спящая Уродина?

— Разве нет? — сам чуть ли не пискнул Петропавел.

— То есть... я не знаю... Но очень может быть, что и нет. В крайнем случае, она, скажем так, не красавица, но ведь и ты не красавец!

— Причем тут я? — Петропавел разозлился.

— Ну, подумай сам, — примирительно продолжал Грамм Небесный. — Если она так велика, что взгляд не охватывает ее *целиком*, мыслимо ли вообще сказать что-

нибудь *определенное* насчет ее внешних данных? Может статься, она неземной красоты, да поди обозри ее! И потом... смотря на чей вкус! Кроме того, она дама... А о дамах, как о мертвых — либо хорошо, либо ничего.

— Я домой хочу! — прорвало вдруг Петропавла.

— Эх тебя прорвало... — снова продемонстрировал поразительную точность реакций собеседник. — Хочешь — так иди, никто не держит.

— Не держит! Когда у вас тут на дорогах черт знает что валяется...

— Не только у нас — вообще *на всех* дорогах черт знает что валяется, — прибегнул к обобщению Грамм Небесный.

— Да, но нигде тебя не заставляют *целовать* то, что валяется!

— И тут не заставляют, успокойся. У тебя какие-то... левые сведения обо всем!

— «Левые!» — горько усмехнулся Петропавел, а Грамм Небесный с внезапным азартом предложил:

— Поохотимся?

— На кого смотря, — гуманистично уклонился Петропавел.

— Да на Ежа, которому все понятно. Знаешь, Ежа? Так вот... Я вообще-то *в данную минуту* гонец, меня за тобой послали: слетай, говорят, пригласи на охоту. Никому ведь в голову не могло прийти, что тебе прямо сейчас как раз и приспичит целовать Спящую Уродину.

— Что это значит — *мне* приспичит? У меня *задание* было такое... ее целовать.

— А-а-а... ну, конечно, если *задание*, то дело другое, — толерантно пропищал Грамм. — Правда, никто не знает точно, где она и существует ли вообще, но это так... детали.

— Слономоська все знает точно. Спящая Уродина — невеста Слономоськи.

— А Слономоську-то ты где нашел? Он же не в доступе: его ведь, кажется, *водили* до последнего времени.

— Водили! Напоказ! Но я случайно набрел на место, где *водили*.

— Вот уж не повезло тебе! Гм... Спящая Уродина — невеста Слономоськи, забавный поворот! Все-таки он *был* поэт, *тот* Слономоська.

— Почему «был», почему «тот»? — встревожился Петропавел.

— Неважно! — Грамм Небесный резко зашевелился на его онемевшей ладони. — Нам пора, если ты согласен *гонять* Ежа. Согласен?

— Не знаю... А зачем?

— Противный, вот зачем. Все всегда ему понятно... Чтобы впредь не выпендривался!

— И он действительно не будет выпендриваться?

— Будет! Он ведь выпендривается *принципиально*, — с пониманием дела объяснил Грамм Небесный.

— Чего ж тогда гонять зря?

— Ты напоминаешь мне человека, который спрашивает: зачем руки мыть, если все равно испачкаются? — Грамм Небесный затих, потом встрепенулся и сказал сурово: — Для *гигиены* гонять будем. Гигиену уважаешь?

— О да! — горячо отозвался Петропавел, не мытый несколько дней... или лет... или веков...

— А уважаешь гигиену — так *гоняй* Ежа! — афористично закончил Грамм Небесный и тонко взревел.

На его рев начали появляться... начали появляться — Петропавел не узнавал никого.

— Что это за люди?

— Ну, если это *люди*... — повозившись на ладони, Грамм начал быстро перечислять: — Ой ли-с-Двумя-Головами, Королева Цаца, Безмозгое-без-Глаза, Всадник Лу-

кой ли, Шармоська, Ваще Таинственный, Остов Мира, Смежное Дитя, Летучий Жуан, Пластилин Бессмертный, Тридевятый Нидерландец, Бон Слонопут... все, я утомился, я же Грамм — не Тонна! Соразмеряй задачи!..

Мироздание рухнуло. Петропавел сел на землю в предобморочном состоянии. Голова кружилась в разные стороны... в *абсолютно* разные стороны. Его стошнило — прямо на ладонь с Граммом Небесным.

— Фу! — сказал тот, отряхнулся и улетел с ладони.

— Вот Вам и «фу»... — вяло отнесся зеленый Петропавел, теряя-таки сознание от стыда и совести.

— Ну, заполировал! — прокомментировал этот поступок полужнакомый детский голос. — Хотя всё яснее ясного: перепады атмосферного давления — кто хочешь с крышей поссорится.

Голоса слились, потом разлились обратно. Когда Петропавел открыл глаза, над ним стояло Смежное Дитя... кажется. Дитя было смежным со Стариком. Двумя личными, но разными глазами оно укоризненно смотрело на Петропавла.

— Удачный симбиоз, — задумчиво оценил Петропавел. — Если бы вы соединились другими половинами, у Вас вообще могло бы не оказаться глаз.

— Что ты гонишь! — не согласилось Смежное Дитя. — У нас же Безмозглое-без-Глаза!..

— ... без глаза, стало быть, и без мозгов, — не сказать чтобы деликатно констатировал Петропавел и взглянул на Безмозглое.

Как ни странно, органы зрения — причем *оба* — у того были на месте.

Страшно стесняясь *обоих* своих глаз, бесполое существо проворчал:

— Еще одна доказательство того, насколько язык... — Понятно, что сон тут же сковал его постоянно отсутствовавшие члены.

Нет, Петропавел не стал ни к кому из них придирается. Наученный горьким опытом, он стоически принял новые имена и обличья, решив не обращать на это *никакого* внимания. Внимание его занимало теперь другое, а именно — неизменность поведения Ежа, которому, по словам Грамма Небесного, все было, как и прежде, понятно. Данная черта личности Ежа неожиданно показалась Петропавлу последним островком стабильности в уплывающем из-под ног мире. И за это, стало быть, — *за это!* — надлежало устроить на него охоту... «Вот гады!» — гневно подумал Петропавел и тут же дал себе слово защищать верного прежним идеалам Ежа до последней капли крови. О чем не преминул поставить в известность всех присутствовавших.

— Я буду защищать верного прежним идеалам Ежа до последней капли крови! — так прямо и заявил он, испытующе взглянув на почти не знакомое ему общество.

— *Своей* крови или его? — двумя голосами поинтересовался страшноватый на вид Ой ли-с-Двумя-Головами, на каждой из которых было *только* по одному глазу, а Пластилин — кажется, Бессмертный — сказал:

— Да ради Бога!.. Кто ж Вам мешает пролить чью угодно кровь — *желательно* все-таки свою!

«Неприятно, — подумал Петропавел, — что они *желают* именно моей крови».

Глава 15

Еж отпущения

Из охотников только один был на коне — Всадник Лукой ли, малоинтересный старик в черных одеждах не по росту. Вот и вся тебе кавалерия. Ее-то, немногочисленную эту кавалерию, и следовало вывести из строя первой — как наиболее опасную для *гонимого* Ежа. Если убить коня, размышлял Петропавел, то вероятность поимки Ежа сократится, *по крайней мере*, вполовину. Правда, Всадник Лукой ли с коня, скорее всего, не слезал никогда, так что оставалось одно — убить коня Всадника Лукой ли *под* Всадником Лукой ли, а это было весьма и весьма непросто.

Петропавел перебрал в уме все известные ему способы убийства коней, потрясшие его, *между прочим*, своей жестокостью, и остановился на самом безобидном — том, которому соответствовала речевая формула «*капля никотина убивает лошадь*». Стало быть, достать эту каплю никотина — и убить ею данную конкретную лошадь, всего-то и дел!

Развязной походкой Петропавел подошел к кому попало — как выяснилось, к Пластилину Бессмертному (дольше обычного задержавшемуся в облике некоего Папаши) — и спросил:

— Папаша, закурить не найдется? — после чего тут же, на месте, и получил затрещину.

— *It does not matter at all!* — был странный ответ бессмертного, но *не того* полиглата.

Хуже всего, что новые качества старых знакомых Петропавла перемешались в полном беспорядке, и вычислить линии поведения *новых знакомых* теперь оказывалось явно невозможно. Приходилось обращаться наобум и — не предвидеть последствий.

— Вы не курите? — спросил Петропавел у того, кого Грамм Небесный откомендовал ему как Летучего Жуана.

— *Я летаю!* — с *собственным* достоинством ответил тот и улетел, два тем самым понять, что летание и курение — это *в точности* как гений и злодейство.

— Закурить кто-нибудь даст или нет? — вопрос Петропавла прозвучал зычно.

— Ну, что ты прикопался ко всем и каждому? — воскликнуло Смежное Дитя и изысканно предложило: — *Соблаговолите* вот... на халяву!

— Спасибо, детка, — даже растрогался Петропавел, вынимая из протянутой ему пачки «Marlboro» две сигареты «Пегас».

— Две штуки? Ну, пурга!.. — обиженно заголосило Дитя. — А морда не треснет, мягко говоря?

— Надеюсь, что треснет, — признался Петропавел, загадочно добавив: — *У кого-нибудь*.

— Хорошо бы, *у Вас*, милорд! — мечтательно произнесло Смежное Дитя, впрочем, сразу же утрачивая интерес к Петропавлу.

А тот твердым шагом подошел к коню Всадника Лукой ли и, не церемонясь, засунул обе сигареты в ржавшую от преждевременной эмоции пасть животного. Животное чавкнуло с приятным аппетитом, после чего упало и стремительно издохло. Всадник Лукой ли кубарем скатился в траву и из травы ошеломленно взглянул на Петропавла.

— *Что Вы сделали и зачем Вы это сделали?* — Такой подробный вопрос задал Всадник Лукой ли, видимо, более разговорчивый, чем Всадник-с-Двумя-Головами.

— Я убил лошадь каплей никотина. Или двумя, — с ответственностью за происшедшее заявил Петропавел.

— Вот идиот! — восхитился Всадник Лукой ли и обратился ко всем присутствующим со словами: — Он убил лошадь каплей никотина. Или двумя.

— Вот идиот! — поразились присутствующие.

— Наша кавалерия на время выведена из строя, — трезво пискнул Грамм Небесный. — Это и Ежу понятно. Эй, Еж!

Ничего, видимо, не подозревая, Еж вышел из-за пенька.

— Тебе понятно?

— Мне все понятно, — опять не солгал тот.

— Ату его! — вскричал Бон Слонопут — невысокое существо, то худевшее, то толстевшее *прямо на глазах*, — и, забыв о потере кавалерии, все бросились за Ежом.

Петропавел понял: его промедление подобно смерти Ежа — и со всех ног пустился вослед охотникам.

Вскоре стало ясно, что угнаться за Ежом проще простого: маленькие пятки млекопитающего мелькали *отнюдь* не со скоростью света. Петропавел догнал преследуемого практически моментально.

— Я буду защищать тебя! — поклялся он Ежу.

— Зачем?! — От изумления Еж остановился. Охотники, как ни странно, тоже.

— Ну, для того...

— Еж! — крикнул солидный Остов Мира, страшно похожий на Пупа Земли. — Долго ты еще намерен прохлаждаться? Тут многие уже утрачивают охотничий азарт.

— Прошу извинить! — гаркнул Еж и, искоса взглянув на Петропавла — *очень* подозрительно, снова дал деру.

Охотники, с гиканьем и улюлюканьем сорвавшись с места, одною общею пулею промчались мимо Петропавла — пеший Всадник Лукой ли только буркнул: «Ты зачем моего коника замучил?» — впрочем, ответа дожидаться не стал.

С минуту Петропавел постоял молча, думая о том, как это все-таки низко — преследовать беззащитное существо, даже с его согласия... Однако неожиданно-негаданно в нем самом взял да проснулся охотничий азарт. Проснулся — и принял безобразные формы.

— Лови-и-и! — почти завизжал Петропавел и в несколько прыжков опередил ошарашивающихся на бегу охотников. Когда до добычи оставалось уже рукой Петропавла подать, он сбросил куртку и, раскрутив над головой, как лассо, метко бросил ее вперед. Куртка накрыла Ежа. Бедняга сделал под ней шаг-другой и — замер. Взявшись за рукава, Петропавел поднял куртку, имевшую вид мешочка с Ежом.

— Я поймал его! Он здесь!

Снова остановившиеся охотники с весьма и весьма почтительного расстояния исподлобья взирали на Петропавла. К протянутому мешочку с Ежом никто не подходил.

— Да вот же он, Еж... — акцентировал Петропавел. — Охота закончена, ура!

— Выпусти Ежа, садист! — сказал вдруг двумя опять одинаковыми голосами энергичный все-таки старикан, Ой ли-с-Двумя-Головами.

— Почему? — Петропавел стоял, как Килограммом Небесным пораженный. — Он же выпендривался...

— Это не *твое* собачье дело. Это *наше* и *его* собачье дело.

— Но меня ведь пригласили... поохотиться...

Ой ли-с-Двумя-Головами покрутил пальцем у виска Безмозгло-без-Глаза:

— Именно что *поохотиться!* «Гонять», но ни в коем случае не «ловить»! Нет, ты скажи: слово «ловить» вообще звучало? Какого черта ты тут за всех — и за меня в том числе — решаешь, чем должна закончиться охота? Может, это, по нашим представлениям, *неудачная охота должна была быть!*

— Но ведь ваш Еж, он же едва передвигается...

— Как может, так и передвигается. И *не тебе* его учить передвигаться, это и Ежу понятно. Эй, Еж!

— Чего? — обиженно откликнулся Еж из мешочка.

— Тебе понятно?

— Нет, — закапризничал Еж. — *Теперь* мне ничего не понятно!

— Ну, долго ты еще животное мучить будешь? — Этот яростный вопрос Ой ли-с-Двумя-Головами (и голосами) был обращен уже к Петропавлу. Пришлось тому положить куртку на траву и развернуть ее. Свободный как птица Еж с укоризной взглянул на мучителя и задал вдруг такого стрекача, что и пятерым петропавлам было бы не догнать.

— Видишь, что ты наделал? — зазвучал необыкновенно тихий голос, просто шепот Ваще Таинственного, и зазвучал, как на похоронах. — У нас был свой противный, но *интеллектуальный* критерий по имени Еж. Ты лишил нас этого противного, но *интеллектуального* критерия — и мы теперь как без рук... то есть — как без головы. Придется — на то время, пока животное не оклемается, — тебе побыть Ежом.

— Как это? — ужаснулся Петропавел.

— Да так вот... Будешь сидеть в кустах — все время наготове — и отзываться на слово «Еж».

— Еще не хватало! — Петропавел возмутился до самой глубины своей, как известно, бездонной души.

— Послушай, — шепотом сказал Ваще Таинственный, — твоего согласия спрашивают? Тебя *назначают* Ежом, понимаешь? И тебе *придется* им быть. Вот и весь мой сказ. Для начала от тебя требуется, чтобы ты изучил повадки ежей... то есть приспособился ходить на четвереньках — брюхом по земле, а также *принюхиваться*...

— Что значит «принюхиваться»? — Петропавла словно паралич разбил.

— Это когда ежи так сопят... *посапывают* отрывисто, как бы *принюхиваясь* — и на самом деле, между прочим, *принюхиваясь*. Давай-ка попробуем. *Принюхайся!*

— Нет! — вопреки ожиданиям Петропавла, голос его прозвучал совсем безвольно.

Ваще Таинственный *исключительно* тихо, но весело рассмеялся:

— Ты ведешь себя так, словно *в самом деле* от тебя зависит, как тебе себя вести. Между тем от тебя это... да и вообще ничего! — давно уже не зависит, а стало быть, и успокойся навсегда!

— Хотите сказать, что это *от вас* зависит? — осведомился Петропавел с сарказмом, правда, остаточным.

Ваще Таинственный вздохнул и *ваще* таинственно переглянулся с другими. Другие развели руками, как бы все понимая, но как бы не будучи в состоянии что-либо сделать.

— Ну, довольно, — почти неслышно закрыл тему Ваще Таинственный. — Начиная *принюхиваться*. Ты вынуждаешь нас прибегнуть к насилию над личностью. Над

твоей, — уточнил он, причем молчаливый голос его обещал мало хорошего и много плохого.

— По какому праву Вы командуете? — зашумел было Петропавел.

— По праву сильного, — уже беззвучно ответил Ваще Таинственный.

И все *они* начали приближаться к Петропавлу, лица имея недоброжелательные.

«Пусть меня убьют, — дал себе слово Петропавел, — а принохиваться не стану!» — и принохивался.

Идущие остановились.

— Так, что ли, принохиваются? — в голосе Петропавла слышался вызов на дуэль.

— Да не-е-ет! — рассмеялись незадачливые охотники на Ежа.

Тут каждый чрезвычайно старательно принялся демонстрировать Петропавлу, как правильно принохиваться. Они шмыгали носами, сопели, пыхтели...

— Сколь многообразно и своеобразно может быть это принохиванье! — периодически восхищались они, в процессе демонстрации требуемого навыка стараясь перещеголять друг друга.

Петропавел постоял с пожатыми плечами. Потом спросил.

— Если вы все так умело принохиваетесь, почему бы *вам всем* и не стать тогда ежами?

— Во-первых, *так много* ежей нам ни к чему, — объяснили Петропавлу, а во-вторых, разве дело только в том, что кто-то умело принохивается — кто-то нет? Да, *мы* принохиваемся мастерски, этого у нас не отнимешь. Но не *мы* вывели Ежа из строя? Ты вывел — тебе и расплачиваться. Так что учись принохиваться, наш мальчик!

— И скажи спасибо, что тебя не заставляют еще и конем быть. Которого ты тоже вывел из строя, — последнее высказывание принадлежало Всаднику Лукой ли.

— Ну, положим, *одновременно* конем и ежом я бы все равно не мог стать. Это чисто зоологически разные вещи, — высказался в ответ Петропавел и пожалел о высказанном, поскольку тем самым он как бы соглашался стать *только* Ежом.

— Существуют же грифоны, — безразличным голосом произнес в открытое пространство Бон Слонопут. — А кроме того, если Вы пристально взгляните хоть в Гуллимена, хоть в Шармоську...

О перспективах такого пристального взглядывания Бон Слонопут, в которого тоже, кстати, не мешало бы взглядеться попристальнее, не сообщил — и Петропавел, на всякий случай, не стал взглядываться, а просто сказал, обращаясь к Всаднику Лукой ли:

— Большое спасибо, что меня не заставляют быть еще и конем.

Продолжение этого разговора сулило ему совершенно очевидные неприятности, и он принялся принохиваться изо всех сил, чтобы произвести хорошее впечатление, *по крайней мере*, как Еж. Искусство принохивания оказалось непростым: Петропавел потратил уйму времени, чтобы овладеть им как подобает. Когда охотникам *показалось*, что он принохивается вполне сносно, все облегченно вздохнули:

— Ну, наконец-то... Теперь за тебя не придется краснеть хотя бы как за Ежа. Можешь идти в кусты. Только не забывай все время принохиваться.

Петропавел, недоумевая, зачем он это делает, начал выполнять приказ.

— Ты на четвереньках иди: на четвереньках *Ежа*, не на *своих* двоих. Иначе получается, что ты принохиваешься, как Еж, а ходишь, как человек. Глупость же получается!

«Действительно глупость, — думал Петропавел словно во сне. — Тем более что на четвереньках-то ходить поинтересней будет, чем принохиваться. Впрочем, при-

нюхиваться тоже здорово: идешь, принюхиваешься!.. Даже неизвестно, что лучше — принюхиваться или на четвереньках ходить. И то и другое прекрасно!»

Не сказать, чтобы Петропавел был совсем не способен взять свои мысли под контроль: если, конечно, попытаться взять их под контроль... если, конечно, рывком... Но было лень. Что-то большее, чем только усилия охотников, заставляло его проделывать все эти сложные эволюции. «Взялся за гуж — не говори, что не Еж!» — оформилось в его затуманенном мозгу. Мозгу, который, похоже, и впрямь спал. Правда, теперь уже было совсем невозможно вспомнить, на каком месте жизни случилось заснуть... может быть, задолго до пирога с миной — может быть, задолго после...

В кустах было сыро — особенно животу, который — в соответствии с требованиями охотников — Петропавлу приходилось волочить по земле. И, что характерно, едва только он втягивал живот, как издали раздавалось: «*Не щади живота своего!*» — после этого живот, разумеется, приходилось снова опускать на мокрое...

Вдруг Петропавел услышал нечто другое:

— Эй, Еж!

Какая-то невидимая сила вытолкнула его, как пробку, наружу.

— Тебе понятно? — прозвучал знакомый голос.

— Мне все понятно, — ответил он в соответствии со здешними традициями.

— Замечательная это, однако, должность — Еж, — с сарказмом произнесла миниатюрная Королева Цаца. — *Любому*, кто становится Ежом, сразу же все понятно... Вы только посмотрите на него: *ему* все понятно! Каково, а?

— Агу его! — без предупреждения завопил Бон Слонопут, и Петропавел понял, что теперь уносить ноги придется ему, поскольку именно на него в данный момент объявлялась охота. Бросив последний взгляд на охотников, он увидел, что Всадник Лукой ли опять на коне.

«И чего я добился? — не бегу рассуждал Петропавел. — Вмешался в охоту на Ежа, изловил его — кто меня просил? Стоял бы себе в сторонке, наблюдал бы за происходящим, так нет: стал Ежом! Ежом отпущения...»

— Да не шумите вы так! — через плечо крикнул он охотникам, которые что-то уж очень разошлись. — У меня из-за вас все мысли перемешались!

— А ты, Еж, не размышляй в полевых условиях. Тебя, между прочим, сейчас гоняют, так что твоя задача — просто-напросто *стремить свой бег*, — объяснил ему в спину Тридевятый Нидерландец, уменьшавшийся по мере приближения.

— Я и стремлю его, — огрызнулся Петропавел, а потом на всякий случай поинтересовался, куда именно тут положено стремить свой бег.

— Это не твоя забота, — сообщил Тридевятый Нидерландец. — Тем более что «своим» бег только называется...

— Все только *называется*, но не существует! — напомнило Безмозглое-без-Глаза, на секунду приоткрыв глаза: оно бежало в состоянии сна.

— «Своим» бег этот только называется, — повторил Нидерландец, не обращая внимания на Безмозглое, как тут и было принято, — на самом же деле этот бег *совершенно* не твой и не мой.

— А чей? — Понятно, что вопрос этот задал Петропавел. Задав вопрос, он остановился выслушать ответ.

Преследователи остановились тоже.

— Отвечайте на вопрос, — напомнил Петропавел, чтобы они не забыли, зачем остановились.

— Вы *приняли* то, что есть, но Вы *не поняли* того, что есть, — так ответила Королева Цаца. — И сколько Вы ни принюхивайтесь, сколько ни ползайте на животе, до Ежа Вам все равно далеко, как... как до Тридевятого Нидерландца. Еж — это не прос-

то млекопитающее. Еж — это образ жизни. И ответ «мне все понятно» надо *выстрадать* — иначе грош ему цена.

— Я выстрадаваю... — сказал Петропавел, стоя на четвереньках с мокрым животом.

— Ну-ну, — поощрила его Королева Цаца и сокрушенно крикнула: — Ату его! — с грустью добавив: — К сожалению.

Этот клич был правильно воспринят как Петропавлом, так и охотниками: все сорвались с места. Охота продолжалась!

...На данном ее этапе произошло нечто странное: Петропавел — явно против воли — начал петлять. Его мотало из стороны в сторону, причем всякий раз лицо его при этом выражало бескрайнюю степень изумления. Петли становились все более замысловатыми — и позади себя Петропавел слышал фразу:

— К нему приходит опыт. Искусство быть Ежом — это искусство, но искусство быть *гонимым* Ежом — искусство вдвойне.

Кажется, действия Петропавла за все последнее время впервые оценивались положительно.

* * *

Есть еще замечательная такая считалочка: ею пользуются, когда играют в прятки — безобидную одну игру... хотя, с другой стороны, конечно, смотря как спрятаться. Можно ведь и так спрятаться, что тебя не найдут *никогда*, но это крайность, каждому ясно!

А считалочка начинается, можно сказать, даже романтично:

«Вышел месяц из тумана...»

Впрочем, как посмотреть... Кому-то может показаться, что после такого начала ничего хорошего ждать не приходится. И показаться не без оснований, потому как хорошее *из тумана* не выходит. Из тумана плохое выходит: воры выходят, убийцы выходят. И не просто так выходят, а для совершения грязного преступления. Совершат свое грязное преступление — и опять в туман, только их и видели! Стало быть, если что-то (или кто-то) выходит из тумана — держи ухо востро.

Даже если это всего-навсего как бы и месяц.

Так и тут: придирчивый слушатель сразу же захочет представить себе, зачем конкретно *этот* месяц мог бы выйти из тумана. Ответа долго ждать не приходится: вторая строка проясняет почти все. И действительно подтверждает самые мрачные наши догадки. Вот она, эта строка:

«Вынул ножик из кармана».

Все понятно? Даже те, кто считал рассуждения по поводу первой строки данной, казалось бы, невинной считалочки пустыми придирками, теперь уже, по меньшей мере, насторожатся. А насторожившись, вынуждены будут согласиться: для «придинок» имелись, *наверное*, кое-какие основания. То есть если уж выходят из тумана, значит, в кармане не цветок. И не кусок торта. В кармане нож. Иного не дано.

И настает время разобраться с этим так называемым месяцем, точнее, с тем, кого наиболее наивные из нас — на основании ложно понятой первой строки — *принимали* за месяц.

Хотя, с другой стороны, что оставалось делать, если нам так прямо и сообщалось: вышел, дескать, месяц из тумана... Как же, месяц он, дождитесь! Когда у него карман, а в кармане нож! И когда он этот нож сразу «вынул»? Зачем же так быстро-то?... Мало ли что у кого в кармане — совсем необязательно при первом знакомстве карманы выворачивать. Тем более что никто и не просил особенно: ну, лежит у тебя что-то в кармане — так это твое дело. Лежит, например, открытка с видом на море — носи, пожалуйста, ее при себе, пользуйся, не запрещено, но что ж ты эту открытку-то всем с порога прямо под нос суешь? Может быть, она никому, кроме тебя, и не интересна. А у тебя даже не открытка — у тебя нож, так это ж думать надо!

...Причем прошу заметить: никаких подробностей о том, как именно осуществлялось данное действие (предъявление ножа) намеренно не приводится. Ведь и нож из кармана тоже по-разному можно вынуть: можно вынуть тайно, или озираясь, или опустив глаза. Так хоть предполагалось бы наличие какой-никакой совести... Но нет же: выходка по извлечению ножа из кармана выглядит просто разнузданной. Прямо в наглуую нож выхватывается — и все. Как будто перед нами пьяный хулиган в темном переулке, которому море по колено и который уверен в своей безнаказанности. Эдак... с вызовом даже: плевать мне, дескать, что вы все там обо мне подумаете, а вот у меня нож — и я его вынимаю из кармана!

Из кармана, значит... В том смысле, что нож не за голенище сапога спрятан, не за пазухой — в тряпицу завернутый, нет! В кармане он, ножик этот! Выходил «месяц» из дома, сунул

в карман на всякий случай — зарезать там кого или еще что... Чтоб легче достать было: руку в карман и — ррраз! Прямо какой-то заранее на все готовый преступник, с которым и днем-то лучше не встречаться, не то что ночью!...

Однако особый цинизм ситуации в том, что как раз днем он и не выходит из тумана, — сидит себе в тумане, носа не жает. А как ночь — он тут как тут:

«*Буду резать...*»

Это следующая, значит, строчка. В дрожь вгоняет несовершенный вид глагола. Нет, бандит не предупреждает: зарежу! Он заявляет: *буду резать* — подчеркивая, так сказать, продолжительность действия, а может быть, и неоднократность его. Не то чтобы «всажу нож куда попало и убегу» — отнюдь! *Буду резать*: с чувством, с толком, с расстановкой — то направо, то налево, то одного, то другого... Чтобы жертвы валялись в разные стороны, как снопы. И обратите внимание на особую модальность этого заявления, на эдакий противоестественный кураж: вот, дескать, захочу — и буду резать. И никто меня не остановит, у меня справка. А мало вам резать — так еще и бить буду. Прямо так и декларируется:

«*Буду бить!*»

Синтаксический параллелизм — вот что тут особенно ужасает. Мы слышим не случайный выкрик обезумевшего маньяка — нет, это целостная, хорошо продуманная программа действий, как бы расписанная по этапам:

- а) буду резать,
- б) буду бить.

То есть фактически воспользуюсь ножом, выхваченным из кармана, на полную катушку, совершив все действия, которые фактически можно совершить данным инструментом насилия.

Слава Богу, что про расчленение ничего не говорится, хотя, в общем, слово «резать» уже само по себе достаточно подозрительно в этом плане: не намек ли это на такие гнусности, которые даже вербализации не поддаются?..

И теперь вот какой вопрос: а за что? Каковы мотивировки столь чудовищных поступков, от одной мысли о которых оторопь берет? Что касается мотивировок, то они просто кощунственны.

Язык не поворачивается повторить вслед за этим «месяцем»:

«*Все равно тебе водить!*»

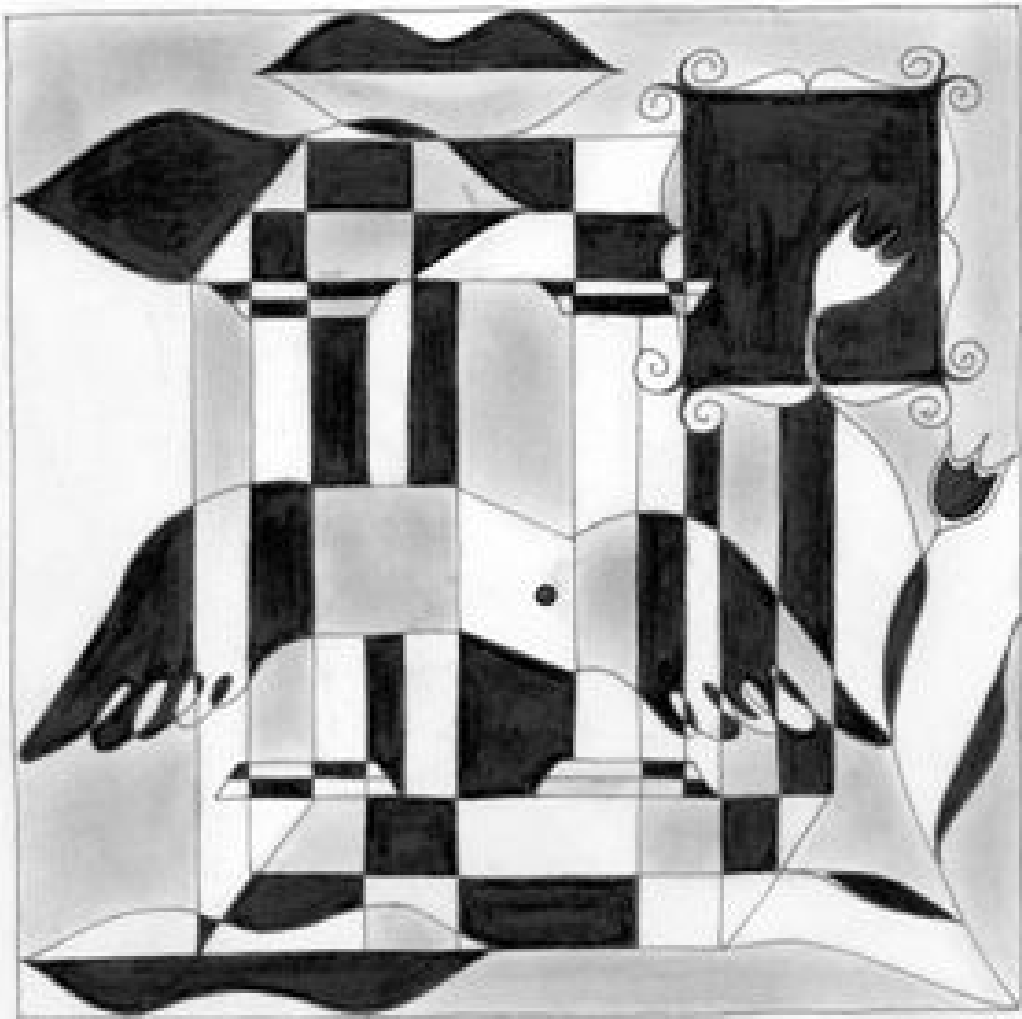
Что за цинизм! Это ведь то же самое, что сказать: все равно ты человек второго сорта. Которому я ноль внимания, кило презрения! Понятно ведь: пока остальные, более пряткие, будут разбегаться кто куда, чтобы затаиться в самых недоступных местах, ты-то все равно никуда не денешься: тебе же водить! То есть стоять с закрытыми глазами, спиной к убийце и выполнять свой долг. Тут-то, в момент выполнения тобою твоего долга, я и появляюсь: повернешься, глаза откроешь — здра-а-австуйте! Вот он я, месяц — с ножом, уже вынутым из кармана и с программой резать и бить. Тут уж, как говорится, пиши пропало. На сотни миль вокруг — никого, а тебе, дурачку — водить, то есть плутать в тумане, тщетно разыскивая спрятавшихся от убийцы в укромных местах сотоварищей... И как раз пока ты этим занимаешься, я тебя и буду резать, буду бить. Вот когда раскрывается страшный смысл этого ужасного, ужасного несовершенного вида: я не то чтобы многих буду резать и бить, как некоторые наивные люди предполагали, — я тебя одного как многих буду, и буду, и буду... С чувством, с толком, с расстановкой!

И — никакого просвета в конце...

Такая вот считалочка. Недаром, стало быть, в словаре Владимира Ивановича Даля упоминается: «На месяце видно, как Каин Авеля вилами убил (как брат брата вилами заколол)»... Да и в народе месяц называли еще «месик» (от «месить»), а это у псковичей — опять же по Далю — «драчун», «забияка»... Ну, хорошо, пусть драчун, пусть забияка, но не в такой же патологической форме!

Все-таки лучше считаться как-нибудь по-другому, мягче, нежнее: дескать, светит месяц, светит ясный, светит белая луна... все равно тебе водить!

Хотя вообще-то и так считаться тоже... немножко странно.

Глава 16

Конец охоты и начало траурной церемонии

Когда Петропавел начал основательно уставать, он *позволил себе* еще раз остановиться — естественно, остановились и преследователи.

— Я хочу спросить...

— Не много ли вопросов для жертвы? — не дали ему спросить как следует.

— Меня просто интересует то, что касается *данной* охоты... — вы ее задумали как удачную?

— Смотря для кого удачную, — неудачно, по мнению Петропавла, сострил Пластилин Бессмертный. — Ну, скажем, вариант пленения тебя более или менее устроит?

Вот тебе раз! Он, Петропавел, избавивший их всех от страшного плена Муравья-разбойника, в честь чего даже учредили хоть и мимореальный, но все же *Музей* Бревна, Убивавшего Муравья-разбойника... стало быть, сам он теперь пленник? У них же?

— Хороша благодарность... — сказал он усмехаясь.

— Благодарность... за что? — живо поинтересовались в толпе.

— За избавление от рабства, — не стал темнить Петропавел.

— Мы не рабы, рабыни мы! — пошутила Шармоська, симпатичная, но сильно склонная к полноте дамочка без возраста и национальной принадлежности, а Смежное Дитя выстрелило в Петропавла из рогатки, попав ему камнем в ухо. Ухо несильно заболело.

— «За избавление от рабства!» — расхохоталось Дитя. — Заява, конечно, крутая. У меня буквально забрало упало — я подчеркиваю слово «буквально»!..

— Ты хочешь сказать, мальчик, что *не я* освободил вас?

— Ты Еж, — напомнил ему ребенок (или старик), — а косишь под героя. Еж — классный клиент, но отнюдь не с героическим прошлым.

— Я не всегда был Ежом...

— Да и я не всегда был смежным, дурилка ты картонная!

— *Вообще* все уже изменилось, — философически заметило Безмозгое-без-Глаза.

— Но я ведь не *окончательно* стал Ежом... — полуспросил Петропавел.

— Время покажет, — тут же утомилось Безмозгое-без-Глаза, с удовольствием закрывая оба глаза.

Между тем остальные, не участвовавшие в разговоре, каким-то образом успели сгруппироваться вокруг Петропавла *подозрительно* тесным кольцом.

— Уносите ноги, Еж или кто Вы там! — промелькнул слева направо Блудный Сон.

— Поздно, — в пространство ответил Петропавел и понял, что он почти в плену.

«Итак, я Еж, — сказал он теперь уже себе. — И не просто Еж, но *Еж плененный*...

Интересно, долго ли будет продолжаться *эта* игра?»

— Почему Вы употребляете такое странное слово — «игра» — Блудный Сон промелькнул в обратном направлении. — Все по-настоящему.

— Давно ли?

— Это уж как Вам угодно.

— Но Вы же сами говорили про инсценировку... Разве все это больше не инсценировка?

— Для них, может быть, еще инсценировка. Но не для Вас.

«Для них»?.. Петропавел едва успел поймать последнее высказывание Блудного Сона за этот коротенький хвостик. — Пойдите! — хотел он крикнуть Блудному Сону, единственному из всех здешних обитателей, который, оказывается, был *вне* этой компании, — иначе откуда в его речи «они»? «Они», а не «мы»!

— Прошу прощения, дорогой Еж, — не дал ему крикнуть Остов Мира, — но я вынужден прервать Ваш незаслуженный отдых и *официально* заявить, что Вы окружены. Для Вас, по сценарию, настало время метаться из стороны в сторону. Мечитесь, пожалуйста, и *тут же* прекращайте бесполезное это занятие.

— Угу, — сказал Петропавел, упал вперед и сильно-сильно замахал руками. Однако домахивал руками он уже на земле. Полет не состоялся.

— И неудивительно, — словно бы откомментировал его падение Остов Мира. — Ежи не летают. Это и Ежу понятно. Эй, Еж!

— Да? — Петропавел поднялся с земли и, предупреждая очередной вопрос, устало сказал: — Мне все понятно.

— Следовательно, будем рассматривать этот душой исполненный полет в качестве попытки метаний. С метаниями, стало быть, покончено. Клетку, пожалуйста! — Голос Остова Мира прозвучал, как голос шпрыхталмейстера на арене цирка.

Из-за ближайшего угла Смежное Дитя легко выкатило металлическую клетку на колесиках, чрезвычайно тесную. Дверца распахнулась — Петропавел, ни о чем не спрашивая, протиснулся внутрь: кажется, клетка была предназначена для ежа натуральной величины. Дверца захлопнулась.

— Гуманисты! — сказал он изнутри. — Чем отличается ваш поступок от моего с курткой, когда я поймал Ежа... первого Ежа?

— Ну, то был *далеко* не первый Еж — и не последний, как мы видим. А потом, если прежняя охота действительно должна была закончиться неудачно, это еще не говорит о том, что и данная охота тоже. Данная-то как раз предполагалась как удачная. С удачной охотой вас! — и автор спича, опять же Остов Мира, громко зааплодировал.

— Надо у самой жертвы спросить, как прошла охота! — весело предложил Ой ли-с-Двумя-Головами. Предложение, естественно, прозвучало дуэтом.

— Как прошла охота? — спросили у Петропавла практически все сразу.

— Спасибо, плохо, — буркнул Петропавел, согнутый в три или в четыре погубели. — Но меня интересует, что дальше?

— Дальше? — почти не используя голоса, переспросил Ваще Таинственный. — Ну... тебя немножко подрессируют — дрессировке ты, скорее всего, хорошо поддаешься, — а потом... потом, скорее всего, будут водить.

— Разве это Ежа водить должны? — заозирался по сторонам Петропавел. — Это Слономоську водить должны!

— Слономоськи у нас больше нет, — тихо, как на кладбище, ответил Ваще Таинственный и смахнул со щек девять-десять скупых мужских слез. Остальные кто тяжело вздохнул, кто разрыдался в голос. — *Сразу же* после охоты начнется траурная церемония...

Петропавел кисло усмехнулся:

— Тут никого из тех, кто был, больше нет... хоть по каждому траурную церемонию устраивай!

— Зачем же по каждому — нервы-то трепать? Нам и одной *пока* хватит. И потом... если ты *сам* вызвался быть Слономоськой... — с коня сказал Всадник Лукой ли.

— Я Еж! — запротестовал Петропавел, не припоминая, когда это он вызывался быть *еще и Слономоськой*.

— Что Вы несете? — ужаснулся Блудный Сон, появившись и исчезнув одновременно.

В ответ на ответ Петропавла все удовлетворенно крикнули, словно стая уток.

— Еще недавно — *до того*, как стать Ежом, ты утверждал с такой же категоричностью, что ты не то Петр, не то Павел, — сказал довольно большой по размеру, с Голиафа, Центнер Небесный. — И что? Сделался Ежом как миленький. Теперь пришло время как *тому же* миленькому стать Слономоськой... Если ты сам настаиваешь на том, что водят не ежей, а *исключительно* слономосек.

— Я ни на чем не настаиваю, — махнул рукой Петропавел («Слава Богу!» — пронесся мимо Блудный Сон), — кроме одного («Ну, вот!» — разочаровался он же): выпустите меня из клетки.

— Почему? — искренне удивились присутствующие.

— Мне это унизительно. Я... я клянусь, что никуда не убегу.

— Унизительно? — заволновались все сразу, проигнорировав факт клятвы. — Непонятно тогда, зачем Вы там сидите и унижаетесь! Выходите, пожалуйста: клетка ведь не заперта. Охота прошла удачно, Еж *был* пойман и *был* посажен в клетку... чего ж еще?

Петропавел вышел на свободу, разминая затекшие члены. Едва он покончил с членами, как издалека вблизи подъехал роскошный лимузин — и все стали бурно приветствовать невысокого господина, одетого в красное, словно палач.

— Кто это? — с опаской спросил Петропавел у стоявшего рядом Пластилина Бессмертного.

— Это Творец Съездов или кто-нибудь еще, — без опаски ответил Пластилин Бессмертный и принялся расцеловываться со вновь прибывшим.

— Так-так-так-та-а-ак, — засуетился господин в красном, нацеловавшись с Пластилином и остальными вдоволь. — Съезд, посвященный траурной церемонии, разрешите считать закрытым.

Стало быть, все же Творец Съездов... Правда, Петропавлу на минуту подумалось, что съезда как такового не будет, раз его закрыли, не успев открыть, но оказалось иначе. «Закрытый» на языке Творца Съездов означало, что посторонние на съезд не допускаются.

— Мне уйти? — с надеждой спросил Петропавел у внушавшего *безграничное* доверие Центнера Небесного.

— С какой стати, когда ты Еж?.. Кстати, это Еж, — обратился Центнер Небесный к Творцу Съездов, указывая на Петропавла.

— Я так и думал, — ответил тот парадным голосом и полез целоваться. Целовался он долго и страстно, как когда-то Шармен.

— Итак, мы закрыли съезд от посторонних глаз, — наконец продолжил он, с удовольствием, словно только что съел сахарную вату, утирая губы, — дабы в узком кругу отметить печальное событие, а именно — безвременный уход от нас Слономоськи... или как там его звали, неважно. Поскольку все, наверное, забыли, кто такой был Слономоська и как он выглядел, я нарисую его словесный портрет. Слономоська, уходя от нас, был ребенок пяти-шести лет от роду. И не просто ребенок, а *очаровательный* ребенок.

— Это неправда! — само собой вырвалось у Петропавла. — Я совсем недавно видел его... зрелым!

— Кончай знобить, Еж! А то я мусоров приглашу, с позволения присутствующих! — взвилось Смежное Дитя.

— И я приглашу, — беззвучно подхватил Ваще Таинственный, серым волком глядя на Петропавла. — Ну и что из того, что ты видел Слономоську *совсем недавно*? Творец Съездов, может быть, *ваще никогда* его не видел, но это нисколько не мешает ему иметь о Слономоське *собственное* мнение... Простите, что прервали Вас на самом интересном для нас месте, — поклонился Ваще Таинственный Творцу Съездов.

— ... а *очаровательный ребенок!* — как ни в чем не бывало повторил Творец Съездов. — Ребенок с золотыми волосами и небесно-голубыми глазами, поразительно хрупкое и нежное существо. Ребенок этот жил в ладу с самим собой и со всем миром, он был сама гармония...

Петропавел хмыкнул — против воли.

— До каких же пор! — Бон Слонопут, косо глядя на Петропавла, стукнул кулаком по спящему Безмозглому-без-Глаза. — Вы мешаете оратору, ме-ша-е-те!

— Извините, — оробел за Безмозглое-без-Глаза Петропавел. — Я просто подумал... не лучше ли дать слово какому-нибудь очевидцу, чтобы тот рассказал, каким *действительно* был Слономоська?

— Да кому это нужно? — всхлипнула Шармоська. — Кому тут нужен образ толстого, зажравшегося, да еще и аморального борова со всеми его невестами? Слономоська был... был закадычным другом многих из нас — так к чему напоминания, которые так *больно* ранили бы сердце!

— Если он был другом, то тем более странно и даже кощунственно...

— Ладно Вам, моралист! — вмешался Остов Мира. — Непонятно разве, что господин Творец Съездов предлагает свое, *художественное*, я бы даже сказал, *высокохудожественное* видение Слономоськи? Он показывает нам его таким, каким мы его *не* знали, открывает в нем новые, неожиданные стороны, что для всех нас чрезвычайно ценно... Продолжайте, пожалуйста, господин Творец!

— ... сама гармония, — нимало не смущаясь, действительно продолжил оратор.

— Вы еще не устали тут распорядиться? — мелькнул в отдалении Блудный Сон.

А Петропавел и впрямь устал. Он уже не воспринимал ничего из того, что слышал.

— ... в почетный караул у словесного портрета Слономоськи, — это он все-таки воспринял, — назначают Бон Слонопут и Шармоська.

«Бред какой-то! — сказал себе Петропавел. — Получается, *сам* Слономоська *по частям* стоит в почетном карауле у своего портрета, причем словесного!»

А Творец Съездов от посредственных обязанностей приступил к непосредственным. Откуда ни возмись возникли столы со всевозможной снедью — и участники церемонии принялись есть как заведенные, забыв про все на Белом Свете. Петропавел даже не подозревал, что тут могут так объедаться. Его самого к трапезе не пригласили, Бон Слонопута с Шармоськой — тоже.

— Сколько же они вот так будут стоять в почетном карауле на пустом месте? — спросил Петропавел у шедшего за катившимся апельсином Тридевятого Нидерландца.

— А пока не свалятся! — ответил тот, догнал апельсин и съел его на месте преступления, пожаловавшись Петропавлу: — Несытный апельсин. Я хотел что-нибудь болееутоляющее!

После обильной еды гастрономическая оргия превратилась, наконец, в церемонию, в ходе которой все церемонились страшно: никто не ходил — все прохаживались, никто не разговаривал — все беседовали, никто не плакал — все проливали слезы. Кроме того, церемонившиеся интенсивно *обменивались взглядами*... Какие-то *удивительно* вежливые дети из другой оперы, имея в маленьких руках большие гирлянды живых и мертвых цветов, на цыпочках медленно ходили вокруг да около, исполняя наиболее грустные песни народов мира.

— Церемонней, еще церемонней! — поддавал жару Творец Съездов, демонстрируя истинное мастерство в деле, которому был предан как могучей душой, так и тщедушным телом. Время от времени он читал специально отобранные из сокровищницы мировой литературы стихотворные строки — причем особенно выразительно звучали те, в которых были слышны мотивы смерти (безвременной или своевременной), ухода (по собственному желанию или по желанию родных и близких), погребения (обычного или заживо). Стихотворные строки изысканно перемежались с небольшими докладами Творца Съездов — наиболее впечатляли доклады на вечные темы, словно подчеркивавшие бренность всего живого и ценность всего мертвого.

Нацеремонившись, все проголодались и опять принялись за еду, причем за ту же самую.

Бон Слонопут и Шармоська, вцепившись друг в друга, валились со всех ног.

Внезапно Петропавел услышал в отдалении стук копыт. Мимо проскакал... сначала Петропавлу показалось, что это Ой ли-с-Двумя-Головами на коне Всадника Лукой ли. Но Ой ли-с-Двумя-Головами в две глотки пожирал блюдо за блюдом.

А фигура проскакавшего мимо всадника была печальна, печальна, печальна...

Трудно сказать, что заставило Петропавла упасть вперед и сильно замахать руками.

— Еж улетает на фиг! — заорало Смежное Дитя, бросаясь к Петропавлу, который опять оказался на земле, теперь уже с разбитым до крови носом. Однако, не обращая внимания на нос и на Смежное Дитя, он поднялся и решительно направился к Летучему Жуану, пытавшемуся за один присест на край стола съесть телячью ногу.

— Почему я не могу взлететь? — строго спросил Петропавел у Летучего Жуана.

— Ужи и ежи, как мы знаем из классики... — поверх телячьей ноги намекнул тот и отвернулся.

Петропавел обошел его с другой стороны.

— Может быть, мне объяснит это Тридевятый Нидерландец?

— Может быть... если там у них в Тридевятих Нидерландах этому учат!

— Понятно, — сказал Петропавел, направился напрямиком к Ой ли-с-Двумя-Головами и бестактно поинтересовался: — Откуда у Вас две головы?

— От рождения и не твое дело откуда, — ответили две головы по-разному.

— На коне поскачем? — предложил Петропавел беззаботным голосом.

— Вот еще и я не сумасшедший, — последовал двойной ответ.

Ага... Но у проскакавшего мимо всадника было две головы, причем это был *определенно* не Ой ли-с-Двумя-Головами: Ой ли-с-Двумя-Головами находился в поле зрения. Кстати, Всадник Лукой ли тоже находился в поле зрения, да и голова у него единственная!.. А кроме того, совсем недавно я умел летать — теперь же не умею, значит...

— Ну вот, дошло, наконец! — совсем интимно, в самое ухо, шепнул вездесущий Блудный Сон.

Глава 17

Ничего этого не было

Какими путями приходит Понимание — Бог его знает. Факты копят, копят, копят — щелк!.. «Дошло, наконец!»

Впрочем, «дошло» — это, конечно, сильно сказано. Так говорят тогда, когда человек *отчетливо* осознает то, чего раньше не осознавал. В данном же случае человек (Петропавел, разумеется) как не понимал ничего, тем более отчетливо, так, честно говоря, и не понял. То есть еще хуже: теперь ему казалось, что не понимает он *гораздо* сильнее, чем прежде. Между прочим, объяснить непонимание ничуть не проще, чем понимание. Понимание, кстати, можно вообще не объяснять: понимаешь — и понимай себе. А вот что касается непонимания... Ужасно утомительно объяснять, например, чего *именно* ты не понимаешь: ведь то, чего ты не понимаешь, надо сначала как-то назвать... а как оно называется — поди знай!

Впрочем, случай с Петропавлом был особый: то, что он понимал раньше, и то, что ему предлагалось понимать сейчас, было отнюдь не одно и то же — это-то он как раз понимал. Но на таком понимании, увы, далеко не уедешь.

— Съезд по случаю траурной церемонии разрешите считать продолжающимся, — сбил его размышления жизнерадостный возглас Творца Съездов.

— Разрешаем, разрешаем! — жизнерадостно же откликнулись любители, по-видимому, всяческих съездов, вскакивая из-за столов, как сумасшедшие, и принялись *самозабвенно* аплодировать до упаду. Когда, наконец, все они попадали с ног, Творец Съездов заявил:

— Необходимо *срочно* принять резолюцию съезда. Разрешите зачитать резолюцию.

Ни у кого не было сил разрешить — и Творец Съездов приступил к чтению без разрешения, предварительно сбегав к лимузину, с трудом достав из багажника и доставив к месту продолжения съезда *неподъемную* урну с символическим прахом Слономоськи:

«Резолюция съезда, посвященного траурной церемонии»

В ходе осуществления траурной церемонии по случаю ухода Слономоськи из жизни съезд незаметно для присутствующих постановил:

1. считать Слономоську отныне не существующим ни физически, ни духовно;
2. более точно выяснить день ухода Слономоськи из жизни Слономоськи и задним числом объявить этот день Днем Всемирного Траура;
3. рассмотреть список кандидатов на замещение вакантной должности Слономоськи и заместить эту должность одним кандидатом (список из одного кандидата прилагается).

Конец резолюции».

— О, какая милая и странная резолюция! — закричала Королева Цаца, обливаясь слезами Пластилина Бессмертного. — Вношу предложение считать эту резолюцию маленьким шедевром. Кто за это предложение — прошу побледнеть.

Побледнели все.

— Принято единогласно.

— Разрешите огласить список кандидатов на замещение вакантной должности Слономоськи? — опять попросил разрешения вежливый Творец Съездов.

Ему разрешили.

— Будем голосовать поименно или списком?

— Поименно и списком! — предложил Пластилин Бессмертный.

— Зачитываю поименно.

Творец Съездов хотел выдержать паузу, но не выдержал и крикнул:

— «Еж»!.. Кто за эту кандидатуру, прошу голосовать.

Все опустили какие-то разноцветные бумажки в урну с символическим прахом Слономоськи.

— Зачитываю список. «Еж»!.. Кто за этот список, прошу голосовать.

Процедура с бумажками повторилась.

— А на самом деле — чей прах в урне? — спросил Петропавел у находившегося рядом Смежного Дитяти.

— Хрен его знает, если позволительно прибегнуть к этому фигуральному выражению, — ответил частичный малыш. — Должно быть, Творец Съездов пришел кого по дороге.

Петропавел покачал мудрой головой Ежа.

— Предложение принято единогласно всеми, кроме Ой ли-с-Двумя-Головами, принявшим предложение двугласно. Кандидат избран!

— О, какой милый и странный кандидат! — прозвучал резюмирующий вопль Королевы Цацы.

Все взгляды обратились к Петропавлу.

— Я подумаю, — сказал он.

Стало очень тихо, хотя и до этого было очень тихо.

— У меня испортилось *хорошее* настроение, — заявил Творец Съездов и лег на землю.

— У него испортилось *хорошее* настроение! — зашушукались участники съезда в страшной, как смерть, панике.

— Что ж ты делаешь-то, шельмец? — подскочил к Петропавлу Тридевятый Нидерландец — настолько близко, что превратился просто в точку. Однако в точку угрожающую. — Ты ведь *ритуал* нарушаешь! А это огорчает Творца Съездов, которого тут не принято огорчать!

— Сначала надо объяснить, что принято, что нет... а потом предъявлять претензии, — с благородным металлом в голосе отозвался Петропавел.

— Ну и ежи пошли! — прямо-таки обомлел Ой ли-с-Двумя-Головами. — Всем ежам ежи.

Тридевятый Нидерландец согласился с ним, описав согласие речевыми средствами:

— Я киваю головой. — Он все еще стоял настолько близко от Петропавла, что так и представлял собой точку, компонентов которой (голова, рук, ног) увидеть было нельзя. — Киваю головой и ярюсь. Пусть кто-нибудь напомнит этому Ежу, что тут принято, что нет.

— Тут принято и не принято одно и то же, — охотно взял на себя инициативу Пластилин Бессмертный.

— Понятней не скажешь! — восхитилась Королева Цаца.

— Стало быть, не будучи согласен стать Слономоськой, Еж, тем не менее, согласен стать Слономоськой, — от фонаря заключил Бон Слонопут, уже просто лежавший возле словесного портрета Слономоськи.

— Что и заставляет нас приветствовать, а также не приветствовать Слономоську в лице и теле Ежа! — не изменил себе Пластилин Бессмертный.

— Интересно, как вы это будете делать — «приветствовать, а также не приветствовать», — не удержался Петропавел.

— Да уж сделаем как-нибудь, — пообещали участники съезда и разделились на две группы: первая из них поприветствовала Петропавла словом «привет», вторая демонстративно отвернулась.

Неизвестно почему у Творца Съездов сразу же улучшилось *плохое* настроение — и он принялся бегать кругами, *как бы* резвяся и играя, потом скомкано попрощался со всеми сразу и укатил в своем роскошном лимузине, крикнув напоследок:

— Все свободны и счастливы!

Петропавел отошел в сторону с лицом, с которым отходят в мир иной. Не прошло и минуты, как — с выражением свободы и счастья во взоре — к Петропавлу, потирая чьи-то чужие руки, приблизился Ваще Таинственный.

— Ну-с, где тут у нас Слономоська? — интимным шепотом поинтересовался он.

— Меня же сначала дрессировать надо, — несколько даже капризно ответил Петропавел и добавил еще более капризно: — Я ведь не готов пока...

— По этому поводу можешь не беспокоиться! — заверил его Ваще Таинственный. — Мы с Пластилином, между нами говоря, прекрасные дрессировщики.

— Да уж, помню, — мрачно согласился Петропавел.

— Как это ты можешь помнить? — камерно рассмеялся Ваще Таинственный?

— Были попытки... — Петропавлу показалось, что он намекнул на очевидные вещи.

... Оказавшиеся, впрочем, не столь уж очевидными.

— Минуточку, минуточку! — Ваще Таинственный взгляделся в Петропавла, как в даль. — О каких это попытках, с твоего позволения, идет речь?

— Да как же... — начал было Петропавел и вдруг осекся — эдаким стартовым пистолетом. Ваще Таинственный, со всей очевидностью, *не знал* об уроках, которые давал Петропавлу Ваще Бессмертный. — Простите, — продолжил тогда Петропавел, — что-то я не могу припомнить, при каких обстоятельствах мы с Вами познакомились: в голове, видите ли, все перепуталось... то я Еж, то Слономоська — уследи тут за собой!

— А не было никаких особенных обстоятельств — вот ты их и не помнишь. *Просто однажды в ответ на твое заявление о том, что тайное всегда станет явным (а ты любишь такого рода заявления за их... надежность, так сказать!) я вдруг возьми да и возникни перед тобой из ниоткуда — причем с обещанием: дескать, это тайное, я то есть, никогда не станет для тебя явным. Что и подтверждается: ты же до сих пор не знаешь, кто я и откуда пришел...*

Петропавел напярк свою память так, что вспомнил годы жизни фараона Тутанхамона, количество истребленных гугенотов, а заодно и подробности восстания луддитов, но вспомнить эпизода, описанного Ваще Таинственным, так и не смог. Данного эпизода *не было, не происходило!*

— И... когда же все это случилось? — осторожно поинтересовался он.

— *Да тогда, когда королева Цаца кокетничала с тобой, надеясь, что об этом не узнает Центнер Небесный, который как раз и летал над вами в виде Грамма. Почему, собственно, он и следит за тобой с тех пор!* — Ваще Таинственный с участием посмотрел на Петропавла и покачал головой: — В столь юном возрасте такие провалы в памяти — это извините!

— *Я правда не помню ничего!* — с ужасом сказал Петропавел. — То есть я помню все. Но другое.

— Ну, в общем, это, конечно, дело твое, *что* помнить. Наша память — вещь загадочная...

— Да я не о том! А Муравей-разбойник... Муравья-разбойника-то я убивал?

— Гм, муравей... *Сыновей* Разбойника я знаю, слышал о них. Есть еще *Кумовья* Разбойника, тоже гадкая компания. Но вот чтобы у Разбойника был еще и муравей...

Что ж... мир действительно распался — и обломок этого распавшегося мира, видимо, ударил Петропавла по голове. Его лишили последней уверенности — уверенности в том, что он видел *своими глазами*. Оказывается, *ничего этого не было*. И новые имена его старых знакомых... да нет никаких новых имен и старых знакомых нет! Есть имена, *напоминающие* другие имена, и есть существа, *напоминающие* другие существа, но ведь между «быть» и «напоминать» целая пропасть! И в пропасть эту бесследно провалился огромный кусок жизни — вот оно как... В конце концов, нет имени, которое не напоминало бы другого имени, как нет существа, не напоминающего другое. Что можно на этом родстве построить? Ни-че-го! Но Всадник-с-Двумя-Головами! Он-то ведь практически только что *проскакал мимо* — эдакий привет из *той* жизни, в которой тоже не все было понятно, но к которой он, Петропавел, хоть привык... или начинал привыкать.

Опять упав лицом вниз, он изо всех сил замахал руками. Нос на сей раз остался цел, зато грудь Петропавел отшиб изрядно.

— Поразительна склонность *этого* Ежа к воздухоплаванию! — восхитился Летучий Жуан, перелетев с земли на ветку высокого тополя. — Он просто попирает законы природы, бедное животное...

— Я не животное! — с достоинством сказал Петропавел.

— Защищается! — умилилась Королева Цаца. — Наивный какой... Вы, значит, так до сих пор и полагаете, будто противостояние способно что-нибудь изменить? Не лучше ли плыть по волнам, а, Еж?

— Это зависит от направления ветра, — заумничал Петропавел, — которое не всегда совпадает с направлением, нужным тебе.

— А интересно было бы послушать о направлении, нужном Вам, — что это все-таки за курс? — раздумчиво сказала Королева Цаца.

— Курс на Спящую Уродину или... или на то место, где она спала, — Петропавел опустил глаза.

— Это Вы сами выбрали для себя такой курс?

— Да нет, мне просто сказали, что оттуда начинается дорога к моему дому.

— Дорога к Вашему дому начинается *отсюда*, — очень серьезно сказала Королева Цаца, — и к Спящей Уродине никакого отношения не имеет. Спящая Уродина есть миф. Ориентироваться на миф — занятие безрассудное.

— Но ведь мне нужны хоть какие-то ориентиры, — на шаг отступил Петропавел. — А то меня тут уже дрессировать собираются!

— Все не случайно, — вздохнула Королева Цаца. — Как знать, а вдруг ориентиры возникнут именно в процессе дрессировки? Может быть, дрессировка для того и существует...

Между тем Пластилин Бессмертный и Ваще Таинственный, взявшись за руки, уже *с любовью* взирали на Петропавла. Остальные тактично отошли в сторону. Петропавлу ничего не оставалось, как приблизиться к дрессировщикам и, на всякий случай, прикинуться диким зверем. Для этого он два раза невыразительно рыкнул.

— Мяса сырого хочешь? — едва шевеля губами, спросил Ваще Таинственный и услышал вполне честный ответ:

— Ни за что!

— Хочет! — тихонько поделился Ваще Таинственный с Пластилином Бессмертным, после чего достал из-за пазухи кусок сырого мяса и с улыбкой протянул его Петропавлу.

— Что мне с ним делать? — спросил тот, принимая кусок.

— Ну, как же... есть! И тем самым вырабатывать условный рефлекс. В следующий раз ты ради такого куска будешь готов на многое.

— Сомневаюсь что-то, — покачал головой Петропавел. — Вряд ли данный кусок станет мне *так* дорог.

— А ты скушай, — посоветовал Пластилин Бессмертный.

— Ежи вообще-то насекомых едят... и всяких таких, вроде устриц, — тускло блеснул Петропавел.

— Мы тебя не как Ежа дрессируем, а как Слономоську, запомни, — Пластилин Бессмертный многозначительно переглянулся с Ваще Таинственным. — Тебя же потом водить будут. На-по-каз. А кому это нужно — Ежа напоказ водить? Кто на Ежа смотреть-то пойдет? Ежи в *диковинку* не бывают!

— Не стану я сырое мясо есть, — откровенно сказал Петропавел. — Пусть меня лучше так водят, если... если иначе нельзя. И вообще, я очень сомневаюсь, что на меня — дрессированного или нет, — кто-нибудь *специально* придет смотреть.

— Еще как придут! — горячо, но бесшумно заверил его Ваще Таинственный. — После всего, что ты тут натворил, ты у нас просто живая легенда.

— И что же, интересно, я тут... натворил? — спросил Петропавел, сделав вид, что вообще-то он в курсе, но виноватым себя отнюдь не считает.

— Как — «что»? А кто Гуллимена во время корриды к борту арены шпагой пригвоздил — его, между прочим, до сих пор оторвать не могут?! Около него, кстати, мимореальный музей хотят учредить — Музей Бычка в Тумане...

— Послушайте! — Петропавел потерял-таки контроль над собой. — То, что Вы рассказываете... *когда* все это происходило? И действительно ли *со мной* происходило? Может быть, Вы что-то путаете?

Ваще Таинственный и Пластилин Бессмертный рассмеялись — из этого, по-видимому, должно было следовать, что они ничего не путают никогда. Петропавел как-то сразу поверил их смеху: задавать дальше вопросы не имело смысла, но он задавал.

— А вот могу я узнать, глубокоуважаемый Пластилин... Бессмертный, почему Вы так надолго задержались в одном облике? Не скучно это Вам?

— С одной стороны, разумеется, ужасно скучно... зато с другой — ужасно весело! Не забывайте, пожалуйста, о том, о чем лучше всего забыть: я бессмертный. То есть *всегда* наличествующий в мире. Но, если же я позволю себе наличествовать в разных обликах, тогда о том, что я бессмертный, буду знать я один. Этого для меня, конечно, маловато. А впрочем, вполне достаточно.

Нет, у него действительно было много общего с Пластилином Мира, у данного Пластилина Бессмертного, что, собственно, и интересовало Петропавла. Однако вел себя второй Пластилин так, словно к первому никакого отношения не имел, — это-то и казалось подозрительным... Видно, и на самом деле не так уж он прост, этот Пластилин. Чьи это были слова? А-а, Блудного Сона! Вот кто действительно сейчас нужен Петропавлу. Однако именно сейчас Петропавла, к сожалению, дрессировали — времени на поиски Блудного Сона у него не было *как никогда*.

Глава 18

Свинные сардельки с золотыми пуговицами

— Ну, что ж... — менее чем вполголоса обратился Ваще Таинственный к Пластилину Бессмертному, откровенно игнорируя находящегося рядом Петропавла, — мясо Слономоська принял, но есть не стал, а впал в состояние рефлексии.

— Это и плохо и хорошо, — откликнулся Пластилин Бессмертный совершенно в духе Пластилина Мира. — Плохо потому, что условный рефлекс пока не выработан, а хорошо потому, что состояние *рефлексии* для Слономоськи важнее, чем наличие *рефлекса*. Я бы сказал так: Слономоська без рефлекса возможен, без рефлексии — нет.

— Стало быть, мы на верном пути! — *еще* менее чем вполголоса подвел предварительный итог Ваще Таинственный. — Мы достигли главного: существо, которое получило кусок мяса, не пожирает его, а рефлексировало! Это ли не свидетельство в пользу эффективности нашей педагогической системы?

— Вы задаете тихий риторический вопрос, многоуважаемый коллега! — с чувством глубокого интеллектуального удовлетворения отвечал Пластилин Бессмертный.

— Теперь, мой дорогой, наша задача — добиться того, чтобы данное существо не просто рефлексировало, но рефлексировало, *будучи водимым*.

— Вадимом?.. Мы назовем его Вадим? — не расслышав слов, сразу же потерял смысл разговора Пластилин Бессмертный.

Ваще Таинственному с трудом удалось втолковать ему разницу между гласными «о» и «а», после чего Пластилин Бессмертный устыдился себя и с живостью обратился к собеседнику:

— Кто из нас двоих рискнет и начнет водить его?

— Боюсь, что Вы, — быстро, но *предельно* негромко ответил Ваще Таинственный.

— Не бойтесь, — тут же успокоил его Пластилин Бессмертный. — Бояться надо мне. *За Вас...* потому что водить его, кажется, придется Вам.

— Это только кажется, что мне. А *на самом-то деле* — Вам! — Ваще Таинственный любезно улыбнулся.

— Совершенно все равно, *кто из вас двоих* начнет водить меня, — попытался примирить их Петропавел. — Дело в том, что я вовсе не опасен.

— Никто и не думает, что ты особенно опасен... просто важно соблюсти некоторые *формальности*, связанные с нашей работой дрессировщиков, — в один голос сказали два дрессировщика.

Попрепившись еще некоторое время, они, наконец, решили водить Петропавла вдвоем — и водить, на всякий случай, поблизости от наблюдателей, которые сбились в пугливую кучку возле ближайшего кустарника.

Петропавел поглядел на дрессировщиков, да и на наблюдателей, и вдруг понял, что статус его весьма ощутимо изменился. Если с Ежом, которым он был еще недавно, все они считали возможным не церемониться, то Слономоську, которым он стал теперь, явно побаивались.

— Дай поводок надену? — услышал Петропавел с довольно почтительного расстояния уважительную интонацию.

— Милости прошу, — ответил он, хорошо понимая условность какого бы то ни было поводка на существо, в структуру которого входит слон.

Ремешок, поясок, ленточку — в общем, черт-те что кое-как закрепили на шее... смешно. Впрочем, так-то оно и лучше: Петропавел в роли Слономоськи чувствовал себя способным разорвать даже кованую цепь. А тут — чуть ли не трогательно: вот тебе, дескать, поводок — исключительно элегантности ради.

И они — Пластилин Бессмертный и Ваще Таинственный — осторожно повели Петропавла, держась от него на расстоянии, заданном длиной поводка. Легонько переступая с ноги на ногу, Петропавел пошел за ними, продолжая размышлять о полученной от дрессировщиков странной, ох, какой странной информации... Кусок сырого мяса он все еще держал в руке, не решаясь выбросить: мало ли зачем может пригодиться сырое мясо!

— Мяса так и не съел, — практически молча заметил наблюдательный Ваще Таинственный, — однако рефлексировать продолжает, *даже* будучи водимым.

— Вы говорите обо мне так, — позволил себе наконец вмешаться Петропавел, — словно я уже умер и не слышу ваших слов!

— Он все еще остается способным на членораздельную речь, — продолжал наблюдения Ваще Таинственный, как бы подтверждая абсурдное предположение Петропавла. — Мясо несет в руке. Может быть, отобрать у него это мясо и съесть самим?

— А не укусит? — спросил Пластилин Бессмертный, недоверчиво поглядывая на Петропавла.

— Вы же бессмертный! — сказал, как ничего не сказал, Ваще Таинственный. — Кроме того, попытка не пытка...

— Пытка, да еще какая! Он ведь *зубами*, наверное, кусать будет... — Пластилин Бессмертный задумался. — А если я отпущу поводок и, *незаметно* пробегаю мимо него, выхвачу кусок мяса *невероятно* резким движением?

— *Ваще* отпустите поводок? — с ужасом зашептал Ваще Таинственный. — И мне, что же, одному тогда поводок держать?

— Да заберите вы свое мясо! — Петропавел швырнул кусок прямо под ноги дрессировщикам.

— Он становится агрессивным, — как бы и не констатировал Ваще Таинственный, у самой земли подхватывая мясо на лету и засовывая его за шиворот Пластилину Бессмертному. — Надо показать ему наше превосходство над ним.

— А в чем мы превосходим его? — ежась от скользкого мяса за шиворотом, сам себя спросил Пластилин Бессмертный и сам себе ответил: — В численности. Надо убедить Слономоську, что *нас* больше, чем *его*... Но как мы это сделаем? — Он *страшно* растерялся.

— В принципе доказать это *на практике* не составляет особого труда: достаточно просто выстроиться перед ним в шеренгу по одному и рассчитывать на «первый-второй». Тогда ему сразу придет в голову, что он — по причине *крайней* своей малочисленности — не способен ответить нам тем же, ибо, даже если он скажет «первый», то подхватить эту реплику будет некому. Таким образом, он и убедится *практически*, что его *гораздо* меньше, чем нас. Другое дело, устроит ли его столь примитивный способ доказательства. Как существо рефлексирующее он, скорее, предпочел бы некоторое умозрительное построение, способное *натолкнуть* его на мысль о нашем превосходстве.

— Вы правы, коллега! — с жаром подхватил Пластилин Бессмертный, кажется, обожавший всяческие умозрительные построения.

— И в таком случае цепочка наших доводов могла бы выглядеть следующим образом... — обстоятельно начал сызнова Ваще Таинственный.

Петропавел с величайшим интересом следил за этой увлекательной игрой ума. Он даже забыл о том, что в данный момент идет дрессировка, — настолько поглотила его всепообеждающая жажда знаний.

— В основе процесса оперирования целыми величинами... а я надеюсь, что все участники данной непростой ситуации представляют собой целые величины, лежит...

— Не продолжайте, — перебил Ваще Таинственного Пластилин Бессмертный. — Данная версия непригодна: придется дополнительно доказывать, что мы целые величины. В случае с Вами это просто, поскольку Вы *Ваще Таинственный*, а не *В Частности Таинственный*, однако в случае со мной... Считать ли меня целой величиной в данный момент, если как раз в данный момент я представлен лишь в одном из своих возможных образов?

— М-да... — сник Ваще Таинственный, но тут же и воодушевился: — Тогда лучше всего объяснить наше превосходство с помощью множеств!

— Вот это другое дело! Мы с Вами суть множество, а он — нет! Мы два, а он один.

— Ну-у-у... — разочаровался в собеседнике Ваще Таинственный. — Так не пойдет. Что такое «два» и что такое «один»? Эти абстракции даже Ежу не были бы понятны. Тут самый важный момент — переход от конкретных предметов к числам. Будем переходить постепенно. Возьмем свиную сардельку и золотую пуговицу.

— *Где* возьмем? — тщетно озадачился практичный Пластилин Бессмертный.

— Не юродствуйте, коллега! — на ухо, но строго оборвал его Ваще Таинственный. — Итак... возьмем множество свиных сарделек и множество золотых пуговиц.

— *Множество?* — задохнулся от радости Пластилин Бессмертный.

— И будем считать, — не давая себя сбить, продолжал Ваще Таинственный, — одну свиную сардельку из первого множества эквивалентной одной золотой пуговице из второго множества. *Это очень важно.*

— Конечно, будем считать! — почувствовав ответственность, согласился покладистый Пластилин.

— Спасибо. Тогда, в том случае, если *одной* свиной сардельке из первого множества соответствует *одна* золотая пуговица из второго множества и при этом остаются лишние свиные сардельки... (тут внимательно слушавший Пластилин изловчился и, выхватив из-за шиворота кусок мяса, с жадностью проглотил его прямо сырым), получается, что множество свиных сарделек шире, чем множество золотых пуговиц, — разумеется, при том условии, что лишних золотых пуговиц не остается.

— Ну, это уж как пить дать! — с *огромной* уверенностью в постоянной нехватке золотых пуговиц подтвердил Пластилин Бессмертный. И еще внимательнее стал слушать дальше. Однако дальше последовал только вывод:

— Стало быть, у нас с Вами есть способ неопровержимо доказать, что нас *гораздо* больше, если рассматривать нас как множество свиных сарделек, а его — как множество золотых пуговиц. — Тут Ваще Таинственный со значением кивнул на Петропавла, давно уже стоявшего с широко раскрытым ртом.

— Так давайте докажем ему это! — обрадовался Пластилин.

Ваще Таинственный посмотрел на него с большим подозрением.

— Мне *казалось*, — тихо и сухо произнес он, — что это уже давно доказано.

— Когда? — Пластилин совершенно оторопел.

— Только что, — тише и суше некуда ответил Ваще Таинственный.

— Это... это когда речь шла о золотых сардельках и свиных пуговицах? — весь запутался Пластилин Бессмертный.

Ваще Таинственный вздохнул. Ваще Таинственный зевнул. Ваще Таинственный отвернулся. Причем отвернулся со словами, только теоретически прозвучавшими:

— Если Вы не любите метод *больше жизни*, мне не о чем с Вами разговаривать.

— Я люблю метод, — смутился Пластилин Бессмертный. — Но не этот... — Он помолчал и вдруг с вызовом заявил: — Мне *больше жизни* нравится метод доказательств от противного.

— Ах, вот что! — всплыл из речевого небытия Ваще Таинственный. — Так раньше надо было сказать: откуда же я знаю, какой *именно* метод Вы любите *больше жизни*. Значит, от противного?

Пластилин кивнул и, внезапно засмутившись, признался:

— Правда, я не совсем уверен, что правильно понимаю «противное». Поэтому можно сказать, что *больше жизни* я этот метод люблю, скорее, бессознательно...

— «Противное» все понимают правильно, — окончательно справился с голосом Ваще Таинственный. — Впрочем, сейчас я объясню Вам некоторые тонкости — и тогда Вы согласитесь, что данный метод вполне заслуживает того, чтобы его любили *больше жизни* еще и сознательно.

— Буду Вам весьма признателен, — Пластилин Бессмертный вежливо склонил голову.

— Итак... прежде всего нам следует выбрать само противное, для наглядности даже *очень* противное. И от него доказывать. — Ваще Таинственный поднял глаза к небу, словно *очень* противное находилось там.

— Еж был *очень* противный, — напомнил Пластилин Бессмертный. — Но Еж сейчас в бегах. Что же касается того существа, которое стало Ежом впоследствии...

— Не будем о нем, — в некоторой степени безмолвно попросил Ваще Таинственный. — Об *отсутствующих* не говорят плохо.

Петропавел тут же хотел напомнить о своем присутствии, но решил, что с него и так довольно выслушивать о себе разные гадости.

— Кто у нас самый противный после Ежа?

— Вы, коллега, — просто сказал Пластилин Бессмертный.

— Ну, доказывать что-либо *от себя* Ваще не принято, — заскромничал Ваще Таинственный, потом продолжил: — Сразу после меня идете Вы, Вы тоже довольно противный, причем в каждом Вашем образе. Но доказывать что бы то ни было *от Вас* я считаю ниже своего достоинства.

— Честно говоря, — разоткровенничался Пластилин Бессмертный, — мы тут все противные. Так что какое угодно предположение смело можно доказывать *от любого из нас*.

— Пожалуй, Вы правы, — Ваще Таинственный обернулся к кустарнику, у которого организовано молчала толпа посторонних наблюдателей, остановил взгляд на Безмозгом-без-Глаза и так, чтобы его *почти* расслышали, произнес:

— Оно противное. Пусть подойдет.

Засыпая на ходу, Безмозгое-без-Глаза поплелось к эпицентру событий. Ждать пришлось минут двадцать, потом еще минут двадцать, поскольку во сне оно забрело слишком далеко.

— Так, — изнывая от нетерпения доказывать, приступил к делу Ваще Таинственный и, проведя жирную черту на земле возле нижней части Безмозлого-без-Глаза, предупредил всех заинтересованных: — Доказывать будем *отсюда*. Перед нами противное Безмозгое-без-Глаза, которое с этого момента мы для краткости будем называть просто Противное-без-Глаза.

— А давайте его и потом тоже, и всегда так называть! — счастливым голосом предложил Ой ли-с-Двумя-Головами.

— Давайте, — согласился Ваще Таинственный. — Докажем *от него*, то есть от Противного-без-Глаза, что один меньше, чем два. Для этого сразу же опять перейдем от абстрактных чисел к конкретным предметам, а именно — к глазам. Так проще всего, поскольку глаза — зеркало души. Предположим, что перед нами не Противное-без-Глаза, а Противное-без-Глаз. Тогда, если верна данная посылка, следовало бы считать, что перед нами слепое Противное или Противное слепое, что то же. Однако, как ни противно нам рассматриваемое существо, утверждать, что оно слепое, значит противоречить здравому смыслу, поскольку, со всей очевидностью, данное противное существо зрячее, даже *отсюда*... — В ходе доказательств Ваще Таинственный далеко отодвинулся от первой жирной линии на земле и провел вторую жирную линию там, где теперь стоял. — Вы видите меня, эй, Противное-без-Глаза? — *слишком громко* для него спросил он.

Безмозглое ответило: «Ну!» — не просыпаясь.

— Видит!.. Стало быть, оно противное, но зрячее, а отнюдь не слепое. И, стало быть, доказательство от Противного-без-Глаза привело нас к абсурду, чего, честно говоря, я и ожидал с нетерпением. Поэтому исходную посылку следует считать неверной.

— А кто посылал посылку? — сердито крикнуло Смежное Дитя.

На него зашикали, чтобы дослушать рассуждения Ваще Таинственного до конца.

— То есть перед нами не Противное-без-Глаз, но Противное-без-Глаза, а следовательно, отсутствие одного менее значимо, чем отсутствие двух, или, наоборот, отсутствие двух более значимо, чем отсутствие одного.

— А кто здесь отсутствует? — опять заорало Смежное Дитя.

— Какое противное это Дитя! — во всеуслышанье заявил Пластилин Бессмертный. — Надо было *от него* доказывать.

— Я лучше знаю, *от кого* доказывать, — тихонько обиделся Ваще Таинственный.

— В этом никто не сомневается! — поспешил исправиться Пластилин Бессмертный. — Но дитя, согласитесь, противное... Простите, что нечаянно перебил Вас. Мы внимательно слушаем дальше.

— Я уже закончил, — через паузу сказал Ваще Таинственный. — Странно, что от меня *еще* чего-то ждут. По-моему, доказательство было построено блестяще.

Поняв, что мыслительный процесс завершен, все расслабились и широко заулыбались Ваще Таинственному, давая понять, что ими овладело состояние истинного интеллектуального восторга.

— Теперь, когда мы убедили *его* (о Петропавле продолжали говорить в третьем лице, будто его здесь не было) в том, что численное преимущество на нашей стороне, он, безусловно, сменит свою агрессивность на нашу доброжелательность — и *тогда* можно будет смело водить его дальше, дальше и дальше... вплоть до *самого некуда*, — размечтался Пластилин Бессмертный и устало добавил: — Ибо, как мы видим, Слономоська полностью и окончательно подготовлен к настоящему вождению... Слономоськи.

Петропавла — видимо, в чисто демонстрационных целях — еще совсем недолго поводили по близлежащим окрестностям и оставили в покое. Примечательно, однако, что, водя его, на него же совершенно и не обращали внимания, как если бы не водили его вовсе... Петропавлу стало казаться, что отныне он невидим — иначе непонятно было бы, на каком основании столь явно игнорируется живое все же существо! *Его Живое Существо. Его Единственное Живое Существо!*

* * *

Еще мне хочется рассказать одну *бесконечно* печальную историю про одну *бесконечно* несчастную обезьяну. Впрочем, мало кто согласится со мной, узнав о том, что это за история и что это за обезьяна. Потому как вспоминать обо всем случившемся почему-то принято весело, с такой, знаете ли, шутовской интонацией, чуть ли не нараспев произнося:

«Обезьяна без кармана
потеряла кошелек...»

... ну, и так далее. Хотя, если вдуматься, то нет во всей мировой поэзии существа, более обиженного судьбой, чем эта обезьяна. Так что веселиться особенно нечего...

М-да, более обиженного судьбой и более невинного. Ибо какие бы то ни было претензии к обезьяне у нас пропадают сразу, уже после первой строки. Точнее, у нас даже *не успевают* возникнуть никаких претензий: глупо ведь, только услышав слово «обезьяна», тут же предъявлять к ней претензии. Обезьяны не для того существуют, чтобы предъявлять к ним претензии. Тем более — если нам незамедлительно сообщается:

«Обезьяна без кармана(!)»

То есть перед нами не просто абы какая обезьяна, но обезьяна заведомо обделенная. Что ж с того, что карманов у обезьян в принципе не бывает, — и нам легче представить себе обезьяну без кармана, чем с карманом... это слабое утешение! Ведь если бы мы услышали, скажем, о лысом человеке *без* волос, такой акцент нас тоже едва ли утешил бы. Напротив, нам стало бы еще горше: мало того, что лысый, так еще и без волос! И можно уже ничего не говорить больше ни об этом человеке, ни об этой обезьяне: с момента знакомства и тот, и другая прощены навеки. Иными словами, что бы они ни сделали, как бы ни проявились — они не виноваты! Да и что уж такого страшного сделала эта обезьяна? Подумаешь, потеряла кошелек! Тоже мне преступление... Во-первых, она без кармана. А во-вторых, она же *свой* кошелек потеряла, наверное! Во всяком случае, у нас нет причин заподозрить, что это был *чей-то еще* кошелек — иначе бы нам сказали чей. Но нам не говорят чей. И вообще действующих лиц в этой истории пока только одно — обезьяна. Значит, и кошелек — ее. Кому какое дело, потеряла обезьяна свой кошелек или нет!

Это касается только самой обезьяны, которая вправе делать с собственным кошельком все, что ей заблагорассудится: потерять, отдать нищим, съесть, наконец ...

Но — нет! Оказывается, не вправе. Возмездие приходит не медля: страшное, безличное возмездие, о котором сообщается глаголами в третьем лице. В третьем лице *множественного* числа!

«Ее взяли...»

Мало кого оставит равнодушным такая формулировка. И такой глагол. Жуткий и одинокий, выступающий в изолированной синтаксической позиции. Дальше будут подробности, но никто уже не хочет знать подробностей, потому что все понятно. «Взяли» — глагол предельно общего значения при всей его кажущейся конкретности. И только совершенно уж бездушный человек начнет уточнять: простите, как это взяли? Что значит — взяли? Любому же мало-мальски впечатлительному слушателю и без того тошно. Поздно уже уточнять: короткий будет разговор.

А разговор и правда короче некуда: только шаг вперед и уже — расстреляли. Без суда и следствия. Прямо тут, на месте «преступления». Чтобы, дескать, другим неповадно было терять свои кошельки. Итак:

«Ее взяли, расстреляли...»

Сколько времени прошло? Да всего ничего: только мы успели познакомиться с обезьяной, как ее тут же и расстреляли... Поразительно скупыми средствами передана эта трагедия абсолютно бесправной личности, которая не уполномочена даже распорядиться собственным кошельком. В трех глаголах — целая судьба: потеряла — взяли — расстреляли!

О дальнейших событиях людям со слабой нервной системой задумываться не рекомендуется. Поскольку все, что происходит потом, находится вообще за гранью рассудка. Расстрелянную, мертвую обезьяну... фактически не существующую уже —

«... посадили на горшок».

Что и говорить, это душераздирающая сцена. Надругательство над трупом обезьяны... есть ли ему оправдание? И что это за компания такая, которая с холодным цинизмом совершает действия одно другого страшнее? Просто в голове не укладывается, как это возможно. И какая изобретательность! Казалось бы, мало ли куда можно посадить умерщвленное существо: на поляну под дерево, прислонив спиной к стволу, чтобы существо издали производило впечатление как бы живого, или, скажем, на порог какого-нибудь дома, привалив труп к стенке: то-то, дескать, испугаются хозяева, когда увидят, что это!.. Разные существуют возможности. Но мертвую обезьяну сажают на горшок! Это вызов. Вызов всем сразу. Всем, в ком осталась еще хоть капля сострадания.

Но убийцам и этого мало. То, что нам предстоит узнать в следующий момент, способно свести с ума. «Такого не может быть!» — единственно понятная реакция на следующее сообщение:

«А горшок — горячий!»

Представляете себе? И правильно, не нужно представлять, ибо представить себе это нельзя. С холодной расчетливостью садисты сначала разогрели горшок, на который они уже раньше предполагали посадить убитую обезьяну, и все это время сохраняли горшок горячим... и горшок действительно не успел остыть, о чем свидетельствует заключительная фраза текста:

«Обезьяна плачет...»

Фраза эта убеждает: перед нами глубоко реалистическое произведение. Пытка раскаленным горшком настолько ужасна, что способна довести до слез даже покойника — существо, вроде бы, бесчувственное! И вот обезьяна плачет — кстати, это единственный глагол настоящего времени во всем повествовании. Глагол, как бы размыкающий страдания обезьяны в вечность. Все, о чем сообщалось до этого, имело конец. Но бесконечны муки покойной обезьяны...

Нет, сердце уже почти разорвалось. И нужно срочно придумать какое-нибудь другое развитие событий — хотя бы такое:

*Обезьяна без кармана
потеряла кошелек.
Ее тут же приласкали,
посадили на горшок.
А горшок холодный...*

Вообще-то тут тоже все как-то не так... Каждый из нас помнит, что даже после того, как приласкают, сесть на холодный горшок не слишком большое удовольствие. И быть уверенным, что, сидя на холодном горшке, обезьяна рассмеется, — это, конечно, довольно безрассудно.

Глава 19

Забыться и заснуть

Видимо, каких-то новых событий следовало теперь ожидать только после прибытия в НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТИК: Петропавел предположил, что водить по-настоящему его будут уже там. А до тех пор он впал в состояние как бы анабиоза, будучи ведомым по незнакомым ему дорогам. С ним никто не разговаривал — правда, кормили. Редко, нерегулярно и отнюдь не тем, чего ему хотелось бы. Неожиданно для себя Петропавел полюбил словосочетание «фу ты — ну ты» и часто пользовался им в пути. Как-то в ответ на очередное его «фу ты — ну ты» он услышал знакомый голос:

— Поменять бы Вам слова-паразиты, что ли! Пора уже!

— Ну, слава Богу!.. — Петропавел подпрыгнул бы, если б не избыточный вес Слономоськи. — Долго же Вас не было слышно!

— А я не говорил ничего — вот и не было слышно, — объяснился Блудный Сон. — Когда я говорю, *обычно* бывает слышно. Видно вот меня плохо...

— Понятно, понятно, — заторопился Петропавел, желая только одного: не упустить на сей раз Блудного Сона. — Скажите, мне показалось, что однажды... давно уже, во время траурной церемонии, кто-то проскакал на коне... с двумя головами?

— На *коне* с двумя головами? Это что-то новенькое! — весело ответил Блудный Сон. — Коней с двумя головами я пока не видел.

— Да нет же! Всадник был с двумя головами! Но это не Ой ли... Ой ли тогда рядом со мной был и сказал, что на конях не скачет...

— Не все, кто с двумя головами, *должны* скакать на конях, — умозаключил Блудный Сон.

— Разумеется! — торопился Петропавел. — Вот у меня и возник вопрос к Вам: не был ли это Всадник-с-Двумя-Головами?

— Минутку! — Блудный Сон, по всей вероятности, задержался около Петропавла. — У меня-то об этом зачем спрашивать? Ведь не я же видел всадника, а Вы... и, судя по Вашему рассказу, это был всадник именно с двумя головами!

— Я имею в виду *того* всадника, прежнего — *Всадника-с-Двумя-Головами!* У которого имя такое было: Всадник-с-Двумя-Головами.

— *Таких* имен не бывает, — твердо сказал Блудный Сон. — Это все равно, что сказать: «Вот человек с тремя подбородками» — и считать такое описание *именем* данного человека. «Как Вас зовут?» — «Человек с тремя подбородками, а Вас?» Оно даже и не очень прилично получается... Мало ли у кого какие недостатки!

Петропавел чувствовал, что тупеет уже окончательно.

— Дело в том, — очень обстоятельно начал он снова, — что раньше... еще раньше я был знаком с одним всадником. Его называли... за глаза, кажется, Всадник-с-Двумя-Головами.

— Так это же совсем другое дело — называть *за глаза!* Что ж Вы мне голову морочите, которая у меня одна? Есть множество невоспитанных особ, способных за глаза еще и не такое сказать.

— Да я не про то... Вы вообще-то понимаете, о каком *именно* всаднике идет речь?

— Понимаю: о всаднике с двумя головами. Но если Вы хотите спросить меня, о каком *именно* всаднике — *из* всадников с двумя головами! — Вы говорите, то такого всадника я не знаю.

— Я говорю об одном *вполне определенном* Всаднике-с-Двумя-Головами, я видел его раньше... тогда же, когда был знаком со всеми остальными: с Шармен, с Бон Жуаном, с Белым Безмозглым... И когда они велели мне целовать Спящую Уродину.

— По-моему, Вы просто немножко запутались в образной системе, — загадочно, как Ваще Таинственный, сказал Блудный Сон. — Ну, хорошо... оставим эти ностальгические мотивы. Допускаю, что во время траурной церемонии где-то в отдалении и проскакал *именно тот самый* всадник с двумя головами, Вам знакомый, — и что же?

— А то, что я с ума схожу, вот что! Или уже сошел.

— Это не одно и то же, — вскользь заметил Блудный Сон.

— *Для меня* одно и то же! Потому что события последнего времени — они вообще уже... полный вперед! Я и раньше-то не понимал, где я, а теперь и подавно.

— Да Вы *все там же*, не надо так нервничать, — минуты две-три Блудный Сон помелькал молча. — И не надо засыпать и задумываться столь часто, потому что, проснувшись или очнувшись в той же самой точке, в которой Вы заснули или задумались, Вы можете продолжить движение уже *чуть-чуть* в другом направлении, то есть оказаться в параллельном мире, который, между прочим, все это время тоже эволюционировал... бок о бок с тем миром, в котором Вы находились до этого. То есть *фактически* Вы в прежнем пространстве и прежнем времени, но на боковой, факультативной, скажем, линии... Мне казалось, Вы это уже сообразили — или должны были знать такие вещи.

— Предположим! — плохо понимая Блудного Сона и даже не стараясь понять его как следует, отрезал Петропавел. — Но если уж мне никак не выбраться отсюда домой, то я хочу, *по крайней мере*, туда, где был сначала! Где Всадник-с-Двумя-Головами!

— Вот наказание-то... — вздохнул Блудный Сон. — А чем Вас Ой ли не устраивает? Он тоже с двумя головами!

— Ой ли *не должен быть* с двумя головами, он *должен быть* Лукой ли! Он из Андерсена. А Всадник-с-Двумя-Головами — это... потому что у Майн Рида есть Всадник *без головы вообще* и потому что у какого-нибудь другого всадника в мире, *следовательно*, две головы... Там было все яснее ясного! А тут попробуй пойми — с какой такой стати этот Ой ли оказался вдруг с двумя головами...

— И тут все яснее ясного, — спокойно сказал Блудный Сон. — Просто непривычно немножко. Для Вас.

— Но я *не хочу* привыкать, понимаете?

— Понимаю, однако сие от Вас не зависит. Вам *придется* привыкнуть: Вы же *здесь*, а не там, в данный момент. Но, между прочим, *та* жизнь, о которой Вы вспоминаете, она тоже продолжается... очень недалеко отсюда.

— Без меня?

— Почему же без Вас? С Вами.

— Но я-то *здесь*!

— Вы так потому говорите, что по-прежнему считаете, будто у Вас *только одно* существо! Вот и... как бы это выразиться... *пользуетесь им одним*. Остальные же свои существа Вы бросили на произвол судьбы — и они *там*, на произволе судьбы, не ведают, что творят.

— Все равно ведь эти жизни... две эти жизни, про которые Вы говорите...

— Пардон, я говорю про *гораздо* более чем две жизни.

— Неважно! Но *все* эти жизни — они же не пересекаются?

— А как Вы тогда попали из одной в другую? Как тогда на траурной церемонии оказался Всадник-с-Двумя-Головами, Ваш старый знакомый? Выходит, что *могут* и пересечься. И если бы Вы *пользовались* даже не всеми — хотя бы некоторыми из своих существ, то, попадая с одной линии на другую, куда меньше удивлялись бы происходящему там. И не пытались бы наводить там порядок до тех пор, пока Вас об этом не попросят.

— А что я делаю... то есть как я веду себя сейчас *там*, Вы не знаете?

— Почему же не знаю? Знаю.

— Расскажите! Расскажите мне об этом!

— *Об этом* бессмысленно рассказывать... *это* надо прочувствовать самому. Вы же там живете — не я! Тут важно только *самосознание, самоощущение* — все прочее есть фуфло, как сказала бы Смежная Королева.

— *Тут* так говорит Смежное Дитя...

И Петропавел задумался — впервые за все время разговора. А потом неожиданно для себя отомстил Блудному Сону, причем чисто геометрически:

— Параллельные прямые не пересекаются!

— Вы все тот же... — умилился Блудный Сон. — Кто ж Вам сказал, что они прямые?

— Так если параллельные, значит ведь, прямые? А если не прямые, значит...

— Уроки Ваще Таинственного пошли впрок. Ставлю Вам «отлично», — сказал Блудный Сон, скучая где-то далеко в стороне.

— У меня еще только последний вопрос... они там все чем заняты, пока я тут черт знает во что превращаюсь?

— Музей открывают. Мимореальный Музей Бревна, убивавшего Муравья-разбойника.

Петропавел вздохнул. Действительно, как обидно, что он не с ними!

А Блудный Сон вдруг взял да и перестал мелькать.

— Мелькайте дальше! — потребовал Петропавел. Но потребовал тщетно, догадываясь, что *так* тут лучше не разговаривать.

— Он опять занят беседами с самим собой, наш милый, наш странный Слономоська! — услышал Петропавел: именно это сообщила Королева Цаца интимно летевшему рядом с ней Центнеру Небесному — так же, как и все остальные, она, видимо, не считала факт присутствия Петропавла сколько-нибудь значимым и напрямую к Петропавлу не обращалась.

— Философ! — добродушно рассмеялся Центнер Небесный — впрочем, при всем добродушии интонации слово это прозвучало как «идиот».

— Да, философ! — крикнул Петропавел в два раза громче, чем мог. На крик даже не обернулись.

Что же это такое происходило-то, а? Кажется, на него не просто не обращали внимания — его самым элементарным образом *не слышали*, словно голос его вообще не сообщал воздуху необходимых колебаний. Возникло впечатление, что он находится под стеклянным колпаком, который изолирует его от окружающих. Один только Блудный Сон каким-то образом сохранял способность к взаимодействию с ним.

Если его все равно не слышат, решил Петропавел, имеет смысл, по крайней мере, разрядиться. Решение было приведено в исполнение немедленно.

— Эй вы, мерзавцы! (— Не слышат! —) То, что я подчиняюсь вашим дурацким распоряжениям, еще не значит, что вы победили! Я в любой момент могу плюнуть на все это и порвать ваш смехотворный поводок! Теперь, когда во мне столько весу, кое-кого из вас я мог бы и растоптать очень даже спокойно. Так что имейте в виду: я все-таки Слономоська!

— Ура! — взвизгнула Шармоська. — В нем проснулось самосознание! Он сказал: «Я все-таки Слономоська!»

Тут все они бросились к Петропавлу, принялись пожимать ему конечности — и трудно было понять, как случилось, что голос его стал вдруг слышен.

— Долго еще будет продолжаться этот идиотизм? — сразу же воспользовался Петропавел падением звукового барьера.

Ответа не было. И ему опять показалось, что никто ничего не услышал.

— Не пора ли кончать со всем этим? — повторил он. — А если кому-то очень недостает Слономоськи, пусть сам попробует *сделаться* Слономоськой, не обременяя других, так сказать.

— А хрен ли Слономоська больше ничего не говорит? — закапризничало Смежное Дитя, словно Петропавел действительно не произнес ни слова. — Пусть говорит!

— Видишь ли, детка, — начал объяснять Ваще Таинственный, — когда в живом существе просыпается самосознание, данное живое существо чаще всего впадает в шоковое состояние: слишком уж сильным оказывается потрясение. Дай Слономоське прийти в себя, не торопи его... Вспомни о том миге, когда ты впервые осознал себя человеком!

— А с чего ты взял, дед, что я человек, позвольте полюбопытствовать? — смежно, как ему и полагалось, высказалось престарелое Дитя, путая пустое «Вы» с сердечным «ты». — Я торчу от таких фишек!

За время этого диалога Петропавел *совершенно случайно* понял кое-что, имевшее отношение непосредственно к его теперешнему положению.

— Позвольте мне как Слономоське... — сказал он *специальным* экспериментальным голосом — и даже продолжать не стал.

Его услышали, зашептались:

— Внимание! Он говорит! Слушайте Слономоську!

— Да пошли вы со своим Слономоськой... — снова сказал он теперь уже обычным своим голосом и снова не стал продолжать.

После мучительной паузы Смежное Дитя заныло:

— Он опять не говорит! Я ему сейчас просто вломлю промеж ушей!

Так и есть... Худшие предположения Петропавла оправдались: его слышали *только* тогда, когда он говорил, что называется, от имени Слономоськи, то есть когда он был Слономоськой. Стоило ему вернуться в *свое* естественное состояние — его переставали воспринимать органами слуха. На него вообще не обращали внимания. Да, веселая теперь начнется жизнь. Раздвоение личности уже обеспечено... Стоп-стоп-стоп: раздвоение личности! Или — мания двуличия, как называл это Слономоська. Ну, конечно! Значит... Значит, Слономоська тоже *не всегда* был Слономоськой — знал он, значит, и другие времена. Кем же он был? Неужели *человеком*? Хотя ведь...

Это было открытие: оказывается, Петропавел не мог с достаточной определенностью сказать, был Слономоська человеком или нет даже в тот момент, когда Петропавел его впервые увидел. Конечно, Петропавел помнил, что перед ним предстало существо, отдаленно напоминающее слона и моську сразу, причем довольно громадное, но вот *человеческое* существо или... или *нечеловеческое*? Вопрос этот внезапно показался Петропавлу неразрешимым абсолютно. Аб-со-лют-но.

— Я должен сосредоточиться, — грозно сказал сам себе Петропавел. — Я должен собраться.

— Уйдем отсюда, — предложил всем присутствующим Ваще Таинственный. — Не будем мешать ему пробуждаться.

И они на цыпочках покинули Петропавла. Он остался один как перс.

Он сосредоточился. Он собрался. Ясности не было. Слономоська возникал в его памяти как слово. Возникал как понятие. Но никакого *конкретного* объекта не стояло

за этим понятием, несмотря на то, что об объекте этом Петропавел как будто знал все: и что натура его крайне противоречива, и что Слономоська хотел как-то покончить жизнь самоубийством, но не мог решить, кого именно убить в себе — слона или моську, и что у него есть невеста — Тридевятая Цаца, она же — Спящая Уродина...

Впрочем, ни той, ни другой как будто не существовало: Тридевятая Цаца не то вообще распалась... не то, наоборот, объединилась со Смежной Королевой и с Летучим Нидерландцем, которые, в свою очередь, не то распались, не то объединились с другими... или *и* распались, *и* объединились. А про Спящую Уродину вообще теперь ничего не понятно... Хотя Блудный Сон и утверждает, что *тут* (где «тут» — тоже большой вопрос!) все так и было и что Петропавел раньше тут *тоже* бывал — и правда, когда бы в противном случае он успел пригвоздить Гуллимена к борту арены шпагой? — а кроме того, бывал еще и не *тут*, а там, где находился в соответствии с его, Петропавла, представлениями!

«Я б хотел забыться и заснуть!» — пропел вдруг Петропавел и засмеялся. Засмеялся, надо сказать, довольно глупо. И как раз в этот самый миг — бывают же совпадения... совпадения совпадений! — мимо него опять проскакал Всадник-с-Двумя-Головами: теперь-то уж Петропавел точно разглядел, что не какой-нибудь вообще — с двумя головами, а именно *тот самый*!

— Пойдите! — крикнул Петропавел.

Всадник остановился — немисливо далеко.

— Простите, — Петропавел употребил на это «простите» весь голос, который у него был. — Вы и есть *тот самый* Всадник-с-Двумя-Головами?

И тут же подумал: «Что за глупый вопрос я задал!», но Всадник-с-Двумя-Головами уже кивнул и — исчез. А куда исчез, неизвестно: направление определить было невозможно.

— Какая нелепость! — вслух сказал Петропавел.

— Никакая не нелепость, — ответил Блудный Сон, снова возникший ниоткуда. — Всадник-с-Двумя-Головами — молчаливый персонаж, за все это время он не проронил ни слова. Так что ему действительно можно задавать только те вопросы, на которые допустимы *однозначные* ответы. А больше он Вам ничего не скажет. Пока.

— Тогда *Вы* говорите! — потребовал Петропавел и испугался своей требовательности. Но Блудный Сон, казалось, не обратил на это внимания.

— Я, конечно, скажу. Если Ваш запрос будет сформулирован корректно, а... а не как всегда.

Петропавел напрягся, как зонтик.

— Слономоська — человек?

— Так... — приостановился Блудный Сон. — Запрос сформулирован *как всегда*, чего и следовало ожидать. Насколько я понимаю, Вас в данный момент интересует, человек ли *Вы*, ибо *Вы* и есть Слономоська.

— Да нет! — нетерпеливо отвечал Петропавел. — Даже если я Слономоська, то не я себя интересую, а *тот* Слономоська... ну, как это сказать... экс-Слономоська, он человек?

— Для меня это вопрос праздный, — твердо ответил Блудный Сон. — Как и для всех тут: уверяю Вас, ответа на него никто не знает. *Это же не оговаривалось!*

— Где не оговаривалось?

— Ну, здесь... И там тоже. Это *нигде* не оговаривалось. Просто... Слономоська предьявлялся как *некоторая данность* — и все! Да обычно это и не оговаривается нигде и никем. А то странно было бы: «Здравствуйте, меня зовут так-то и так-то, я человек». Стало быть, не оговаривается. Зачем же *Вы* спрашиваете, человек он или нет, если нам *не дано* это знать?

— Просто я никак не могу вспомнить...

— А что касается всех остальных — *про них* Вы вспомнили? Про Ежа, например: он кто — животное? *Сам по себе* животное, животное *в своем представлении* или животное *в Вашем представлении*? И — когда Вы были Ежом, а Вы ведь успели уже им побывать, — Вы были животным? Животным *для себя* или *для других*? Животным в представлении человека, которым Вы *еще были*, или животным в представлении человека, которым Вы *уже не были*, то есть фактически животным *в представлении животного*?

Петропавел слабо загородился конечностью от призрака Блудного Сона. В точности он не знал даже того, *когда именно* перестал быть Ежом и *сделался ли* Слономоськой, а если перестал и *сделался*, то сохранилось ли в нем что-нибудь от человека... или никогда и не было в нем ничего от человека, а напротив, всегда он представлял собою метафизическую субстанцию, *говорящую* метафизическую субстанцию, по меткому, как латышский стрелок, выражению Таинственного Остова... Да, он мог связно рассказать о том, кем его *считали* или за кого *принимали*, но вот кем он действительно при этом *был...* и *был ли*?

Глава 20

Страшный сад

Теперь Петропавла привели отнюдь не в НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТИК. Когда Белый Свет, на котором разыгрывались события последнего времени, подошел к концу, Остов Мира вдруг объявил голосом гида:

— СТРАШНЫЙ САД.

Петропавел не то чтобы оробел, но сильно проникся: словосочетания такого рода действуют независимо от обстановки, а потом... кто их всех тут знает, верить им, в конце концов, или нет! А Белый Свет, между тем, и впрямь несколько... потемнел, что ли.

Кстати, было не очень понятно, *вводят* его уже или просто *ведут*, а это ведь далеко не одно и то же! Хотя... зеваки-то кое-какие попадались, правда, не *толпы зевак* и не *на улицах*, а так... отдельные и в чистом поле. Но появлялись ли они *в связи* со Слономоськой или *вне всякой связи* со Слономоськой, этого у них на лбу написано не было. А если и было, то слишком мелко.

— Как Вы думаете, коллега, — Пластилин Бессмертный взял Ваше Таинственного под руку, — Слономоська когда-нибудь выйдет из того ступорального состояния, в которое его погрузила мысль о том, что он *Слономоська*?

— Я бы на его месте не вышел, — лично прореагировал Ваше Таинственный. — Мысли типа «Слономоська есть Слономоська» *ваще* безысходны, а потому надеяться фактически не на что.

— Но нам ведь нужно с ним как-нибудь взаимодействовать! — сразу же заволновался Пластилин Бессмертный. — Иначе глупо получается: Слономоська существует, но не мыслит. Во всяком случае, *не говорит* о том, что мыслит.

— Мыслить и говорить о том, что мыслишь, — разные вещи, — напомнил Ваше Таинственный. — Говорить о том, что мыслишь, — это уже называется «общаться», а не «мыслить».

— Общение и мышление *в принципе* исключают друг друга, — сказала в промежутке между двумя зевками Противное-без-Глаза (так тут теперь называли Безмозглое — впрочем, ему было все равно, как тут теперь его называли).

— Из этого высказывания, — с радостью подхватил противоречивый Пластилин Бессмертный, — как раз и следует, что Слономоська мыслит: он же не общается ни с кем!

Ваше Таинственный погладил Пластилина по голове — ласково, словно чужое дитя.

— Дело в том, — ни с того ни с сего начал Петропавел, не зная, как он будет продолжать, — ... что я не вижу выхода из создавшегося *во мне* положения...

— ... и это совершенно естественно, — тихо поддержал его Ваше Таинственный.

— Значит, Вы, — в свою очередь поддержал Ваше Таинственного Пластилин Бессмертный, с непонятной радостью посмотрев на Петропавла, — на пути к тому, чтобы

стать *бессмертным*, ибо только бессмертие есть полное отсутствие какого бы то ни было выхода!

— Почему только бессмертие? — оживилось вдруг полумертвое Противное-без-Глаза. — Безмозглость — это тоже полное отсутствие выхода. *Тем более что безмозглость в данный момент вакантна.*

— Каких-то полдня всего вакантна! — поспешил придраться Пластилин Бессмертный.

— Не спорьте со мной, а то засну *навек*, — пригрозило Противное-без-Глаза, и испуганный Пластилин умолк. — Все уже условились называть меня не Безмозглым-без-Глаза, а Противным-без-Глаза, к чему я отношусь абсолютно без интереса, но таким образом безмозглость как признак, как метафизическое свойство, согласитесь, зависает в пространстве...

— Зависает, зависает! — подлым голосом поддакнул Старик-без-Глаза, вполне аутентичный старик, вообще лишенный детских черт, что поразило Петропавла чуть ли не больше всего остального в этой истории.

— Вы же были Смежным! — крикнул ему Петропавел.

— А ты — смешным! — не растерялся Старик-без-Глаза и рассеялся в окружающей действительности.

— ... тем более, — продолжало Противное-без-Глаза, — что пациент уже идентифицировал себя в качестве Слономоськи, а большего от него и не добиться. То есть никакого развития характера, по-моему, не предполагается. — Противное-без-Глаза зевало теперь даже не через слово — через слог.

Петропавел понял, что пациент — это он. Если бы у него было хотя бы *немного* свободного времени, он, может быть, продуктивно и поразмыслил бы о том, не сумасшедшего ли все-таки дома он пациент... Но времени не было *ни секунды!*

— К тому же, тут давно *очередь на Слономоську* выстроилась, — все еще героически не засыпая, продолжало активизировавшееся Противное-без-Глаза. — Кому не понравится-то, когда его *ведут*?

— Э-э, нет! — Петропавел вмиг осознал ситуацию. — Я уже привык быть Слономоськой, мне... мне это приятно, а вот Безмозглым — ни за что!

Собеседники повели себя так, будто он опять ничего не сказал, хотя явно *услышали* сказанное.

— А Бессмертным у него еще будет время побыть. *Вагон* времени! — мрачно сохмил Ваще Таинственный.

— Между прочим, еще Нидерландец хотел Безмозглым побыть! — мелочно заметил Пластилин, сделав вид, что ему как бы обидно за обделенного друга. — Полетали бы с его, более или менее!..

— Да он уже Тридевятый давно, Ваш Нидерландец, и попробуй узнай, чем он там у себя, за тридевять земель занимается, — может, спит как сурок! — нахамил отсутствующему Ваще Таинственный.

— Пусть *этот* Безмозглым будет, Нидерландца нет нигде! — Появившийся откуда ни возьмись Грамм Небесный, оказывается, уже слетал за тридевять земель и все разузнал.

— Ну, пусть! — утешился собственной непоследовательностью Пластилин и задел за живое Грамма: — Вот уж кому-кому, а Вам бы *в первую очередь* не мешало амплуа поменять... Варьируетесь тут, понимаете ли, в пределах *одного* жанра!

Но Грамма Небесного и след простыл... и даже замерз.

— Я не хочу быть Безмозглым! — заметался в *совершенно* разные стороны Петропавел.

На него посмотрели плохо. И сказали:

— На Ежа Вы согласились чуть ли не со скандалом, от Слономоськи руками и ногами отбивались, теперь от Безмозглого нос воротите, хотя, как бы это сказать, насчет мозгов у Вас... А что поразительно — так это патологическое стремление занять ту или иную... гм, должность *навсегда!* Просто *синдром штатности* какой-то. В каждом случае: если уж кем стать — так навеки! Вы конформист. Или коммунист.

— *Должность?* — Петропавел все-таки нашел, к какому слову придраться.

— Ну, не должность, не должность!.. — плаксиво затынул Пластилин, а Ваще Таинственный, взглянув Петропавлу прямо в глаза Слономоськи, тихо взорвался:

— Все-таки ужасно трудно с Вами! Как с мертвецом...

Петропавел не успел отреагировать надлежаще строгим образом, поскольку вместе со всеми ему пришлось обернуться на *страшный* шум. Какие-то гонцы, похоже, докладывали о поступлении *новых* сведений — в том числе и насчет Спящей Уродины, что особенно сильно взволновало Петропавла: Спящая Уродина все еще оставалась его *последней* надеждой!

— Где ее нашли? — он едва протиснулся к источнику информации. Им оказался Гуллимен, которого, наконец *отгвоздили* от борта арены, как не без облегчения предположил Петропавел.

Гуллимен имел вид повесы и был явно под хмельком.

— Ее *не* нашли, — уточнил он, глядя на Петропавла так, словно ничего не случилось во время той памятной *им* всем корриды. — Просто о ней *прошел слух*.

— Как это «прошел слух»?

— Ну, так, как говорят «прошел дождь» или «прошел год», — дружелюбно пояснил Гуллимен.

Между тем Гуллимена уже ставили в курс актуальных событий: повесу под хмельком живо заинтересовала вакансия Слономоськи.

— Нет никакой вакансии! — из оставшихся сил упорствовал Петропавел.

— Вот настырный! — вздохнул Ой ли-с-Двумя-Головами. — Ну, хорошо: хочешь, мы *посмертно* объявим тебя Почетным Слономоськой, если тебе *так дорог* этот образ? Будешь Безмозглым Почетным Слономоськой!

— Не буду! — с безысходной решительностью заявил Петропавел. — Я вообще ухожу отсюда.

— Очень сожалеем, но теперь это абсолютно исключено.

Хор голосов прозвучал как никогда слаженно. И как никогда окончательно.

— А в чем дело? — как никогда окончательно испугался Петропавел.

— Дело в позиции. Еще одной позиции. Занимаемой конкретно Вами. Без которой уже не обойтись, — такими короткими фразами объяснил суть дела Остов Мира. А напоследок выдал длинную: — Количество возможных комбинаций напрямую зависит от количества имеющихся в распоряжении позиций.

Петропавел не понял — тоже как никогда окончательно, в чем и признался.

— Не понял — не надо, — не мудрствуя лукаво ответил Остов Мира. — Тем более что *Ваще Безмозглomu* и необязательно что бы то ни было понимать.

— Безмозглomu — кому?!

То, что выяснилось впоследствии, Петропавел отказывался переваривать. Как из тумана, всплывали перед ним доводы: что-то насчет пресловутой вакантной позиции Безмозглого, которая, дескать, *вынужденно* вакантна, а кроме того, насчет усталости Ваще Таинственного быть *настолько* Таинственным и желания его стать Белым Таинственным, ибо позиция Белого вакантна *случайно* или по недосмотру, и, наконец, насчет освобождения в связи с этим позиции Ваще, на которую пока *ваще* никто не претендует. В силу каковых обстоятельств Петропавлу и предлагалось теперь сделаться *Ваще Безмозглым*.

Ничего более отвратительного, чем *Ваще Безмозглое*, он себе не представлял. И именно *этим* ему полагается быть теперь?

— Я свободная личность! — декларировал Петропавел.

— Это понятно, — поняли его. — Но обстоятельства... Они стеклись таким образом, что в данной точке пространства и времени для данной свободной личности существует только одна свободная позиция и, значит, только одна возможность воспользоваться своей свободой.

Петропавел принялся немотивированно выкрикивать отдельные звуки.

— Ну, что тут скажешь? — дружно развели руками присутствующие. — *Ваще Безмозглое*.

Придя в себя, Петропавел спросил:

— А *готовить* меня к этой новой... должности не будут?

— Да нет, — сказал *Ваще Таинственный*, начиная понемногу белеть. — У тебя и так все *славно* получится. Тебя будто сама природа создала быть *Ваще Безмозглым!*

— И на пень меня сажать не надо?

— Так это *Белое Безмозглое* на пне сидело... на какой-то поляне, забыл название, — объяснил *Грамм Небесный*, на мгновение случившись возле, — а ты же *Ваще Безмозглое*. Тебе-то зачем на пне сидеть?

— Вроде, незачем, — согласился Петропавел. — А где я тогда буду сидеть?

— Сиди тут, если хочешь, — разрешили ему. — А мы побежали передавать *из уст в уста* миф о Спящей Уродине, о которой *прошел слух*.

— Я тоже хочу передавать, — альтруистично проявился Петропавел.

— Ну, передавай... — разрешили ему и это, срываясь с места гурьбой и тут же коллективно развивая необратимую скорость.

— Как это делается *из уст в уста*? — чуть не насмерть задохнулся на бегу Петропавел.

— А вот так! — *Гуллим*ен подпрыгнул и заорал во все горло: — Как известно, *прошел слух!*

Ему ответил дружный раскат (впрочем, тут же и закат) хохота.

— Так вот, *слух прошел* — и опять ни слуху, ни духу, — *Гуллим*ен развел руками. — И все снова выглядит так, как будто этот миф придуман не нами. Очень смешно.

— Очень смешно, — серьезно подтвердили остальные, продолжая нестись с необратимой скоростью.

— А этот миф придуман *вами*? — еле выдохнул Петропавел.

— Теперь уже неважно кем!.. Когда что бы то ни было уже придумано кем бы то ни было, вопрос об авторстве теряет всякий смысл, — по-быстрому объяснил *Пластин Бессмертный*. — Продолжайте передавать из уст в уста, — обратился он к *Гуллим*ену. — Ужасно интересно!

— Так вот! Миф обрастает *свежими* подробностями. *Поговаривают*, что Спящая Уродина все это время не столько спала, сколько...

— ... бодрствовала? — не выдержал Петропавел.

— Экий ты... конкретный! — *Гуллим*ен словно в первый раз увидел Петропавла. — Раз не спала — так обязательно бодрствовала? Да нет... насчет того, *бодрствовала* она или нет, ничего не известно. *Поговаривают* же, что она не столько спала, сколько *снилась*.

— *Снилась... кому?* — схватился за соломинку Петропавел.

Соломинка тут же и обломилась — *Гуллим*ен опять развел руками и поинтересовался:

— Не слишком ли много вопросов, если учесть, что у Вас мозгов *совсем* нет?

— Это... просто *так говорится*, что нет! — той же монетой оплатил Петропавел.

— *Просто так* ничего не говорится!

Ну, здравствуйте!..

— Тут все, между прочим, только и делали, что убеждали меня в обратном! — воскликнул Петропавел. — А именно в том, что слова *говорятся просто так* — безо всяких оснований.

— Может быть, *говорятся-то* и без оснований, — Гуллимен вздохнул, — но, как правило, *для чего-то*. То есть безосновательные заявления тоже могут преследовать некую цель. Высказывание обычно беспочвенно, но обычно не бесцельно.

... Внезапно те, кто бежали впереди, резко остановились — бегущие следом попадали на них. Петропавел, до того тащившийся сзади, оказался на самой вершине пирамиды.

— В чем дело? — спросил он оттуда, как с трибуны.

— СТРАШНЫЙ САД... начинается, — раздался сдавленный — в частности, им самим — шепот. И *чрезвычайно* стройная до этого момента пирамида развалилась в полном беспорядке. Петропавла отшвырнуло в сторону. Где-то на пути в сторону он потерял сознание.

Очнувшись, он только и успел произнести:

— Не будь я Ваще Безмозглым...

— С какой это стати? — услышал он рядом с собой. — С какой это стати ты присвоил себе *мое* ампула, когда я давно уже в очереди?

Рядом с ним стоял *совершенно очевидно* Безмозглый Нидерландец с дурными намерениями в руках.

— Тихо-тихо, — попытался урезонить его Петропавел, с опаской поглядывая на дурные намерения, — я Ваще...

— И о Ваще думать забудь! — прервал его Безмозглый Нидерландец. — *Ваще* теперь *Тридевятый*: его просто никогда уже не видно — он *постоянно* за тридевять земель, даже на окрик не отзывается... Э-э-эй, Ваще Тридевятый!

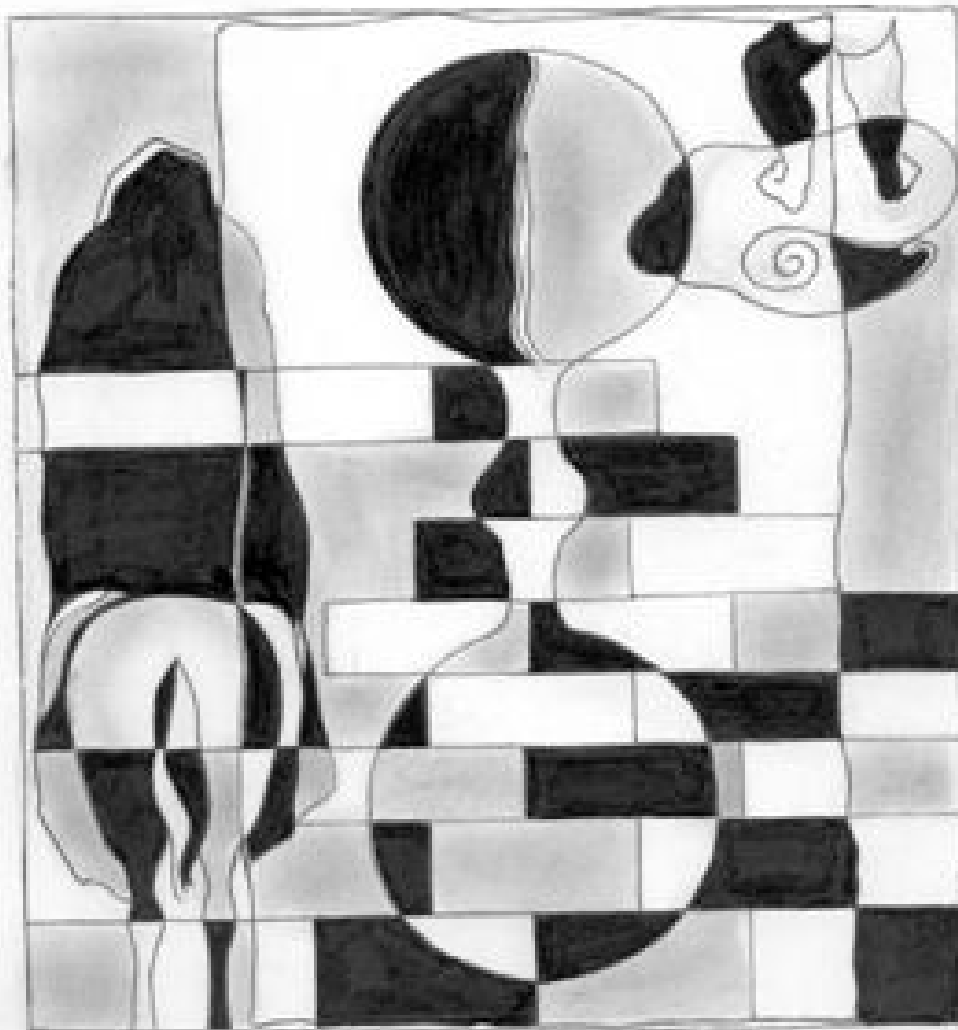
Отзыва действительно не было.

Ну, слава Богу!.. В голове Петропавла стало светло, как в больнице. Теперь, когда все их дурацкие вакансии заняты, он может наконец стать тем, кем был когда-то... вот только бы вспомнить, Петром или Павлом!

Он машинально огляделся по сторонам, словно ища того, кто помог бы ему ответить на этот вопрос... Никого подходящего не было. Тогда Петропавел хотел закрыть глаза, чтобы сосредоточиться, но тут прямо из-под земли вынырнул перед ним всадник. *Всадник-с-Двумя-Головами*. И белый его конь стал перед Петропавлом *в точности* как лист перед травой — Петропавел даже удивился разительному сходству коня с листом.

— Не спи! — только и сказал Всадник-с-Двумя-Головами.

Впервые за время их знакомства он *произнес слова* — причем выглядело все так, словно Всадник-с-Двумя-Головами за этим и прискакивал!

Глава 21

Oh, come to me, oh, come!

Петропавел хоть и старался выполнить приказ Всадника-с-Двумя-Головами *не спать*, но как следует не понимал, выполняет он его или нет, поскольку все-таки не вполне, вроде бы, наяву наблюдал странные видения...

Например, Ой ли-с-Двумя-Головами прогуливался совсем недалеко от него в обнимку с Ой ли-Лукой ли: видимо, они обсуждали что-то исключительно важное — даже более важное, чем *совершенно невозможная* их встреча. Смежное Дитя сосредоточенно водило по небольшому лужку Слономоську, в похоронах которого, сколько помнил Петропавел, *то же самое* дитя совсем недавно еще участвовало, а Шармоська внимательно наблюдала за этой процедурой, не обращая внимания на Бон Слонопуга, почему-то сильно домогавшегося ее, кажется, ласк.

Похоже, что пересеклись, наконец, все возможные линии — как параллельные, так и непараллельные: водимый Смежным Дитятей Слономоська на полном серьезе и в ходе вождения исхитрялся обнимать *теоретически* необъятную Тридевятую Цацу (интересно, *еще* как невесту или *уже* как жену?), а Бон Жуан преспокойно разговаривал с Ваще Бессмертным, не испытывая, вроде бы, никаких неудобств от того, что Ваще Бессмертный *явно* мужчина.

И все они возникали из остатков Белого Света без разбора — те, с кем он познакомился сначала, и те, с кем он познакомился потом... даже те, с кем он вообще не был знаком никогда!

Петропавел почти угадывал имена некоторых из них: вот это, наверное, Смежный Всадник (он выглядит, как кентавр), а это, допустим, Тридевятая Королева — Королева, все владения которой находятся *слишком далеко* отсюда и потому кажутся необъятными; или вот... еще одна Королева, но Белая и почему-то с черной повязкой на одном глазу, зато *очередное* Дитя — милое Бессмертное Дитя — печально смотрит вокруг *двумя* веселыми глазами Пластилина Мира... или Летучего Пластилина... или Пластилина Съездов. Таинственный Еж деловито шмыгает туда-сюда, по-прежнему *все понимая*, но никому об этом не рассказывая.

— Oh, come to me, oh, come! — неизвестно откуда взявшись, пропела Шармен и, испытующе глядя на Петропавла, с *исключительной* задумчивостью произнесла: «*Сущее не умножается без необходимости*», — после чего незамедлительно приступила к обычным для нее лобзаниям... с ним.

Для Петропавла нетривиальность даже этой, наполовину приевшейся уже ситуации состояла в том, что за процессом лобзаний сам он наблюдал *как бы* со стороны... да нет, просто *совсем* со стороны, в лобзаниях, вроде, и не участвуя. Хотя Шармен, со всей очевидностью, лобзала именно *его*, в это же самое время *другой он* с некоторого расстояния мог видеть, как именно это делалось. В определенном смысле ему даже было жаль себя... эдакой отстраненной жалостью случайного свидетеля не особенно

пристойной сцены. Впрочем, сцена эта занимала, по-видимому, его одного. Остальные пристально вглядывались в даль.

В ту самую даль, откуда что-то летело.

Летевшее было ужасным.

— Это Птеропапал, Птеропапал! — завизжала крохотная и, кажется, синтетическая Пластмоська, злодейски глядя на прежнего, то есть *не лобзаемого* Шармен, Петропавла.

Прежний Петропавел почувствовал *смутную* вину и захотел как-нибудь определенно отнестись к появлению нового персонажа — почти тезки все-таки! Но внезапно обнаружил, что разглядывать летевшего, подобно остальным, не в состоянии: поза, в которой он находился, не давала возможности поднять голову... и вообще шевельнуться.

Что-то случилось с ним за то время, пока он предавался беспокойному созерцанию всеобщих метаморфоз. Казалось, масса его увеличилась во много тысяч раз — и понятно, что управляться с таким тоннажом он еще не умел. Поэтому, когда тот, кого Пластмоська назвала Птеропапалом, приблизился, Петропавел увидел только его конечности — сплошные когти, лишённые какого бы то ни было мяса, словно измочаленные долгими странствиями по каменистым дорогам...

— Ну, все, — синтетически подытожила Пластмоська, — сейчас начнется!

Петропавел хотел спросить, что именно начнется, но не справился с отяжелевшими легкими, в то время как *другой* Петропавел, его двойник, без передышки лобзаемый Шармен, вообще был не в состоянии что-нибудь заметить.

— Увы, все — поддержало Пластмоську Бессмертное Дитя и по-взрослому горько вздохнуло: — Птеропапал этот наведет здесь порядок... пропали мы!

— А если Муравья-разбойника позвать?.. Хотя ведь богатырским пописком тут явно не отделаешься. А *вместо* Муравья-разбойника есть кто-нибудь? — слышался голос Белого Летучего... странно, что Петропавел узнал этот никогда не слышанный им голос.

— Не то *Сыновья*, не то *Кумовья Разбойника*... Впрочем, они нам не помощники, поскольку удались не в мать, не в отца, а в прохожего молодца.

— Печально.

И в ответ на это «Печально!» Петропавел краем глаза увидел, как приближается к Птеропапалу другое существо — скорее всего, *не менее жуткое* на вид.

— Петродактиль, — шепнула Пластмоська, и шепот ее потонул в грохоте и треске: то сошлись в страшной битве Птеропапал и Петродактиль.

Боковым зрением Петропавел наблюдал, как падают друг на друга массы деревьев и скал, как меркнут последние остатки Белого Света и как свет превращается сначала в красный, а потом в черный... И ничего уже было не разобрать в этом дыму, в этом чаду, в этом СТРАШНОМ САДУ — казалось, все, что было, пропало без следа, сгнуло с лица земли, да и лица земли уже не стало видно за чудовищными сдвигами земной коры...

Из глубокой тишины раздался наконец чистый голосок Бессмертного Дитяти.

— Мне кажется, — сказал голосок, — да... мне кажется, что *они победили друг друга*. И разлетелись в разные стороны.

— Умница, — выползая откуда-то из бездны, будничным голосом отозвался Белый Пластилин. — Удивительно точная формулировка: *победить друг друга*. Только бессмертные способны на столь точные формулировки. Впрочем, кто из нас не бессмертен — более или менее!

Еле прокашлявшись, Белый Бон, одетый не к месту парадно, произнес в задумчивости из-под обломка невесть откуда взявшегося в этих краях ледника:

— Говорят, так выглядела земля после гибели Атлантиды или что там у них стряслось... Слава Богу, что хоть посветлело!

— ... О, любовь моя! — крик Шармен свидетельствовал о перемене объекта внимания.

Белый Бон распахнул объятия — все поняв, но праздника на лице не имея.

— Ну, каково? — Петропавел, медленно трезвеющий после ласк Шармен, услышал около себя знакомый бестелесный голос. — А Вы, дорогой мой, существа свои все-таки, как перчатки, меняете! Заснуло одно — и Бог с ним, если другое бодрствует! Или — если Вам *кажется*, что оно бодрствует, хотя на самом деле бодрствует, может быть, именно то, которое Вы считаете спящим. Или *еще какое-нибудь* Ваше существо бодрствует — например, в данный момент отсутствующее...

Однако сейчас Петропавлу было не до самоанализа. Освободившись от Шармен, он видел вокруг себя, в рассеянном белом свете, *первозданный хаос* и пытался как-то разместиться в нем, что оказалось сложно. Множество частично знакомых ему существ празднично толпилось у подножья *душераздирающе* огромной горы, замыкавшей пространство СТРАШНОГО САДА и заслонявшей как горизонт, так и все возможные пути, кроме уже известных.

— Ну... и что дальше? — обратился сразу ко всем Петропавел, не вполне отчетливо понимая сущность тех событий, что имели место, когда Шармен лобзала именно его.

— Поздно спрашивать, голубчик! — за всех ответил Блудный Сон, оказывается, все еще бывший рядом. — Я, видите ли, *за Вами*.

— За мной? — Петропавел потряс головой. — Что это значит — «за мной»?

— Дело в том, что я ведь проводник... Харон, если угодно! — В голосе была легкая, как пушинка, насмешка.

— Проводник — куда?

— Туда-сюда. Из одного состояние в другое. — Множество пушинок полетело в разные стороны.

— Вы же были Блудный Сон! — укорил его Петропавел.

— Блудный Сон я и *есть*, — заверил голос. — Одно другому не мешает.

— То есть все мы все-таки видим сон... — вслух размышлял Петропавел. — При чем один и тот же сон. А один и тот же потому, что это сон блудный.

Самому Петропавлу его вывод показался весьма грациозным.

— Ну, насчет *всех* я бы не стал обобщать, — быстро обособился некто, кого Петропавел мог бы назвать, скажем, Ваще Бон. — Что касается меня, то я *никакого* сна, тем паче *блудного*, в данный момент не наблюдаю.

Остальные тут же присоединились к Ваще Бону, если это, конечно, был он. Так и выяснилось, что, кроме Петропавла, никому ничего сейчас не снится, а Петропавлу, стало быть, снится... раз уж он позволяет себе такие заявления и вообще слышит *голоса*!

— Получается, Вы — только *мой* сон?

— Пожалуй. Но оно и понятно: другим для того, чтобы перейти из одного состояния в другое, проводник не требуется. Они просто пребывают *во всех* своих возможных состояниях сразу — во избежание недоразумений... ну, чтобы потом уже не удивляться ничему.

— Стало быть, что же... Вы тут все живете нормальной разнообразной жизнью, а я один — сплю?

— Ну, как Вам сказать... То Ваше существо, которое задает этот вопрос, со всей очевидностью, *не спит*. Однако что касается другого Вашего существа — во-о-он того! — Блудный Сон промелькнул справа налево, в направлении горной гряды, — то оно *спит* как убитое. Насчет остальных Ваших существ пока нет ясности. Впрочем,

двое из них, кажется, победили друг друга в роковой схватке и разлетелись по частично сохранившемуся в легендах Белому Свету...

Петропавел не слышал конца реплики. Он изо всех сил вглядывался в горную гряду и узнавал... узнавал свои черты — в изгибах уступов, в напластованиях пород, в переливах света.

— Да это же... это же *Спящая Уродина!* — вдруг крикнул он и смертельно испугался своего крика. — Но она ведь миф!

— Выходит, для кого как... *Для Вас*, стало быть, не миф.

— Разве меня не разыгрывали — все это время... разве меня не разыгрывали?

— Может, и разыгрывали... только Вы ведь не позволили себя разыграть! Так что... разыгрывали, разыгрывали, *да и заигрались!*

— И, значит, я, именно я...

— Значит, именно Вы... а не Вы — так другой, не все ли равно кто! Хотя... справедливости ради, заметим, что в этой жизни Вам предлагалось многое, но Вы слишком уж страстно отвергали *любую* новую роль. На данный момент роли распределены — и практически все вакансии заняты. Спящая Уродина — *единственное*, что осталось, — и то потому, что она все время спала!.. Да не грустите Вы так: Спящая Уродина — это весьма... весьма монументальная роль... И Вам она очень *к лицу*.

... Надо ли говорить, что вновь возникшая перспектива целоваться, да еще целоваться теперь уже *с собой*, и даже страшнее — *с собой как со своей возлюбленной*, Петропавла не сильно обрадовала.

— По-моему, это противоестественно, — хрипло сказал он в никуда.

— Противоестественно — что? — спросил Бессмертный Ой ли.

— Себя целовать — вот что! Как *свою же* возлюбленную...

— Ну, если есть другие варианты... — на минутку проснулось Противное-с-Двумя-Головами.

— Поговорим о других вариантах! — отфистулил Петропавел.

— Например, один из других вариантов — *забыть*, что у Вас есть дом, — очень деликатно подсказала Таинственная Королева. — И тогда рассматривать возникшую проблему возврата домой как несуществующую. Еще один вариант — *вспомнить*, что у Вас есть дом. И тогда рассматривать как несуществующие все прочие проблемы — в том числе и проблему насчет... поцеловать Спящую Уродину — кем бы она ни была!

— Даже если она — я сам! — с отчаянием продолжил Петропавел.

— Можно подумать, это я виновата, что Вы такой, какой Вы есть! — обиделась Таинственная Королева и отвернулась, заметив в сторону с обольстительной улыбкой: — Подумаешь, трагедия — себя поцеловать!

— *Я не могу забыть, что у меня есть дом!* — сказал себе Петропавел. — Я не давал разыграть себя только потому, что все время помнил об этом. Мне важно было вернуться. *За это* я готов заплатить любую цену и считать не существующими любые проблемы.

Что ж... оно и действительно трудно: забыть, что у тебя есть дом.

Для Петропавла же это означало буквально следующее: *ему предстояло-таки поцеловать себя как свою возлюбленную*.

Ничего более глупого ему не предстояло еще никогда.

Теперь задача, которая ставилась перед ним в самом начале, то есть *поцеловать какое-то там существо как свою возлюбленную* — казалась ему пустяковой. В принципе, как целуют возлюбленных, Петропавел знал. Так он готов был поцеловать даже некую абстрактную уродину — хоть спящую, хоть бодрствующую. Однако поцеловать так себя... Нет, ну, *как-нибудь* поцеловать себя — это еще куда ни шло. Но что-бы так...

Впрочем... Приходило на ум кое-что утешительное, из одной какой-то жизни: насчет *чмокнуть куда придется* — давали же ему, помнится, такой совет! Совет, конечно, хороший, но вот проснется ли она... то есть проснусь ли я! — от *такого* поцелуя?

Хотя ведь, с другой стороны, кому как не мне это знать, проснусь я или не проснусь! А с третьей стороны... на черта мне вообще просыпаться — *еще одному* мне? Что я *с собой двумя* делать буду?

Петропавел подошел к праздной толпе у подножья *другого себя*. Праздная толпа неохотно обратила к нему свои многочисленные взоры. Вообще к Петропавлу тут, кажется, окончательно утратили интерес — как к тому, который существовал теперь в неприглядном виде Спящей Уродины, так и к тому, который был, что называется, *au naturel*... если можно так выразиться. Не то он стал для них совершенно уже привычным и потому как бы вовсе и не выделялся из общей массы, не то на него просто махнули рукой.

— Простите, как Вам с ним живется? — спросил он у Ваще Бессмертного, кивая на Ваще Таинственного.

Ваще Бессмертный и Ваще Таинственный едва взглянули друг на друга. Тут же к ним подошел Ваще Тридевятый и подлетел Ваще Летучий.

— Вас интересует, как кому именно с кем именно тут живется? — Квартет прозвучал весьма слаженно.

К произвольно образовавшейся группке начали подтягиваться Пластилин Бессмертный и Пластилин Мира, Таинственный Остов и Остов Мира... Замаячил смутный силуэт Тридевятой Цацы, легко подбежала Королева Цаца...

— Да-да, уточните, пожалуйста, что Вас действительно интересует: как кому именно из нас с кем именно из нас живется! — Хор звучал не менее слаженно, чем квартет.

— Секунду, — отчаянно и браво сказал Петропавел, впрочем, не очень уверенный в том, что он и есть Петропавел, но решившийся, тем не менее, на *последнюю* в этой жизни попытку упорядочения сущего. — Давайте построимся по порядку. Давайте разобьемся на пары...

— Мне с кем в пару встать? — упала прямо с неба, чуть не раздавив всех в лепешку, Тонна Небесная.

— Вам пока ни с кем! — поспешил и других насмешил Петропавел. — Пусть сначала остальные разберутся. Вот Пластилин Бессмертный пусть встанет в пару с Пластилином Мира...

— С кем из них? — на пятьдесят два подобия и бесподобия рассыпался, как карточная колода, Пластилин Мира, множась и множась дальше без остановки.

— Ладно, — оставил его в покое Петропавел. — Пусть тогда Белое Безмозглое...

— Белое или Противное? — вяло спросили со стороны.

— Белое! — рявкнул Петропавел. — *Белое* Безмозглое, я же сказал!

— Без-Глаза или с глазами? — еще раз спросили со стороны.

— Белое. Безмозглое. Просто, — слово за словом выговаривал Петропавел. — Мда... Белое. Безмозглое. Просто. Встанет. Рядом. С Дитя... Дитёй... Нет, со Стариком-без-Глаза.

— Обычным или Смежным? — уточнило Смежное Дитя.

— А с кем *мне* встать в пару? — не дав Петропавлу ответить, выкатился из-под горы Слономоська. — Учтите, что я *страшно* противоречив и мне *ни за что* не понравится предложенная Вами кандидатура.

Петропавел посмотрел на него. На Шармоську и Пластмоську. На Гуллипута, Гуллимена, Бона Слонопута... Перевел взгляд на стоявших рядом с ними, за ними... Насколько хватало глаз — всевозможные сущности, казавшиеся теперь *одной сущ-*

ностью, заполнили пространство СТРАШНОГО САДА под едва слышный напевчик Шармен: «Oh, come to me, oh, come!»

— А что там... после СТРАШНОГО САДА? — ни у кого тихо спросил Петропавел.

— Конец Света, — тихо ответил ему никто. — Или Начало Света.

— Мне туда, — просто сказал Петропавел никому.

— Молодец, — просто сказал ему никто. — Или болван.

И с улыбкой и слезой медленно отправился Петропавел *туда*. Рисовавшийся на фоне темного неба силуэт уже не казался ему ни похожим на него, ни непохожим, ни прекрасным, ни уродливым — он манил Петропавла как некая *граница*, граница между Концом и Началом Света, и граница эта была *Возлюбленной*... Коснуться границы, поцеловать ее...

Он шел легко: дорога через СТРАШНЫЙ САД оказалась для него свободной — кажется, толпа сама расступалась перед ним или просто не имела плотности. Так же легко прошел он и сквозь гору, не замечая сопротивления материи мира и приготовив уста для поцелуя.

Белый Свет был за горой. Белый Свет и Лес, в котором росли деревья и травы, в котором пели птицы — в общем, всего было достаточно... «Как в ЧАЩЕ ВСЕГО», — сказал он вслух. И, больше не отдавая себе отчета в том, какое из *его* существ произнесло эти слова, какое — бесформенной громадой осталось лежать за спиной, какие отправились по сотням дорожек, разбегавшихся в разные стороны, и какое, наконец, выбрало этот, кажется, правильный путь домой, он припустил через ЧАЩУ ВСЕГО по едва заметной тропке...

Когда тропка закончилась, Петропавел ступил на небольшую зеленую лужайку. Трава на ней становилась все реже и реже: вот уже начали мелькать паркетные плитки... паркет... Кое-где на паркете, правда, виднелись еще отдельные травинки, но вот исчезли и они.

«Неужели? — Петропавел боялся даже подумать о доме, как боялся думать все время, пока пребывал в этой дикой, в этой нелепой местности, даже названия которой он так и не узнал. Да и к чему название, в самом деле?.. Неужели я дома? Дома, где никто не будет терзать меня странными своими вопросами и смущать странными своими ответами, где никто не станет упрекать меня в недостатке каких-то никому не нужных качеств, считать отважным идиотом, морочить мне голову... Дома!.. Я забуду все это, как страшный сон, как наваждение, я выброшу это из головы!»

Он вернулся.

По знакомой комнате ходили родные люди. Они приводили помещение в порядок: взрыв пирога с миной наделал дел, но уборка уже заканчивалась. И опять накрывали на стол: теперь, кажется, пора было ужинать.

Он вернулся.

Часы на стене заиграли свою музыку.

— Который час? — спросили из соседней комнаты.

— Девять, — прозвучало в ответ.

Он вернулся.

На кухне звенели чашки. Там смеялись: чья-то шутка, вроде бы, имела успех. Пахло ванилью, как в детстве.

Он вернулся.

Действия домашних были быстрыми, точными и уверенными. Изредка обменивались только самыми необходимыми словами — такими же быстрыми, точными и уверенными.

... Он наклонился и сорвал у самых своих ног маленькую зеленую травинку — последнюю память о ЧАЩЕ ВСЕГО. Огляделся: не видел ли кто. Никто не видел. Он повертел травинку в руках и поднял глаза.

— Травинка, — сказал он. — Из ЧАЩИ ВСЕГО.

— И... что теперь делать? — спросили со смехом и добавили: — Расставь-ка стулья по местам.

... И вдруг, прижав травинку эту к самому сердцу, он побежал.

Паркету не было конца, но первые растения уже пробивались, а потом то тут, то там — все реже и реже — замелькали только отдельные паркетные плиточки и — кончилось.

Как далеко, оказывается, было до лужайки — маленькой зеленой лужайки у начала тропы! Но вот и лужайка, вот уже и тропа позади... Горная гряда выглядела теперь гораздо более материальной, чем прежде. Только узкий проход, по которому, наверное, и вышел на Белый Свет Петропавел, тускло светился в толще горной породы. Подозрительно гудели горы, нужно было спешить... Он помчался вперед по тесной расщелине, что-то обваливалось у него за спиной, обломок камня сильно ударил его по ноге. В двух шагах от него случился обвал — только бы успеть. Рушились уступы, камни заслоняли проход, становившийся все менее *проходом*.

Не широкими, как в первый раз, но тесными — ах, какими тесными! — воротами приходилось проникать ему теперь в этот мир...

И рухнула горная гряда. Петропавел едва успел выскользнуть с противоположной стороны расщелины. Облегченно вздохнув и даже не обернувшись, он побежал по равнине. Его Большой Выбор был сделан, а обвал отрезал пути назад. Впрочем, что такое «вперед» и «назад», «вправо» и «влево», «вверх» и «вниз», он уже не понимал. Как не понимал и того, в скольких разных направлениях одновременно устремилось множество его или не его существ по Белому Свету.

— Привет, Пластилин Тридевятый! — услышал он в свой адрес и кивнул на ходу Ой ли-без-Глаза.

По равнине во весь опор проскакал Ваще-с-Двумя-Головами, на ходу обернувшись и помавав ему рукой.

Но он уже не видел приветственного жеста, поскольку в ту же самую минуту, почувствовав себя Летучим Дитятей, взмыл высоко в небо...

* * *

Тоже вот есть странная одна история, начинающая весьма и весьма обыденно:

«Жили-были дед да баба».

Тут *все* нормально: деды и бабы действительно живут на свете — и прежде тоже жили, так что ни в какие противоречия с нашим опытом начало это не вступает. Дальше тоже все как будто в порядке:

«Была у них курочка Ряба».

Очень хорошо! У дедов и баб, как правило, в самом деле водится какая-нибудь живность — чаще всего курочки, в крайнем случае — *одна* курочка. Впрочем, не задерживаемся на этом сведении: сведение вполне ординарное — чего ж тут! История будет, видимо, проста, как сам народ. И следующая подробность только упрочивает нас в нашем предположении:

«Снесла курочка яичко».

Это отлично! Все идет как по маслу: дед и баба — живут, курочка — имеется, яичко — несется... сама жизнь дышит в бесхитростном этом повествовании. Правда, следующий факт немножко беспокоит — я имею в виду:

«Яичко не простое — золотое».

Неожиданно, но что ж делать: идеализирует народ свою жизнь!.. Всегда, кстати, этим и отличался, — стало быть, примем золотое яичко как допущение. *Предположим*: и такое, дескать, тоже бывает. Но *тогда* уж будем помнить: яичко у нас золотое, а не простое, так что...

И тут (с этого прямо места!) — история вдруг начинает развиваться довольно дико. Действия персонажей становятся почему-то *совершенно* немотивированными. Судите сами:

«Дед бил, бил...»

Вопрос: зачем? Зачем дед «бил» яичко, и не просто «бил», а «бил, бил!» — многократно и, видимо, тупо... с тупым, как говорится, равнодушием! Яичко-то золотое, это же очевидно! И дед, вроде бы, должен был его таковым и считать — во всяком случае, нам *ничего* не сообщено о том, что дед мог заблуждаться. Да и с чего бы ему заблуждаться? Стало быть, он *не* заблуждался, но все-таки «бил!» В то время как золотые яйца — не бьются. Потому-то и воспринимается нами в качестве закономерного результата следующее сообщение:

«Не разбил».

Понятно, почему не разбил? Понятно. А вот бабе непонятно!

«Баба била, била».

Экая дурная баба! Мало того, что сама ничего не понимает, так еще и на примерах глупого деда ничему не учится!

«Не разбила».

... чего и следовало ожидать! Очертания истории прозрачны: в одном хозяйстве снесла курочка золотое яичко, а хозяева, видимо, все-таки пребывают относительно яичка этого в

заблуждении: золота они отродясь не видели — вот и лупят по яичку, как по обычному, намереваясь, видимо, внутрь заглянуть... простаки!

Читаем дальше:

*«Мышка бежала, хвостиком махнула —
Яичко упало и разбилось».*

... *Ми-ну-точ-ку!* Что сделало яичко? Разбилось... В то время как золотые яйца не бьются! Мы, казалось бы, уже приняли это к сведению, и никаких вопросов на сей счет у нас не возникло. А на самом-то деле не дед и не баба, получается, заблуждаются — получается, это мы заблуждаемся всю дорогу... Но — попробуем сделать еще шаг:

*«Плачет дед,
Плачет баба».*

Извините... с чего бы это? Ведь за минуту до разбиения яйца мышью сами они стремились к тому же результату! Теперь результат достигнут: яйцо разбито — так что смотри внутрь сколько хочешь, изучай, как говорится, состав... А они — в слезы. Очень непоследовательные получают дед и механически повторяющая его действия баба. Или они настолько мелочны, что им важно, *кто именно разбил яйцо?* Но тогда так бы и сказать в начале: «Жили себе мелочный один дед и мелочная одна баба...» — тогда бы в их поведении ничего удивительного не было!

*«А курочка кудахчет:
Не плачь, дед ...»*

Стоп! То, что курочка «кудахчет», — в этом, разумеется, ничего необычного нет: курочки обычно только и делают, что кудахчут. Но данная курочка *не просто* кудахчет — она *человеческим языком* кудахчет, как бы походя (нарочито походя!) нам об этом ни сообщалось! Но тогда сам собой напрашивается еще один вопрос: если курочка умеет говорить, чего ж она раньше-то молчала? Почему ж, как немая, следила за бессмысленными поступками деда и бабы — не возмутилась, не объяснила ситуации? Очень подозрительная какая-то курица: эдакая курица-психолог, тестирующая простодушных деревенских жителей, вконец уже — вместе с нами — замороженных!

Так вот, она и говорит:

*«Не плачь, дед, не плачь, баба,
Снесу я вам яичко другое —
не золотое, а простое!»*

Тоже мне утешение: плакали-то они о золотом!.. И вообще — будь яичко с самого начала простым, никакой трагедии не произошло бы: дед благополучно разбил бы его с первого раза и без посторонней помощи. Даже баба бы разбила... Но на этом история кончается. Что ж это за история-то такая?

А вот представим себе:

«Жили себе дед и баба. Была у них курочка Ряба. Снесла курочка яичко — яичко не простое, а золотое. Обрадовался дед, обрадовалась баба. Взяли оно золотое яичко, понесли на рынок. И там за это золотое яичко дали им десять тысяч простых. Сто яичек они съели, а остальные протухли...».

Не знаю, устраивает ли такая история вас, но меня... — как-то вдруг не очень.

«Автобиография» для форзацев

Несколько слов о Е. В. Клюеве

Всякий раз, когда меня просят сказать несколько слов о Е.В. Клюеве, я испытываю большие затруднения, поскольку с Клюевым я знаком очень плохо — настолько плохо, что на несколько слов сведений о нем у меня бы не набралось. Сведений набралось бы, пожалуй, только на одно слово, но этого слова я лучше не стану произносить, чтобы не отпугнуть читателей.

Поэтому я расскажу о Клюеве с чужих слов — тем более что в них нет недостатка.

* * *

Клюев родился некоторое время назад, причем зря он это сделал. Любой на его месте поступил бы по-другому, но Клюев поступил как всегда — и с тех пор что-либо изменить было уже невозможно. Об этом Юрий Давыдович Левитанский, предпочитавший выходить от Клюева после девяти вечера, гораздо позднее сказал на всю прихожую: «Родиться — дело нехитрое».

* * *

Клюев родился в очень неблагополучной семье. Отец, Василий Михайлович, был старше матери, Людмилы Германовны, на 70 лет, в то время как мать была старше отца только на 58 лет, что изначально создавало в семье известный дисбаланс и, разумеется, впоследствии не могло привести ни к чему хорошему. Рассказывают, что мать Клюева посвятила всю свою жизнь Клюеву, тогда как его отец посвятил всю свою жизнь поиску ответа на вопрос, зачем она это сделала. Ответ никогда так и не был найден.

* * *

Свои детские годы Клюев вспоминал неохотно, однако под пытками начинал рассказывать о них охотно — и тогда уже потока воспоминаний было не остановить никакими вооруженными до зубов силами.

* * *

О своих школьных годах Клюев не вспоминал вообще. На соответствующий вопрос, заданный ему напрямую, он обычно отвечал: «Школьные годы — чудесные: с книгами, с дружбой, с песнями...» — но тут же сбивался и умолкал, потому что дальше слов не помнил. Впрочем, однажды, опять же под пытками, ему удалось воспроизвести не только этот текст, но и некоторые другие — в частности, тексты сыгранных им в детстве ролей: таких, как принц Вишенка, принц Клаус, принц Болталон и Сын Полка...

* * *

Руководитель драматического кружка при клубе «Октябрь» Александр Федорович Годлевский, очень любивший мятные конфеты, говорил, что из Ключева мог бы получиться замечательный актер детского театра. Но Ключев поразительно быстро состарился — и замечательного актера детского театра из него не получилось.

* * *

Однажды Ключев поступил в университет на факультет русского языка и русской же литературы, поскольку плохо знал как то, так и другое, а хотел знать хорошо. Однако достичь этой цели он не смог, ибо на протяжении всех пяти лет обучения разговаривал со своим учителем — Романом Робертовичем Гельгардтом, постоянно курившим ароматную трубку — только и исключительно по-немецки.

* * *

Скудных знаний русского языка, которыми располагал Ключев, ему хватило только на то, чтобы прочитать уральские сказы Бажова — причем со словарем, которым Бажов сопровождал ранние издания. По сказам Бажова Ключеву и пришлось защищать диплом. Известно, что Ключев не погиб при защите диплома. Воспользовавшись этим, Николай Александрович Гуляев, всегда носивший черный костюм с черным галстуком, принял Е.В. Ключева к себе на кафедру теории литературы, о чем вскорости сильно пожалел: Ключев тут же отправился сначала на защиту Родины в качестве солдата, причем опять не погиб, а потом - на защиту диссертации про неавторские типы повествования. При ее защите он не погиб тоже.

* * *

Однажды Ключев познакомился с Марией Владимировной Шульгой, любившей пить очень крепкий кофе и смотреть на проделки Ключева сквозь пальцы, ибо тогда Ключев выглядел как бы сидящим за решеткой. Там ему, между прочим, и было место, однако он, не зная своего места, проводил все время на кафедре русского языка и переводов под руководством Марии Владимировны Шульги. Из-за этого кафедру русского языка и переводов даже пришлось закрыть — причем на всякий случай вместе с институтом, которому кафедра эта принадлежала. К Марии Владимировне Шульге Ключев до самой своей смерти относился с такой нежностью, что всегда плакал при воспоминании о ней: эта дурная привычка сохранилась у него и после смерти.

* * *

Когда Ключев должен был заниматься наукой, он занимался поэзией. А когда должен был заниматься поэзией — наукой. Однажды Дмитрий Сергеевич Лихачев, летом предпочитавший вести научные беседы в саду, сказал ему: «Почему Вы во время разговора смотрите на жасмин, а не на собеседника — словно поэт!» Ключев устыдился и отвел глаза от жасмина. Когда он снова посмотрел на жасмин, тот отцвел.

* * *

Как-то раз Ключев по просьбе Людмилы Михайловны Штутиной, курившей только очень мягкие сигареты, написал одну книгу. Книга называлась «Между двух стульев» и вышла в издательстве «Педагогика». Все подумали, что это учебник, стали по нему жить и вскоре умерли. Впоследствии один из умерших возмутился: «Почему нужно было издавать эту книгу именно в “Педагогике”»!

* * *

Больше всего на свете Клюев любил дефисы и постоянно напичкивал ими свои книги, компрометируя тем самым русскую орфографию. Странно, что автором предисловия к первому изданию романа «Между двух стульев» стал Михаил Викторович Панов, всю свою жизнь искренне жалеющий русскую орфографию и даже написавший о ней знаменитую книгу под названием «А все-таки она хорошая!»

* * *

На обложке первого издания повести Клюева «Между двух стульев» имя автора было указано так: «Евгений Клюев». Переиздавая повесть через несколько лет, издатель допустил ошибку: на обложке второго издания в имени Клюева оказалось два «ни» — «Евгениний Клюев». А на обложке следующего, третьего, издания стояло уже три «ни» — «Евгенининий Клюев». Конец этой странной традиции положил Андрей Хегай, не любивший темного пива: осуществляя четвертое издание книги, он — вместо ожидаемых четырех «ни» — ограничился одним, таким образом вернув автору его доброе имя.

* * *

В юности тогда еще живой Клюев беспрестанно писал романтические стихи — в частности, про путешествие к Земле Королевы Мод. Александр Александрович Реформатский, никогда не менявший своих привычек, прочитав подборку, сказал: «А Вы модник!» Клюев очень смутился, жалея, что надел на встречу джинсы.

* * *

Клюев всегда боялся ученых и старался убежать от них. Как-то, заметив это, Степан Григорьевич Бархударов, обычно очень веселый в середине дня, сказал ему: «Посидите со мной еще — как с человеком, а не как с учебником!» Но Клюев и на сей раз испугался и убежал.

* * *

Когда Клюев начинал говорить по-русски, у всех просто уши вяли, потому что он постоянно засорял русский язык непечатными словами. Правда, Игорь Викторович Логинов, всегда евший на завтрак свежие фрукты, попробовал как-то напечатать некоторые из этих слов, но получилось очень некрасиво. Ему ничего не оставалось, как попросить воспитанную леди по фамилии Кук перевести их на английский, чтобы спасти репутацию Клюева на родине. Так увидела свет — причем исключительно старый свет (то есть Европу) — толстая книга сказок Клюева под более чем сомнительным названием «Ху из Сайленс» (“Who is Silence”), о выходе которой в издательстве «Радуга» на чуждом России языке родина Клюева, к счастью, так никогда и не узнала.

* * *

Одно время Клюев увлекся переводом на русский язык литературы абсурда. Опубликовав книгу «Целый том чепухи», он неожиданно перестал заниматься переводами. А когда студенты Клюева как-то спросили его: «Почему Вы больше не переводите?», — грубо ответил: «Чего ж добро на дерьмо-то переводить?» Однако говорят, что впоследствии он отказался и от этих своих слов, и от всех остальных, сказанных им (и не им) ранее, переведя на дерьмо практически все добро Эдварда Лира.

* * *

Несколько лет Ключев преподавал русский язык в американском посольстве. Один из его учеников, необыкновенно симпатичный американец Томас Ришой, был сыном датчан, в начале века эмигрировавших в Америку — датского языка Томас не знал. Впрочем, и на русском, как Ключев ни старался, ученик его не заговорил. Ключев решил отомстить ему: жажда мести была так велика, что Ключев переехал в Данию и, назло Томасу Ришою, выучил датский.

* * *

Однажды, болея гриппом, Ключев познакомился с Татьяной Ивановной Матвеевой, любившей тонкие духи и высокие звезды. С Татьяной Ивановной Матвеевой Ключев всегда говорил только по-русски — и Татьяна Ивановна Матвеева его понимала. Говорят, что до нее Ключева практически вообще никто не понимал.

* * *

Доброй традицией в московских кругах стало старательное уничтожение всего, что делал Ключев. Сразу после уничтожения кафедры языка и переводов при Институте печати была уничтожена газета «Литература», главным редактором которой Ключева легкомысленно назначила Татьяна Ивановна Матвеева, затем — газета «Миссия», главным редактором которой Ключева легкомысленно назначила судьба, и наконец — факультет журналистики, деканом которого Ключев легкомысленно стал сам. Те, кто уничтожал сделанное Ключевым, обычно на редкость хорошо относились к нему. Особенно хорошо относился к нему Борис Михайлович Бим-Бад, любивший одной рукою (Борис Михайлович Бим-Бад все время разговаривал руками) публично называть Ключева «Женечкой», а другой, свободной, рукою — бить коллег и студентов Ключева по башке. Он был бы не прочь бить по башке и самого Ключева, но Ключев к тому времени уже опять отошел в мир иной. Мир иной, в который он на сей раз отошел, назывался «Дания».

* * *

Как-то раз Ключеву сказали, что разговаривать с ним очень трудно. Ключев на несколько минут задумался — и тут же выпустил учебник «Речевая коммуникация», где на двухстах с лишним страницах объяснил всем и каждому, как правильно разговаривать с Ключевым.

* * *

У Ключева был очень неприятный голос, которым он на протяжении многих лет терзал радиослушателей едва ли не всех московских радиостанций. Прекрасно отдавая себе в этом отчет, Ключев всегда приглашал на свои передачи человека с самым красивым голосом в мире — Всеволода Осиповича Абдулова, пристрастившегося читать стихи Ключева по радио. Когда, забывшись, Ключев как-то сам прочитал одно из своих стихотворений в открытом эфире, Всеволод Осипович Абдулов не без сарказма заметил: «Лучше бы — в открытом море».

* * *

Ключев был очень косноязычен: часто случалось, что он двух слов не мог связать. За это Иосиф Михайлович Дзялошинский, носивший самые красивые галстуки в мире, часто ругал его и однажды ударил тяжелой ручкой «Parker» прямо в ухо. Ключев сильно огорчился и, желая наконец разобраться в том, что такое красноречие, в тот же день выпустил в издательстве «Приор» учебник под названием «Риторика». Прочитав и законспектировав свой учебник, Ключев стал очень красноречивым — и Иосиф Михайлович Дзялошинский потом почти всегда был им доволен.

* * *

Когда Клюев волновался, он начинал заикаться. Иногда он заикался так, что и все остальные в его присутствии начинали заикаться. Тогда Татьяна и Сергей Никитины попробовали петь его стихи — и, как ни странно, совсем не заикались, что удивляло как самого Клюева, так и всех остальных.

* * *

Клюев часто говорил, что он отказывается понимать русскую народную сказку про курочку Рябу. Однажды Борис Владимирович Заходер, сказал ему: «Курочку Рябу можно понять, только выучив птичий язык». Тогда Клюев немедленно выучил птичий язык и громко заговорил на нем, но тут уже курочка Ряба отказалась понимать Клюева.

* * *

У Клюева была очень хорошая память. Много лет Клюев носил очки, потому что без очков вообще ничего не видел. Потом Клюеву показалось, что он уже достаточно насмотрелся на окружающий мир, и он сорвал с себя очки и выбросил их в окно. Когда через несколько дней Виктор Васильевич Филатов, никогда не устававший любоваться окружающим миром, озабоченно спросил его, как же он без очков ориентируется в пространстве, Клюев ответил: «По памяти».

* * *

Как-то Клюев случайно открыл одну книгу и прочитал то, что в ней было написано. Прочитанное сильно не понравилось Клюеву — и он с ожесточением захлопнул книгу. Вдруг он понял, что текст принадлежит ему. Клюев еще раз открыл книгу и окончательно убедился в этом. Оказалось, что издательство «Дрофа» опубликовало Клюева без ведома Клюева. Тогда Клюев взял нож и вилку и решил убить главного редактора, но тут ему сказали, что редактора «Дрофы» уже убил кто-то другой — и даже того редактора, который был до него, тоже убили. После этого Клюев положил нож и вилку на место со словами: «Прямо как тут и были!»

* * *

Однажды Клюев подружился с Дмитрием Михайловичем Краснопевцевым, любившим рисовать предметы, завернутые в бумагу. Когда Клюев признался, что тоже хотел бы рисовать предметы, только развернутые, мэтр ответил ему: «Прекрасная идея... но очень неприличная». С тех пор, рисуя предметы, Клюев старался оставаться в рамках приличия, но это ему плохо удавалось — как в живописи, так, к слову сказать, и в литературе.

* * *

У Клюева отсутствовали элементарные представления о самых необходимых вещах. Например, он понятия не имел о том, что такое авокадо. Чтобы разобраться в этом, он даже написал пьесу под названием «Не хотите ли авокадо, мой друг?», — но, увы, так и не разобрался. Пьесу эту, к его удивлению, поставили в Америке, в одном из театров Нью-Хэмпшира. После этого у всей Америки пропали представления о том, что такое авокадо.

* * *

Клюев слишком часто писал про знаки — и московский театр «Знаки», в конце концов, счел своим долгом поставить его пьесу «Думайте о нас». Язык пьесы был настолько непонятным, что актеры предпочитали общаться знаками.

* * *

Когда случайные знакомые спрашивали Ключева о том, как он оказался в Дании, он обычно отвечал: «Я по ошибке сел не в тот поезд». Отвечая так, Ключев врал, ибо, — по свидетельству Тамары Ивановны и Владимира Ивановича Гейдоров, любивших провожать его в Данию, — он летал туда самолетом.

* * *

Как-то раз Ключеву хотели было дать премию Букера за роман «Книга Теней», но потом передумали и не дали. От этого Ключев заплакал, бросился с утеса в море и утонул. Рассказывают, что вскоре после этого он стал в голом виде являться членам букеровской комиссии по ночам и пугать их зловещим смехом. Члены букеровской комиссии один за другим сошли с ума — и следующие премии Букера вручали уже совсем кому попало: даже однажды вручили какой-то собаке, которая умела хвостом взбивать гоголь-моголь.

* * *

Ключев был ужасно тупым во всем — особенно в том, что касается техники. Когда ему установили Интернет, он целый год не мог разобраться в том, что такое «Входящие» и «Исходящие», и потому постоянно посылал письма самому себе, — старательно на них отвечая, но втайне считая, что переписывается с очень глупым корреспондентом.

* * *

Однажды весной прошлого столетия Ключев написал книгу под названием «Абсурдная теория литературы». Но редактор, носивший очки на веревочке, счел это название компрометирующим как издательство, так и самого Ключева, и постыдился выпускать книгу под таким названием. Книга вышла только в следующем столетии, зимой 2000 года, после очередной смерти автора, зато под достойным как издательства, так и покойного автора названием — «Теория литературы абсурда».

* * *

Ключеву очень хотелось преподавать в Дании русский язык. Но, поскольку он все время говорил только по-датски, никто не верил, что он знает русский язык, — и ему не давали его преподавать. Так Ключев и оказался вынужденным заниматься теоретической лингвистикой, причем молча.

* * *

Ключев ничего не понимал про жанры — и даже самого слова «жанр» не знал. Поэтому вместо жанровых подзаголовков он, как правило, пользовался бездарными выражениями типа «Книга с тмином», «Роман-бумеранг», «Настоящее художественное произведение» и другими. А однажды, провозжая в последний путь сборник рассказов «Царь в голове», даже присвоил ему подзаголовок «Энциклопедия русской жизни», от чего Виссарион Григорьевич Белинский перевернулся в гробу, причем дважды — то есть, приняв в конце концов первоначальное положение.

* * *

Заголовков к своим книгам Ключев придумывать тоже не умел. Как-то раз он совсем отчаялся и дал одной из своих книг название «Чепуха». Впрочем, уже в самый последний момент он, раскаявшись, написал это слово латинскими буквами, «Renuxa»,

беспардонно свалив при этом всю вину на ни в чем не повинного русского классика Антона Павловича Чехова.

* * *

Клюев всегда считал, что за всю свою жизнь написал только двадцать четыре сказки, но потом познакомился с Натальей Васильковой, убедившей его в том, что он написал их около двухсот. Клюев в конце концов поверил в это, а поверив, сразу же сел и написал недостающие сто семьдесят шесть. После этого Наталья Василькова издала его сказки двумя книгами (вышла и третья — правда, при ее активном сопротивлении), и у остальных тоже не осталось сомнений в том, сколько сказок он все-таки написал. С тех пор некоторые иногда считали Клюева честным человеком.

* * *

Клюев всегда стыдился отдавать свои стихи в печать. Однако случилось так, что стихи его стали время от времени печатать в «Новом мире», «Дружбе народов», «Арионе»... После этого стыдился уже не только Клюев, но и те, кто печатал его стихи.

* * *

Даже в конце жизни Клюев не мог, как ни старался, говорить на языке, понятном и приятном собеседнику. Торульф Гангосэттер, носивший еще более длинные шарфы, чем Клюев, просил его: «Не говори по-норвежски только потому, что ты общаешься с норвежцем. А то с такими представлениями о вежливости встретишь китайца — намучаешься!»

* * *

Говоря по-датски, Клюев часто употреблял немецкие слова. Говоря по-немецки, он нередко употреблял датские. Чтобы хоть как-то навести в этом порядок, Клюев взял и решил выпустить свои сказки на немецком и датском по отдельности. Но по отдельности не вышло: в его книге «Истории на ночь», изданной на границе Дании и Германии, царит такой же беспорядок, как и в голове самого Клюева: там в одну кучу свалены его сказки на немецком и на датском. И совершенно непонятно, для кого эта книга предназначена.

* * *

За то, что Клюев выбрал себе работу со студентами, говорившими на 157 языках, его зачастую называли Вавилонской башней. Клюев радовался, что его не называли вавилонской блудницей, а когда его спрашивали, на скольких языках ему приходится говорить ежедневно, Клюев признавался, что только на одном — языке дружбы. Который — тут он почему-то загадочно улыбался — понятен каждому.

* * *

В третьей половине жизни Клюев пристрастился сам иллюстрировать свои книги. Когда к нему приставали с вопросом почему, он признавался, что чужих книг портить своими иллюстрациями не хочет.

* * *

При жизни Клюева постоянно с кем-нибудь сравнивали, причем особенно часто — с Кэрроллом, Андерсеном, Булгаковым, Хармсом, Ильфом и даже Петровым. Глядя в зеркало, Клюев обычно недоумевал, как все эти — такие разные! — люди могут сочетаться в одном образе, и громко плакал от своего уродства.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1 Пирог с миной	7
Глава 2 Засекреченный старик	13
Глава 3 Сон с препятствиями	19
Глава 4 И да, и нет, и все что угодно	29
Глава 5 Головокружительный человек	37
Глава 6 Стократ смертен	43
Глава 7 Священный ужас по ничтожному поводу	51
Глава 8 Лото на лету	59
Глава 9 По ту сторону понимания	67
Глава 10 Милое искусство, коварное искусство	77
Глава 11 До и после бревна	83
Глава 12 Мания двуличия	91
Глава 13 Этот тот свет	103
Глава 14 От грамма к килограмму и далее	109
Глава 15 Еж отпущения	115
Глава 16 Конец охоты и начало траурной церемонии	125
Глава 17 Ничего этого не было	131
Глава 18 Свиные сардельки с золотыми пуговицами	137
Глава 19 Забыться и заснуть	145
Глава 20 Страшный сад	153
Глава 21 Oh, come to me, oh, come!	160
«Автобиография» для форзацев	169

